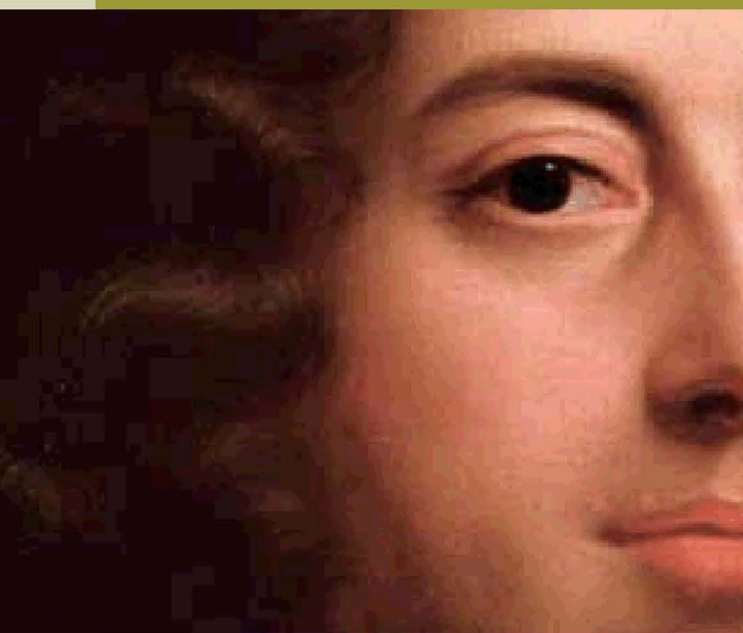


история / география / этнография



Людмила Ивонина

Герцог Мальборо
Человек, полководец, политик



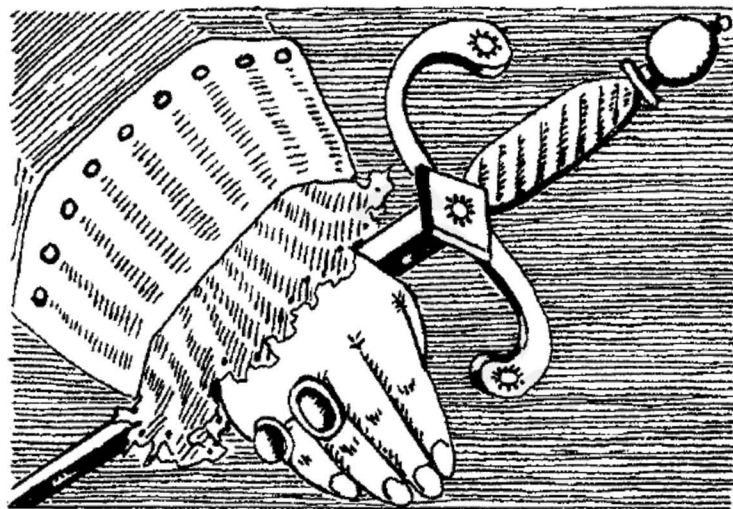
Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО



Людмила Ивонина

Герцог Мальборо

Человек, полководец,
политик



Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(420).06-07
ББК 63.3(0)51
И25

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тиболовой



ISBN 978-5-91678-510-4

© Ивонина Л., 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019



«Мальбрук
в поход собрался...»

Так за британцем одним «Мальбрук»,
упрямая песня,
Шла из Парижа в Турин, в Рим из Турина текла,
В Пизу, в Неаполь...

И, вздумай он парус поставить на Смирну,
Всюду «Мальбрук» бы настиг,
в гаванях пели б «Мальбрук».

Гете

«**М**альбрук в поход собрался...» (Marlbrough s'en va-t-en guerre) — это слова из популярной французской народной песенки. Считается, что ее сочинили французские солдаты накануне знаменитого сражения при Мальплаке в сентябре 1709 года из-за распространившегося ложного слуха о том, что виновник их пока безуспешной борьбы за испанское наследство герцог Мальборо убит. Известие это вызвало такую бурную радость

и такой эмоциональный подъем, что стихийно родилась песня, начинавшаяся так:

Мальбрук в поход собрался,
Миронтон, миронтон, миронтэн.
Мальбрук собрался на войну,
Бог весть, когда вернется.

Мальбрука в ней не оскорбляли, не унижали. Солдаты пели о том, как ушедшего на войну полководца терпеливо ждет его верная жена. Прошло много времени, а писем нет, и супруг не возвращается. Наконец, к ней является гонец, который рассказывает о гибели герцога и его похоронах — как проводили полководца в последний путь его верные офицеры: «Один нес его панцирь, другой — его щит, третий — его длинную саблю, а четвертый ничего не нес».

Песня о Мальбруке пользовалась популярностью и в России, но в ином варианте. Во время Отечественной войны 1812 года она была переведена на русский язык, и в солдатском обиходе приобрела комические и непристойные подробности. Под именем Мальбрука подразумевали императора Наполеона, и поэтому в вольном русском изложении Мальбрук погибал не в бою, а со страху «смертию поносной». Пародию на эту песню сочинял с группой приятелей А.С. Пушкин, а в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя Ноздрёв развлекал гостей шарманкой, «не без приятности играющей “Мальбрук в поход поехал”». В России выражение «Мальбрук в поход собрался» иносказательно применялось (возможно, и сейчас используется знающими историю и литературу людьми) к человеку, чье начинание могло закончиться неудачей. Но был ли неудачлив на самом деле герой этой песни? Или, может, наоборот?

Сегодня имя Мальборо известно широкой публике не столько из-за песенки о Мальбруке, сколько, увы, благодаря названию одноименного сорта американских сигарет, ставшего мировым брендом. Мальборо вдохновил табачных королей именно как соблазнитель, как своего рода английский Казанова — ведь изначально Marlboro (написание искаженное) создавался как женский бренд. Только в 1955 году на красно-

белой пачке вместо дамского угодника появился brutальный ковбой.

Не вовремя отправившийся на тот свет полководец, любимец женщин, ковбой... Герцогу Мальборо, можно сказать, «повезло» с излишней вариативностью и многоликостью своего образа в массовой культуре. Тем не менее даже это — свидетельство известности и популярности. Интересующиеся историей и политикой люди также знают, что он — знаменитый предок не менее знаменитого потомка, самого выдающегося премьер-министра Англии XX столетия сэра Уинстона Черчилля, проницательного политика и разносторонне одаренного человека. Сэр Уинстон гордился этим обстоятельством и внес значительную лепту в прославление своего предка.

О герцоге Мальборо и его эпохе написано море книг, первые из которых вышли в свет еще при жизни герцога. Независимо от политических пристрастий и научных направлений авторов этих работ, большинство из них в значительной мере, и прежде всего при анализе военных и политических достижений этого человека, носят апологетический характер. Мальборо предстает великим полководцем, дипломатом и героем нации, внесшим огромный вклад в развитие новой Англии, защиту ее политических принципов и быстрый рост влияния и силы на международной арене.

Славу и известность всегда сопровождает легенда, которая часто возникает еще при жизни выдающегося человека. Легенда о Мальборо состоит, как это нередко бывает с исторической памятью о выдающихся людях, из двух мифов. Миф первый — восхваляющий.

Его основатель — английский священнослужитель, ученый, пропагандист политики вигов¹, верховный капеллан английских войск на континенте во время Войны за испан-

¹ Виги — английская политическая партия в XVII — XIX веках. Оформилась в конце 70-х годов XVII века как оппозиция королевскому правительству в палате общин в противовес партии двора (тори). В словесных перепалках оформлявшиеся партии давали едкие прозвища друг другу. Слово «виг» первоначально обозначало фанатичного шотландского пресвитерианина, стяжателя и ханжу, а «тори» — ирландского разбойника-паписта, грабившего земельные владения англичан.

ское наследство, преданный друг и защитник полководца Фрэнсис Хэа. Хвалебная мифологизация герцога началась уже в октябре 1704 года, когда Хэа написал «Краткий обзор кампании в Германии 1704 года под руководством Его Светлости герцога Мальборо, капитан-генерала войск Ее Величества». А в августе 1705 года из-под его пера вышла первая биография герцога «Жизнь и славная история Джона Мальборо, князя Империи, генерала союзных сил...», дополненная в 1706 и 1711 годах. Этот труд с претензией на абсолютную объективность описывал «титанические усилия» главнокомандующего в течение десяти лет Войны за испанское наследство (1701—1714). Отставку герцога Хэа охарактеризовал как «неблагоприятный и незаслуженный конец великой карьеры на английской службе». В 1712 году биография Мальборо была переведена на голландский и французский языки, переиздана в Амстердаме и моментально распространилась на континенте. Она стала частью европейской пропаганды деяний полководца и лучшим мифом о патриоте и рыцаре без страха и упрека.

Великолепный образ Мальборо спустя шесть лет после его смерти в своей «Истории Карла XII» (1728) дополнил французский просветитель Франсуа-Мари Вольтер: «Этот человек, который никогда не осаждал город, который бы он не взял, или не сражался в бою, в котором бы он не победил, в Сент-Джеймсе являлся образцовым придворным, в парламенте — партийным лидером, а в иностранных делах — самым блестящим дипломатом столетия. Он одержал верх над Францией не только силой оружия, но и ума». Немалую лепту в прославление герцога внесла его супруга Сара, герцогиня Мальборо, которая вверяла бумаги мужа после его смерти известным политикам, просветителям и журналистам — Генри Болингброку, тому же Вольтеру, Ричарду Стилю, виконту Уильяму Молесворту и лорду Филиппу Дормеру Черстерфилду. К несчастью для общей легенды о Мальборо, ни один из этих пяти проектов его биографий не был начат, тогда как его противники продолжали оттачивать на нем свое литературное мастерство.

Тем не менее сочинения Ф. Хэа и Вольтера активно использовали биографы Мальборо и историки Войны за испанское наследство. Их работы преимущественно написаны в ключе

вигской традиции, согласно которой история Англии рассматривается как история политических достижений партии вигов, деятельность Мальборо — как начало британской военной славы, а венчавший Войну за испанское наследство мир в Утрехте 1713 года — как трагедия, которая могла привести к новой Реставрации монархии Стюартов в Англии. Вигское видение истории оправданно подверглось критике только в начале 30-х годов XX века, но взгляд на самого Мальборо почти не изменился.

Современный историк Античности К. Крист как-то справедливо заметил, что «кто пишет о Цезаре, должен соизмерять свой вклад с огромными историографическими достижениями. Превзойти их удастся только немногим». Если применить эти слова к биографам Мальборо второй половины XX — XXI века, то им постоянно приходится сравнивать свои работы с солидным сочинением о знаменитом предке сэра Уинстона Черчилля. Пожалуй, в Великобритании нет маломальски образованного человека, который бы не читал его трехтомный труд «Мальборо, его жизнь и время», основанный, прежде всего, на семейных документах родового гнезда Мальборо — дворца Бленхайм. Это сочинение, вышедшее в свет в 1933–1938 годах, стало самой популярной в мире биографией Мальборо прошлого столетия, переведенной на многие языки мира.

На пороге Второй мировой войны Черчилль стремился продемонстрировать роль военного фактора в истории и вместе с тем показал, что политический и военный гений Мальборо не смог бы ничего совершить, если бы в том не было исторической необходимости. Сэр Уинстон понял главную суть славы великого предка и не только продолжил «высокую» мифологизацию Мальборо, но и направил дальнейшее поколение английских биографов на более объективное и многоплановое рассмотрение личности и деятельности этого человека.

Миф второй — обвинительный. Не все отзывались о знаменитом герцоге столь положительно. Знаменитые английские писатели и просветители Джонатан Свифт и Даниэль Дефо вслед за политиками-тори дружно обвиняли его в стяжательстве и предательстве английских интересов на завершающем

этапе Войны за испанское наследство. Относившийся к числу его политических сторонников виг лорд Сомерс тем не менее утверждал, что «его амбиции безграничны, а алчность неутолима». Мнение Сомерса разделял другой знаменитый виг, долгие годы определявший в качестве премьер-министра политику Великобритании — Роберт Уолпол. Ярчайший представитель вигской историографической традиции Томас Маколей тоже критиковал Мальборо: мол, «славный генерал любил не только воевать, но и грабить».

Любопытно, что Наполеон Бонапарт, знаток военной истории в мельчайших деталях, создавая свою легенду, не включил британского военачальника в число отмеченных им знаменитых полководцев: «Истинные правила ведения войны — это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, принц Евгений и Фридрих Великий». Возможно, плененный на Святой Елене французский император и таким образом выразил свою неприязнь к англичанам, вечным своим противникам, один из которых — герцог Веллингтон — одержал над ним победу у бельгийской деревни Ватерлоо. А возможно, он считал военными гениями лишь тех, кого в ответственные моменты посещают внезапные «озарения», ведущие к победе, а не тех, кто заранее имел четко выработанный план действий и следовал ему, обретая успех. Джона Мальборо Наполеон относил к последним.

В настоящее время Мальборо предстает в литературе талантливым полководцем и политическим деятелем, блестящим дипломатом и беспримерным карьеристом, сложной в психологическом отношении личностью, в душе которой параллельно уживались готовность идти на риск и инстинкт самосохранения, патриотизм и жажда наживы. Однако на чаще весов военные достижения значительно перевешивают другие направления его деятельности. «Местом Мальборо в истории все равно остается его карьера военного» — таков вывод многих современных биографов. Но иногда даже его полководческие успехи подвергаются ревизии.

Споры вокруг его личности продолжаются и будут бесконечными, как сама история, в которой оставил свой заметный след герцог Мальборо. В этой книге он предстанет перед

читателем сквозь призму своих взаимосвязей с окружающим миром: внутренним и внешним, личным и общественным, природным и историческим. В этом поможет в первую очередь сам Мальборо, оставивший потомкам многочисленную корреспонденцию, настолько живую и эмоциональную, что она не уступает настоящим мемуарам. Помогут его жена Сара, его преданные друзья и непримиримые враги, императоры, короли и министры всей Европы.

Представить образ этого человека на русском языке необходимо хотя бы потому, что его деятельность самым непосредственным образом связана с историей России. Еще в 1986 году в Лондоне вышла в свет книга А. Ротштейна, название которой говорит само за себя — «Петр I и Мальборо». В российской же исторической литературе имя знаменитого английского полководца и политика до недавнего времени блистало своим отсутствием. Мы попытаемся восполнить этот пробел.



I. Эпоха перемен

Опоздав сделать что-нибудь одно,
ты опоздаешь сделать все.

Катон

Весь мир лицедействует.

Гораций

Любая история начинается со времени и места. На появлении на исторической сцене Британии и Европы такой личности, как Мальборо, во многом повлияла эпоха, в которую он жил. Все тогда, меняясь на глазах, поражало современников: привычные представления оказывались ошибочными, а привычные категории — пространство и время — было трудно зафиксировать и осознать. То была эпоха, на протяжении которой все необходимо было совершать немедленно и быстро, иначе можно было не успеть и остаться на задворках бурлящего потока жизни, полного заманчивых надежд и шансов на успех.

Джону Черчиллю повезло родиться, выжить, сориентироваться во времени и пространстве, успеть проявить свои

таланты во время противоречивого и насыщенного грандиозными событиями перехода от средневековой цивилизации к буржуазной. Когда Джон появился на свет, на континенте только что отгремела первая общеевропейская война — Тридцатилетняя (1618—1648), унесшая огромное количество человеческих жизней, но покончившая с целым рядом проблем прошлого. Вместе с ней стал историей связавший воедино религию и политику «конфессиональный век» (вторая половина XVI — первая половина XVII века), хотя еще долгое время его каноны и стереотипы мышления будут напоминать о себе. Началась удивительная эпоха перемен и одновременно стабильности, эпоха созидания, которую справедливо будет назвать Классической. Правда, это время (вторая половина XVII — XVIII век) в историографии чаще именуют Старым порядком. Не буду нарушать традицию для удобства читателя и использую в книге оба наименования эпохи, хотя понятие «Старый порядок» и не отражает все грани жизни многоликого и динамичного общества того времени. По сути, оно обозначает существовавшую тогда реальную жизнь через будущее, сквозь призму Французской революции, которая грянет только в конце XVIII столетия и окончательно изменит мир.

Позже XVII век назовут «малым ледниковым столетием», поскольку он характеризовался необычной концентрацией экстремальных климатических явлений. В одних частях света и странах имели место продолжительные засухи, в других — длительные дожди и наводнения, в третьих — землетрясения. Все эти явления породили демографический упадок, эпидемии, привели к неверным политическим решениям. В конце Тридцатилетней войны Европа была охвачена всеобщим кризисом, распространившим свои щупальца почти на все страны. Плохие климатические условия плюс инфляция и увеличение налогов, всей тяжестью павших на мирное население, вызвали недовольство существующими политическими и социальными порядками, и этим активно воспользовалась оппозиция властям. В середине XVII столетия подавляющее большинство европейских стран болезненно переживали процесс трансформации, а другие — коренной ломки политического устройства. Эти процессы сопровождались политическими

потрясениями разного рода: гражданскими смутами, войнами, революциями...

Но Европа выжила, обновилась и превратилась в систему централизованных абсолютных монархий и территориальных княжеств. Исключением были Британия и Республика Соединенных провинций: там раньше началось развитие буржуазного государства и стал применяться на практике принцип разделения властей.

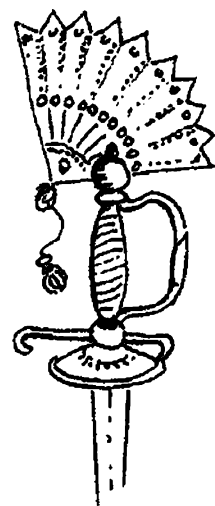
Европейский абсолютизм не был неограниченным деспотизмом. При нем для королей было обязательным соблюдение традиционного права и поддержание равновесия между сословиями общества. Абсолютная, или, иначе, административная монархия, стремилась к внутреннему миру и порядку, главным образом потому, что сама выросла из смуты. Типичной чертой политической жизни стала всеобъемлющая концентрация в руках носителей высшей государственной власти всех важных политических полномочий. В политике, идеологии и праве Европы на первое место вышли рациональные интересы. Однако проглядывавшие сквозь пышный и строгий узор государственной вязки династические и личные амбиции нередко сводили на нет самые глубокие и дальновидные размышления. Поэтому любые перемены происходили сложно и противоречиво, а порой совсем непредсказуемо.

В XVII — первой половине XVIII века двор как государственный институт и форма существования монарха и его окружения переживал взлет, тогда как республики представлялись старомодными и неразвитыми государствами. Образцовым для всей Европы по праву считался двор Людовика XIV (1643—1715). Эмблемой его правления стал его собственный лик в обрамлении солнечных лучей — поэтому его и называли «королем-солнце». Но как бы то ни было, этот монарх был дисциплинированным профессионалом, опиравшимся на мнение талантливых министров. Созданный по приказу Людовика XIV дворцовый комплекс Версаль и его высокопоставленные и титулованные обитатели символизировали расцвет административной монархии во Франции. «Король-солнце» привлек дворян ко двору, где превыше всего ценились искусства, пышный церемониал и остроумная беседа. Версаль представлял собой своеобразную модель, обязательную для подражания.

«Казаться, а не быть, казаться, чтобы быть» — главный девиз того времени. Множество людей непрерывно вели борьбу за престиж и за место в придворной иерархии. Один придворный зависел от другого, а все вместе — от короля. «Жизнь при дворе — это серьезная и печальная игра, которая предполагает, что следует правильно располагать свои полки и батареи, иметь вполне определенные намерения... препятствовать исполнению намерений своих противников, иногда рисковать и играть в расчете на случай; и после всех этих... маневров выясняется, что это шахматы и, возможно, уже грозит неизбежный мат» — так мрачно описал будни Версаля немецкий социолог Норберт Элиас. И все же эти «печали» и противоречия способствовали развитию двора и страны на конкретном промежутке времени, а также во многом определили небывалый расцвет просвещения и культуры.

Жизнь герцога Мальборо пришлась на эпоху барокко и начало эпохи Просвещения, которому от барочной эпохи досталось по наследству ощущение жизни как пространства опасной и сложной игры. Оно требовало от человека выбора роли на сцене театра-мира. Эта роль определяла как внешние признаки человека — прическу и детали костюма, так и его поведение в обществе. Чем выше был социальный статус человека — тем пристальнее было внимание публики. Персоны правителя и его приближенных становились для подданных эталоном. Самым ярким примером такого эталона был Людовик XIV, игравший в жизни и политике роль Феба-Аполлона — бога Солнца. Этот образ создавался художниками, архитекторами, историками. Французский король был своеобразной «культурной конструкцией» эпохи.

Но культура Старого порядка была чем-то несравненно большим, нежели государственной пропагандой, — она призывала человека к совершенствованию. В Западной и Центральной Европе читать и писать могла лишь элита общества, но чем дальше, тем больше это умение становилось желаемым и вполне достижимым для каждого. Уже к концу XVII века, то есть в начале эпохи Просвещения, мыслящий рассудок стал главным мерилем всего существующего. При этом рождающееся научное знание часто шло рука об руку с христианской верой: Книга Природы прочитывалась наряду с Библией. Как



утверждал английский философ Джон Чилдрей, «натуральная философия рядом со Словом Божьим — самое могущественное противоядие, чтобы изгнать яд суеверия; и не только это, но и самая проверенная пища для вскармливания веры...».

«Наукой всех наук» сделалась геометрия, а математизация искусства стала идеалом стиля Людовика XIV, перенятого другими дворами. Четкие правила и принципы прямых линий, как в античном Риме, сказались в творчестве архитектора Пьера Блонделя и художника Луи Лебрена, музыке Жана-Батиста Люлли, пьесах Жана Расина, Жана-Батиста Мольера и Пьера Корнея. Математизация мира просто красивое превращала в грандиозное. Измерение расстояния от Земли до Солнца буквально взорвало космос, изобретение барометра повергло всех в безумие, а изобретение маятника завершило историческую фазу часовой механики. Научная мысль XVII века овладевала пространством и временем.

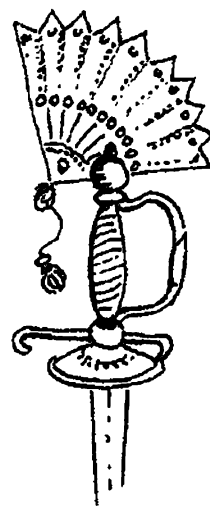
Именно тогда большинство ученых начали ощущать себя единым сообществом и одной из элит общества. Для подъема науки и искусства немало сделал двор, а носителями этого подъема стали Академии наук. Когда монарх понимал, что его королевство благодаря изучению природы извлечет экономические и политические выгоды и сможет успешно конкурировать с другими странами, он или его разумный министр становились инициаторами основания научных обществ. В конце XVII века в Европе работали две сильные Академии наук и несколько малых научных обществ в Италии. Первая Академия наук — Английское Королевское общество — была создана в 1662 году по инициативе группы ученых во главе с Робертом Бойлем. Затем, в 1666 году, Академию наук во Франции по британскому образцу основал генеральный контролер финансов Жан-Батист Кольбер. А король Пруссии Фридрих I Гогенцоллерн способствовал основанию в 1711 году Прусской академии наук, первым президентом которой стал философ и ученый-универсал Готфрид Вильгельм Лейбниц. Как видим, многие государи охотно тратились не только на пышную жизнь двора, свои развлечения и войну, но и на интеллектуалов.

Британия с ее развивавшейся с конца XVII века парламентской монархией и опережающим другие страны экономиче-

ским развитием не выпадала из этого круга. Она была органической частью европейской цивилизации, в рамках которой понятие «Европа» с 1700 года заменило понятие «христианский мир». Рационализм эпохи Просвещения дополнялся в Англии принципом разумного эгоизма. «Делай все для своей пользы, но не мешай другим» — вот лозунг мыслящих и деятельных англичан того времени.

Хотели или нет ощущавшие свою «исключительность» британцы, но в своем поведении они во многом следовали европейской моде и европейским образцам. Они имели свой двор, внешне похожий на другие, который, правда, не олицетворял государство. Английский двор времен Реставрации Стюартов (1660—1688) стремился подражать двору «короля-солнце». Но создание французского придворного общества в определенном смысле было реакцией на разгул гражданской смуты во время Фронды (1648—1653), ужасы которой испытал малолетний Людовик XIV и затем сделал для себя выводы. Двор же Карла II Стюарта с его почти неприкрытым развратом являлся сладко-горьким итогом гражданских войн и политической нестабильности 1640—1660 годов, а также пуританских перегибов времен правления главы Английской республики Оливера Кромвеля.

В то время с монархическим образом правления связывалось самое привлекательное для любого правителя состояние — наличие власти, способной мобилизовать имеющиеся ресурсы, усилить мощь государства и достичь желаемого величия и престижа. Отсюда и феномен «монархизации» (или регализации) европейских государств, заключавшийся в обретении многими европейскими правителями королевского статуса. Перемены в политической жизни и возведение в высокий ранг церемониала проникли в систему международного представительства и во многом определяли положение и силу той или иной страны. Декларируемое в формировавшемся международном праве равенство государств на самом деле не принималось во внимание на переговорах, и корона на голове правителя имела значительный перевес. Это заставляло способного и честолюбивого князя или герцога страстно стремиться к приобретению королевского титула.



В конце XVII — начале XVIII столетия в королевский пурпур оденутся многие: саксонская династия Веттинов в Польше, бранденбургские Гогенцоллерны в Пруссии, Ганноверы в Англии и герцоги Савойские сначала на Сицилии, а затем на Сардинии.

К 1700 году дворянская придворная культура окончательно сформировала складывавшуюся на протяжении веков политическую эстетику гербов, титулов и обращений. Дипломаты должны были принимать это во внимание, иначе их государство могло лишиться шансов на успех в политической игре. Любые переговоры фиксировали изменения в европейском миропорядке и регистрировали подъем или упадок той или иной державы. Поэтому чаще всего на переговорах, завершивших войны, усилившегося государства появлялась возможность продвинуться вперед в списке европейской таблицы о рангах.

Многих восхитило возвышение Оранской династии в лице статхаудера (правителя) Республики Соединенных провинций Вильгельма III, ставшего в 1688 году английским королем. Эта династия давно охотилась за королевскими титулами в Европе. Благодаря браку статхаудера Вильгельма II с дочерью английского короля Карла I Стюарта Марией прежде один из Оранских уже облачался в королевский пурпур. Тем не менее они занимали в европейской иерархии место позади монархов. В 1650 году Вильгельм II предпринял неудачную попытку монархического переворота, в результате которой Оранские лишились места статхаудера на 22 года. Но в 1672 году Вильгельм III воспользовался политическим кризисом, вызванным нападением Людовика XIV на Голландию, чтобы вернуть себе и династии должность статхаудера. Шестнадцать лет спустя он вступил в борьбу за английскую корону, вовремя отреагировав на политический кризис в Англии и начало новой европейской войны. Его история тесно связана с историей Мальборо.

Во второй половине XVII — XVIII веке войны велись почти без перерыва, хотя, казалось бы, в середине XVII века Вестфальский (1648), Пиренейский (1659) и Оливский (1660) мирные конгрессы положили конец крупным потрясениям европейского масштаба. Но едва облака стали рассеиваться, как на небосклоне Западной Европы возник Людовик XIV,

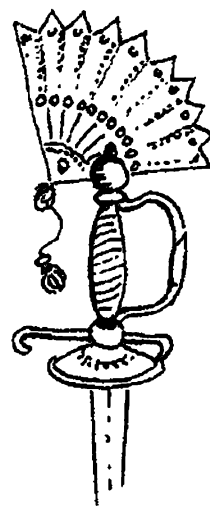
пожелавший «округлить» свои и так немалые владения. А на северо-востоке континента к гегемонии стремилась Швеция.

В конце XVII века Европа вновь оказалась в состоянии лихорадочного поиска стабильности. Уже начиная с 80-х годов на континенте наметилась перегруппировка сил и смена центров влияния. Привести все это в равновесие могла либо дипломатия, либо война. После нескольких лет упорных, но безуспешных дипломатических баталий две первые декады XVIII века ознаменовались тяжелейшим международным кризисом. В 1701—1714 годах на западе Европы проходила Война за испанское наследство, а в 1700—1721 годах на северо-востоке континента — Великая Северная война.

Война за испанское наследство стала последней и самой продолжительной из войн Людовика XIV. Методы ее ведения во многом определила революция в военном искусстве 1560—1660 годов, которая завершилась переходом от средневековых ополчений к рекрутским наборам и резкому возрастанию военных расходов. Средневековый воин был индивидуальным бойцом, а солдат нового времени — профессионально обученной частицей военного организма, выполнявшей по приказам командиров маневры и передвижения.

Резко увеличилась численность армий. Например, Франция во время войны держала под ружьем до 455 тысяч солдат. При осадах крепостей и в сражениях армии несли немалые потери в людской силе и вооружении, что требовало от правительств колоссальных расходов. В год смерти Петра Великого (1725) военный бюджет России составлял 72 процента всех государственных расходов; в Британии в 1689—1713 годах 40 процентов бюджета поглощала пехота и еще 35 процентов — флот; во Франции в конце XVII века война съедала 74 процента государственных расходов.

Важной чертой Классической Европы стала относительная гуманизация ведения военных действий: армии были отделены от гражданского населения. В то же время благодаря жесткой дисциплине солдаты превращались в подобие автоматов, что не делало службу привлекательной. Вербовщики часто применяли насилие, обман или, в лучшем случае, обращение к патриотическим чувствам и чувству долга перед своим монархом.



Передвигались войска медленно — до 20 километров в день. Военные действия были направлены на захват территорий, а чаще — отдельных крепостей, поскольку контролировать обширные пространства армиям было сложно. Осады крепостей, особенно в густонаселенных Нидерландах и Северной Италии, сковывали наступление и приводили к длительным позиционным кампаниям. Главной силой была пехота, вооруженная, в основном, холодным оружием и мушкетами, стрельба из которых была не очень точной. Артиллерия еще оставалась вспомогательным средством и играла решающую роль лишь при осаде укрепленных пунктов. Конница отличалась быстротой и маневренностью, но содержать ее было довольно дорого. Полководцы обычно воевали поздней весной, летом и ранней осенью, когда дни были длиннее, а дороги не раскисали от дождей.

Многие крупные операции и сражения проводились возле укрепленных городов и крупных поселений, создававших естественные рубежи обороны или пространства для маневров. Мирное население страдало от военных действий, особенно пушечных обстрелов: прицелов не было, и пушки палили наугад. Тактика ведения боя обычно была такова: лучшие полки размещались по фронту, вторая линия располагалась в 300 шагах позади, на дистанции, близкой для оказания эффективной помощи. Вторая линия, как правило, равнялась первой по количеству солдат. Резервы были редки из-за сложной переброски сил и орудий туда, где в них нуждались.

Война за испанское наследство посеяла бурю эмоций в общественном мнении, которые выразились в развернутой агитации и пропаганде, печатной полемике, памфлетах и трактатах. Она вывела на европейскую арену целый ряд талантливых полководцев, политиков, дипломатов, да и просто ранее далеких от политики людей. Одним из них — пожалуй, самым знаменитым — и был Джон Черчилль, герцог Мальборо.

Но до этого Британия пережила XVII столетие, ставшее для нее «веком революций» — политических потрясений 1640–1660 годов и Славной революции 1688 года. Первое из этих событий устранило экономические и социальные препоны для дальнейшего развития государства и усилило его влияние на европейской арене. Второе открыло пути решения кон-

ституционно-правовых проблем. Несмотря на политическую нестабильность, гражданские конфликты стимулировали экономический рост и соперничество Англии с наиболее развитыми государствами Европы. Ее главным соперником в конце XVII столетия стала Франция.

Подъем Британии не вписывался во внешнеполитические схемы Версаля точно так же, как и престиж и гегемония французской монархии на континенте не вписывались в планы Лондона. Поэтому Альбион решительно вступил в европейские войны на стороне противников Франции и в колониальную борьбу с ней в Северной Америке. Окончательно эту гонку Британия выиграет только в будущем, сокрушив к 1815 году вместе с другими державами Наполеона Бонапарта. Значимую лепту в успешную борьбу с Францией предстояло внести Джону Мальборо.

Англичане Войну за испанское наследство чаще всего называют «войной Мальборо». Во время этой войны он был самым известным человеком в Европе. И навсегда увековечил свое имя. Но путь на вершину не менее, а чаще всего даже более важен и увлекателен, нежели пребывание на ней.

II. Наследие предков и фактор женщины

Вставай! Свой камень в чашу тьмы
 Рассвет
 Уже метнул — и звезд на небе нет,
 Гляди! Восходный Ловчий полонил
 В силок лучей дворцовый минарет.

Омар Хайям



Политические потрясения в Англии середины XVII века существенно затронули семью Черчиллей — сельских джентльменов, живших немногим лучше, чем зажиточные крестьяне-йомены. С 1642 по 1648 год длилась гражданская война между королем Карлом I Стюартом и непокорным парламентом. Уже в начале войны наиболее видный член роялистской партии в графстве Дорсетшир 22-летний Уинстон Черчилль стал капитаном кавалерии и боролся за дело своего монарха до 1645 года, то есть фактически до того момента,

когда всем стало ясно, что король потерпел поражение. Отец Уинстона юрист сэр Джон Черчилль также был сторонником короля, хотя активного участия в военных баталиях не принимал.

В январе 1649 года Карл I был обезглавлен. Английский поэт-лирик середины XVII столетия Эндрю Марвелл, написавший «Горацианскую оду на возвращение Кромвеля из Ирландии», воздал должное мужеству короля, с благородным спокойствием взошедшего на эшафот:

Но венценосный лицедей
Был тверд в час гибели своей.
Не зря вокруг эшафота
Рукоплескали роты.
На тех мостках он ничего
Не сделал, что могло б его
Унизить, — лишь блистали
Глаза острее стали.
Он в гневе не пенял богам,
Что гибнет без вины, и сам,
Как на постель, без страха,
Возлег главой на плаху.

В Англии была объявлена республика. Но монархическое сознание не ушло в прошлое с провозглашением республики — не зря Оливер Кромвель был наделен почти королевскими правами.

Уинстон Черчилль вернулся с войны разочарованным человеком. Правда, остроту ситуации сглаживало немаловажное обстоятельство. В 1643 году капитан Черчилль умудрился удачно соединить войну и любовь. Он женился на девушке по имени Элизабет Дрейк, чья семья на социальной лестнице находилась ниже Черчиллей, но поддерживала парламент и приняла происходившие перемены. Ее мать леди Дрейк вела свой род от знаменитого пирата второй половины XVI века сэра Фрэнсиса Дрейка, прославившегося захватом испанских кораблей и грабежом испанских владений в Вест-Индии. Дрейк пользовался покровительством королевы Елизаветы I и получил рыцарское звание. Так в роду Черчиллей соединились противоположности, что, возможно, повлияло в будущем на

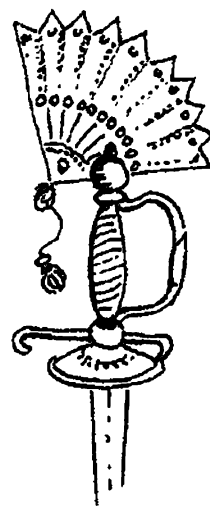
относительную гибкость политического сознания их потомков. Элизабет, которая была третьей дочерью леди Дрейк, принесла Черчиллю приданое в 1500 фунтов стерлингов, и Уинстон был спасен от экономического краха.

Но все выглядело лишь внешне благополучно — Дрейки тоже пострадали в войне. В январе 1644 года роялисты захватили замок леди Дрейк в Аше около Эксминстера и сожгли его. Леди Дрейк потеряла все свое имущество. Правда, годом позже парламент предоставил ей в распоряжение дом в Лондоне, освободив ее от налогов, а в 1650 году ей выплатили компенсацию за Аш — 1500 фунтов.

Как участник войны на стороне короля, Уинстон заплатил за свою «неблагонадежность» штраф 446 фунтов 8 шиллингов — эта сумма соответствовала доходу с его собственности за три года. Власти не зря относились к Черчиллю подозрительно — после казни Карла I он считал истинным монархом его сына принца Уэльского, провозглашенного роялистами королем под именем Карла II. В ожидании дня, когда законный король вернется на трон, Уинстон погрузился в изучение принципов Божественного права и генеалогии Черчиллей, которая восходила к Вандрилю, нормандскому лорду Курселю, чей младший сын пришел на Альбион вместе с Вильгельмом Завоевателем в 1066 году. Так прошло двенадцать лет.

У четы Черчиллей родилось двенадцать детей, из которых выжило только пять. Родившаяся в 1648 году Арабелла, если художник Лели не покривил душой, была яркой блондинкой и обладательницей голубых с поволокой глаз и чувственных губ. 26 мая 1650 года появился на свет мальчик Джон, отличавшийся весьма привлекательной наружностью и исключительной энергией. Он день-деньской играл на открытом воздухе с детьми местных фермеров у реки Экс, вьющейся между живописными холмами Девоншира.

Детство Джона нельзя было назвать безоблачным. При Оливере Кромвелле жизнь отца находилась в опасности, а семья не раз оказывалась на пороге бедности. Очевидно, это наложило отпечаток на характер формирующейся личности Джона. По мнению ряда историков, будущий герцог Мальборо был склонен к маниакально-депрессивному состоянию. Но эти качества характера проявятся у него гораздо позже, и тому будут



свои причины. Тем не менее уже в детстве он мог понимать, что быть гонимым и несостоятельным — опасно для жизни, а значит, необходимо делать карьеру, независимо от своих предпочтений, при правящем в настоящий момент монархе. Возможно, поэтому, повзрослев и возмужав, он процветал при дворе Карла II, покинул Якова II, сотрудничал с Вильгельмом Оранским и служил Анне Стюарт.

Деревенская идиллия продолжалась до того момента, пока мир вновь не изменился. В 1660 году Стюарты вернули себе престол. Возвращение в Лондон сына Карла I напоминало триумфальное шествие. Люди всех слоев приветствовали законного короля: одни веселились, другие плакали от радости. Все устали от нестабильности последних лет, от армейского порядка и темных одеяний пуританской эпохи Кромвеля. Могло показаться, что наступает золотой век.

30-летний Карл II Стюарт и свита скитальцев, разделивших с ним тяготы эмиграции сначала во Франции, а затем в Голландии, с удивлением смотрели на происходящее. Та ли это страна, откуда им приходилось не раз бежать, когда непобедимый Кромвель расправлялся с очередным роялистским восстанием? Еще больше изумился Карл, увидев в Блэкхите на пути в Лондон приветствовавших его «железнобоких»¹.

29 мая король торжественно въехал в Лондон. «Улицы украшены цветами, знаменами и гирляндами. Вино пьем из фонтанов. Лорды, знать в одежде, расшитой золотом и серебром... Толпы народа заполнили улицы. Такого радостного дня нация еще не знала» — так описывал происходящее в тот день английский писатель Джон Ивлин, личный друг Карла. Мэр и члены Совета столицы вышли навстречу королю во главе ликующей делегации горожан. Пресвитерианские богословы с горячими уверениями в покорности преподнесли ему Библию, а обе палаты парламента выразили свою преданность. «Кавалеры» (сторонники короля) и «круглоголовые» (сторонники парламента), богатые и бедные, представители

¹ «Железнобокие» — тяжелая кавалерия, сформированная в 1642 году Оливером Кромвелем. Возможно, это название произошло от игры слов: *ironside* — отважный, решительный человек; в то же время *iron* — по-английски железо, а *side* — сторона, бок (кавалеристы использовали кирасы в качестве доспехов).

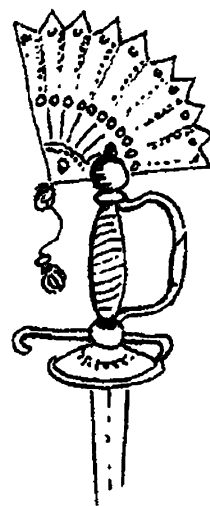
разных религиозных течений стали участниками небывалой в английской истории сцены примирения и ликования. Все надеялись на лучшее, но не для всех оно наступило.

«Кавалеры» скоро почувствовали унижение от того, что реставрация монархии не принесла им ожидаемой награды за преследования все эти годы. Тщетно они протестовали против амнистии сторонникам парламента и Кромвеля и неприкосновенности земельных перемещений в 1642–1660 годах, называя все это «забвением прошлых услуг и прощением былых преступлений». Их возмущало, что наказанию подлежали только непосредственные виновники казни Карла I, тогда как те, кто вел против него войну, остались безнаказанными и даже сохранили несправедливо нажитые состояния.

А «железнобоких» покоробил роспуск армии, достигшей 40 тысяч человек и бывшей одной из первых в Европе по боевым качествам. Разве они не одержали великие победы на полях сражений, не защищали правое дело пуританской церкви? Теперь им, принявшим своего короля, это чуть ли не вменялось в преступление. Грозная армия перестала быть политической силой, ей надолго предстояло уйти в тень. Солдаты, получив причитающиеся им деньги, вернулись домой. Многие из них в мирной жизни стали примером предприимчивости и умеренности. Но не меньше было и тех, кто терпеливо ждал момента, когда и новая власть вступит в полосу кризиса.

Черчилли были из тех, кому повезло. Уинстон Черчилль, захватив свои рукописи, отправился в Лондон, желая получить награду за верность монархии. Маколей с иронией отзывался о «бедном мелком кавалере-рыцаре, который все время околичивался в Уайтхолле и сделал себя смешным, опубликовав скучный, жеманный и уже давно забытый том во славу монархии и монархов».

В апреле 1661 года Карл II пышно короновался, и в этом же году Уинстон приобрел дом в Лондоне и был избран в парламент, вошедший в историю под названием Кавалерского. Новая палата общин, в основном, была роялистской и антипуританской. Один из членов этого парламента поэт Эндрю Марвелл назвал его Пенсионным из-за большого числа тех, кто должен был выражать благодарность королю и тут же во-



тировать содержание короне и ее министрам. Среди них он отметил посвященного в рыцари и ставшего сэром в 1664 году Уинстона Черчилля, который, по его словам, «действовал, как сводник собственной дочери» для того, чтобы сделать политическую карьеру.

Это суждение довольно сурово и, возможно, несправедливо. Как бы то ни было после перипетий гражданской войны семья Черчиллей наконец начала продвигаться в свете. Вскоре Уинстон привез в Лондон сына Джона и отдал его в Свободную Грамматическую школу в Дублине, а затем в школу при соборе Святого Павла. Черчилли поселились в Уайтхолле, а Уинстон стал младшим клерком-контролером в управлении королевским имуществом — в Совете Зеленой Ткани. Впрочем, он считал, что заслуги его не оценены по достоинству. Поэтому, когда король разрешил ему иметь собственный герб, он избрал девиз: «Верный, но неудачливый». Девиз этот до сих пор остается девизом семьи Черчиллей, хотя история ее свидетельствует об ином. Удача потомкам сэра Уинстона сопутствовала часто, в то время как их верность подвергается в литературе сомнению. Но верность чему — государству, конкретному монарху, политическим принципам, вере или себе самому? И что будет понимать под верностью Джон Черчилль? Это поймем позже.

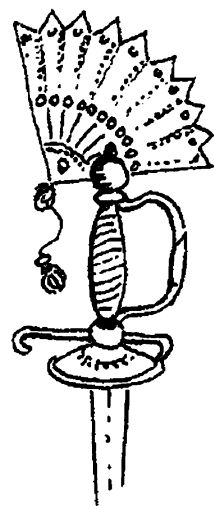
Пока 14-летний Джон обучался необходимым наукам, его старшая сестра Арабелла познавала искусство иного свойства. Именно она предоставила возможность своей семье оказаться в самых верхах общества. В 1665 году девушка стала фрейлиной герцогини Йоркской Анны Хайд и через три года почувствовала внимание к себе ее супруга.

Яков Йоркский не относился к лучшим образцам мужчин рода Стюартов. Он был некрасивым, не отличался королевской статью, не был галантным и изящным. Его более привлекательный внешне, хотя и не отличавшийся правильностью черт брат насмешливо утверждал, что фаворитки Якова больше являлись его исповедницами. Но он же как-то заметил французскому послу: «Я не верю, существуют ли где-нибудь два человека, которые любят женщин так, как вы или я, но мой брат любит их больше».

Романтическая завязка романа Арабеллы Черчилль и Якова Йоркского вкратце такова. Бесцветная, высокая, тощая по канонам того времени Арабелла поначалу находилась на заднем плане. Но однажды во время прогулки верхом ее лошадь понесла, она упала и потеряла сознание. Девушка лежала в небрежной позе, и подоспевший первым на помощь Яков Йоркский увидел формы изумительной красоты. Подоспевшая свита также была поражена этим неожиданным открытием. Таким образом ничуть не пострадавшая Арабелла опровергла неблагоприятное мнение о своей персоне. Что же касается герцога Йоркского, будущего английского короля Якова II, то он не на шутку влюбился.

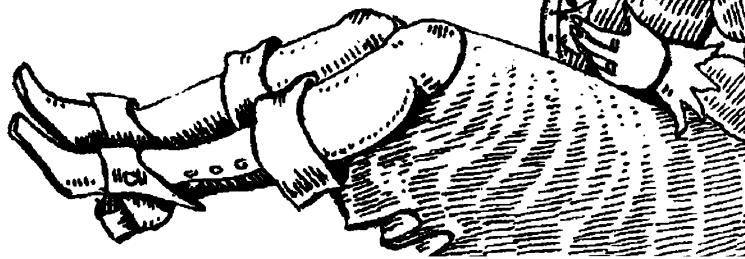


Его связь с Арабеллой продолжалась десять лет, за это время она родила ему четверых детей. Один из них — «счастливый бастард» Джеймс Фитцджереймс, герцог Бервик, — после Славной революции последовал за отцом в изгнание во Францию и впоследствии сделал блестящую карьеру при дворе Людовика XIV, став одним из выдающихся маршалов Франции в годы Войны за испанское наследство. По иронии истории племянник и дядя оказались в противоборствующих лагерях.



Можно предположить, что сэр Уинстон, узнав о «падении» Арабеллы, сначала испытывал чувство позора, но затем смирился. В любом случае он думал прежде всего о сыне и приложил немало усилий, чтобы дать надлежащий старт его карьере: в письме лорду Арлингтону он просил «предоставить возможность Джону показаться при дворе под патронажем вашего лордства». Так, в шестнадцать лет Джон стал пажом герцога Йоркского, в то время как его брат Джордж занял ту же должность при лорде Сэндвиче и отправился вместе с ним в Мадрид.

Британского премьера Уинстона Черчилля в юности и молодости называли «спешащим молодым человеком». Наверно, это наследственная черта, ибо его предок Джон Черчилль карьеру делал на редкость быстро. Не исключено, что он поначалу мог быть непопулярным среди своих современников, распуская сплетни о маленьком пройдохе, эксплуатировавшем сомнительный успех старшей сестры. Но скоро молодой Черчилль поменял ливрею пажа на униформу пешего гвар-



дейца. Он страстно желал сделать военную карьеру, и герцог Йоркский осенью 1667 года предоставил ему эту возможность.

Тогда юному Джону казалось, что он опоздал с военной карьерой — только что 31 июля договором в Бреде закончилась вторая Англо-голландская война, шедшая с 1664 года. Англия, начав войну с одной державой, оказалась втянутой в борьбу с целой коалицией, поскольку на стороне Голландии выступили Франция и Дания. Впрочем, условия мирного договора вполне Англию устраивали. Она получила основанную голландцами в Америке колонию Новый Амстердам, переименованную отныне в Нью-Йорк в честь командующего флотом герцога Йоркского. В свою очередь, англичане возвратили голландцам Суринам, захваченный у них во время войны. Французы вернули англичанам острова Сен-Кристофер, Антигуа и Монсеррат, а англичане обязывались не оказывать помощи Испании, с которой Франция готовилась вступить в схватку за Испанские Нидерланды. Еще в мае 1667 года к границам Испанских Нидерландов выступила 50-тысячная французская армия во главе с маршалом Анри де Тюренном, одним из известнейших полководцев эпохи.

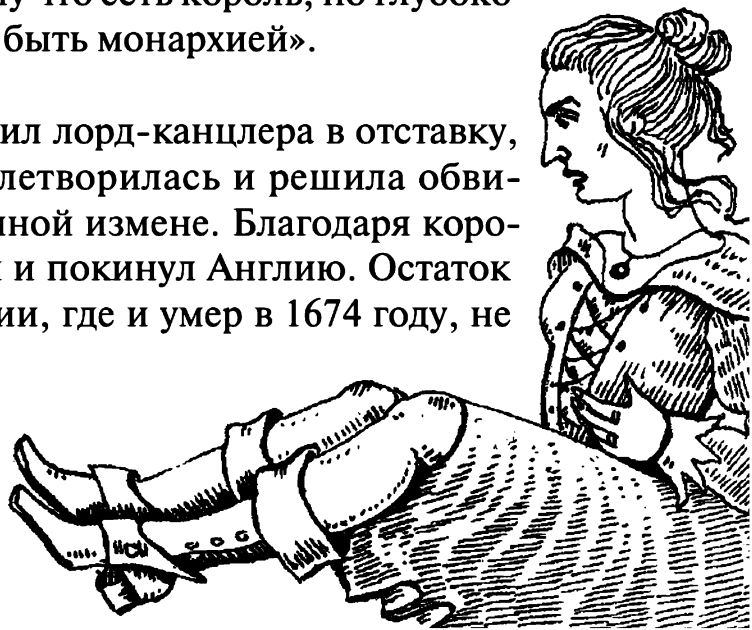
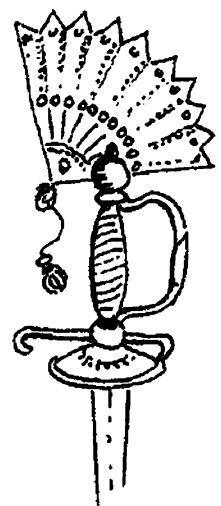
После войны внутренняя политика английского правительства переживала кризис. Еще весной 1665 года оживилась оппозиция Карлу II в среде бывших военных. Многие офицеры и моряки поступали на службу в голландскую армию, а солдаты распущенной армии Кромвеля составляли заговоры с целью восстановить Республику.

Объектом нападок парламента, двора и самого Карла, который был не прочь свалить на кого-нибудь свои неурядицы, стал лорд-канцлер Эдвард Хайд, герцог Кларендон. В 1661 году Кларендон, изыскивая деньги для короля, продал Франции завоеванный Кромвелем стратегически важный порт Дюнкерк, чем вызвал бурю негодования. Кроме того, имя этого человека было связано с рядом законов, восстановивших доминирующее положение англиканской церкви и поставивших пуритан, анабаптистов, квакеров и прочих в оппозицию. «Кодекс Кларендона» 1662 года придал англиканской церкви статус «официальной», после чего пути ее и остальных религиозных течений — диссентеров — разошлись. В довершение всего лорд-канцлеру удалось выдать свою дочь Анну за герцога

Йоркского. Министр, в жилах которого не было ни капли королевской крови, стал тестем наследника английского престола. Его внуки могли унаследовать трон, и, думая об этом, многие сгорали от зависти. При этом Кларендону часто изменяло чувство скромности, и в конце концов он изрядно надоел королю — хотя бы уже тем, что старался внушить ему мысль о пагубном влиянии на него фавориток, вмешивающихся в государственные дела.

В отличие от традиционного взгляда либеральных и марксистских историков на Карла II Стюарта как фривольного и беспринципного короля, с неохотой управлявшего своим государством, ряд исследователей находят его сильным сувереном, заботившимся о благе подданных. Но обладая ценными для любого правителя человеческими качествами — целеустремленностью, мужественностью и неиссякаемым оптимизмом, Карл тем не менее не осознал особенностей развития Англии в сравнении с другими европейскими государствами, где он пребывал долгое время. Образ сильного монарха, олицетворенный Людовиком XIV, был его путеводной звездой. Поэтому шатания между притязаниями «наследственного» монарха и фактическим положением «договорного» короля составляли специфическую черту его политической истории. В результате уже в 1667 году палата общин из «придворной» превращается в «палату критиков» правления Карла II. В ней возникли политические партии, за которыми с 1679 года закрепляются названия тори и вигов. Примечательно, что обновленная с помощью Кларендона англиканская церковь под эффективным руководством архиепископа Кентерберийского Гилберта Шелдона стремилась к ограничению прав короля. Не зря французский посол в Лондоне так выразился о государстве Карла II: «Это правление выглядит монархическим, потому что есть король, но глубоко внизу оно далеко от того, чтобы быть монархией».

В августе 1667 года Карл отправил лорд-канцлера в отставку, но палата общин этим не удовлетворилась и решила обвинить Кларендона в государственной измене. Благодаря королю герцог заранее узнал об этом и покинул Англию. Остаток своих дней он провел во Франции, где и умер в 1674 году, не



догадываясь о том, что изгнание даст ему шанс войти в историю. Во Франции Кларендон завершил свой трехтомный труд «История мятежа и гражданских войн в Англии», став основателем консервативной школы в изучении Великого мятежа середины XVII века и Реставрации Стюартов.

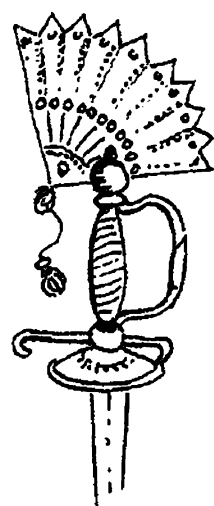
Падение Кларендона было результатом не только его политики, но и бед, которые пережила английская столица в середине 1660-х годов. Весной 1665 года на Лондон обрушилась эпидемия чумы. В разгар эпидемии в городе за неделю умерло почти 7000 человек. Королевский чиновник, известный библиофил и член Королевского научного общества Сэмюэл Пипс, «Дневник» которого стал незаменимым источником по истории английской жизни того времени, оставил такие впечатления: «Господи! Как печально видеть пустые улицы, где совсем нет людей, а на бирже их совсем мало. С подозрением посматриваешь на каждую дверь, лишь бы там не было чумы... Все выглядят так, как будто прощаются с миром». Двор уехал в Солсбери, оставив столицу на попечение генерала Джорджа Монка, обладавшего редким хладнокровием и самообладанием. Карл ему доверял — ведь именно Монк пять лет назад способствовал его возвращению на английский трон.

Едва миновал пик эпидемии, как Лондон стал жертвой так называемого Великого пожара. 2 сентября 1666 года неподалеку от Лондонского моста, на узкой улочке, застроенной деревянными домами, вспыхнул огонь и, подгоняемый сильным восточным ветром, неудержимо распространялся в течение четырех дней. Город будоражили противоречивые слухи о том, что пожар — дело рук анабаптистов, католиков или иностранцев. Король повел себя в этой ситуации мужественно и хладнокровно. Он возвратился в Лондон, убеждал людей сносить дома, чтобы остановить пламя, направил личную гвардию в помощь пожарным, сам участвовал в тушении огня. Когда огонь остановили у стен Сити, сгорело уже 13 500 жилых домов, 89 церквей и собор Святого Павла. Фактически выгорело 85 процентов территории Лондона, без крова остались более 100 тысяч горожан. Но имелась и обратная сторона медали — пожар покончил с чумой. Лондонцы с энтузиазмом восстанавливали город, а на месте прежнего собора Святого Павла архитектор Кристофер Рен возвел новый чудесный собор.

С этими несчастьями совпали попытки голландцев в 1666 году высадиться на берегах Англии. Карл II и кабинет Кларендона были информированы об этом через свою шпионку в Антверпене леди Афру Бенн, эксцентричную женщину, одну из ранних английских поэтесс и новеллисток. Узнав о намерениях голландцев, король поспешил перестраховаться: сына Кромвеля Ричарда, ведущего спокойную жизнь в провинции, заставили подписать обязательство, что он не будет иметь отношений с религиозными «фанатиками» в Англии, с Голландскими штатами и с французским королем.



Возможно, к большой пользе для будущего Британии эти события обошли стороной молодого Черчилля, пребывавшего с двором в Солсбери. Молодые всегда рвутся в бой, и не только из-за карьеры. Став гвардейцем, Джон решил доказать, что не зря носит офицерский мундир. В 1670 году он по собственной просьбе был направлен на службу в Танжер. Этот североафриканский город на берегах Средиземного моря был приобретен Англией в качестве приданого жены Карла португальской принцессы Екатерины Браганца. Танжер, служивший базой морских операций против алжирских пиратов, приходилось защищать от набегов племен мавров.



История предоставила мало сведений о жизни Джона в Танжере. Известно только, что он участвовал в морской блокаде Алжира, где впервые обнажил шпагу и усвоил первые уроки стратегии, и совершил путешествие в Испанию, где тогда в составе английского посольства пребывал его брат Джордж. Но жить в скучном и пыльном Танжере было непросто. Джон быстро пришел к мнению, что это не то место на земле, где можно прославиться. Путей для достижения известности было много, и главный лежал через Лондон.

Фривольный Уайтхолл поражал воображение. Жизнь двора напоминала непрекращавшийся бесстыдный скандал, тон которому задавал король, имевший огромное количество фавориток. Как и многие монархи, Карл II копировал двор Людовика XIV, но с имитацией свободы нравов он, пожалуй, перестарался. Впоследствии Кларендон так характеризовал его правление: «...Повсюду царит безумный разврат, народ



ропшет, грязная низкая любовь к деньгам рассматривается как высшая мудрость; моральное разложение, как зараза, ползет по городу, многие забыли, что такое дружба, совесть, общественный долг...»

Женитьба на Екатерине Браганца в 1661 году не мешала увлечениям Карла. Ему подражали аристократы, стремившиеся наверстать забытые за два десятилетия эмиграции удовольствия. Король подавал пример не только двору, но и всей стране. Любители амурных и иных авантюр, освободившись от гнета пуританской морали, вздохнули с облегчением: парламент Английской республики карал супружескую измену смертью, но при Карле все переменилось, и добродетельность и верность стали предметом насмешек. Неслучайно придворный доктор короля и полковник королевской армии граф Кондом стал пропагандировать презерватив как средство от беременности. Когда число собственных наследников начало смущать любвеобильного Карла, доктор придумал делать из бараньих кишок противозачаточные колпачки. Вслед за этим возникло мелкосерийное производство презервативов, поскольку на них был устойчивый спрос среди придворных. С тех пор презерватив широко распространился в Британии и остальной Европе.

В понимании пуритан народ Англии не пожелал быть «божьим народом» и поэтому скатился с оказавшихся для него непосильными нравственных высот. Бог уже наказал Лондон — чума и Великий пожар назывались неслучайными событиями.

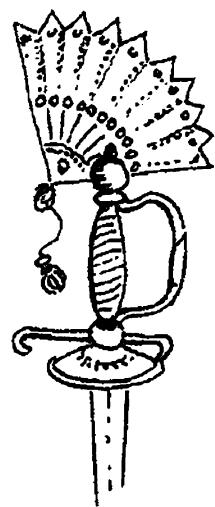
Атмосферу двора Карла хорошо отразил Эдвард Уорд в стихотворении «Выбор остроумца»:

Я за тобой последую тропюю славной,
Лукреций мой учитель и наставник,
Тропой, проложенной для многих поколений,
Аллеей радости, свободы, наслаждений;
Из них свобода обладает дивным свойством
Дверь открывать в сад райских удовольствий;
Как соль и перец оживляют пресный ужин,
Свобода пряностью для духа служит,
Беру от жизни все и наслаждаюсь этим,
А как иначе жить на белом свете?

Среди придворных дам выделялась невероятно красивая Барбара Вилльерс. Первая модница Британии, она обладала густой рыжей шевелюрой и вулканическим темпераментом. Будучи любовницей графа Честерфилда, Барбара вышла замуж за Роджера Палмера, которому, однако, не удалось оборвать ее связь с Честерфилдом. А когда тот, убив противника на дуэли, бежал во Францию, ничуть не огорченная Барбара утешилась другим любовником. И каким! Ее первый ребенок записан Палмером, но признан самим королем. Хотя не исключено, что его отцом мог быть и Честерфилд. Скоро Барбара стала леди Каслмейн, а ее муж Палмер получил пэрство в Ирландии. Позднее она получила титул герцогини Кливленд с соответствующим этому рангу доходом.



Возмужавший под африканским солнцем красивый офицер Черчилль попался ей на глаза, когда ему было двадцать против ее двадцати девяти. Он приходился Барбаре дальним родственником по матери, но это не помешало их отношениям. Долго не размышляя, молодой человек ответил на чувства Барбары взаимностью, и король узнал об этом. Слухи при дворе всегда распространяются с быстротой молнии. Правда это или нет, но рассказывают, что Черчилль спас Барбару от позора, в последнюю минуту выпрыгнув из ее постели прямо в окно, когда внезапно прибыл король. А по версии близкого друга и соратника короля герцога Бекингема¹, Карл обнаружил Джона в шкафу своей метрессы и заметил при этом: «Я прощаю вас, поскольку так вы добываете себе хлеб». То был отнюдь не самый большой скандал при самом скандальном дворе Европы.



Довольно неприглядную картину происшедшего нарисовала сорок лет спустя английская писательница Мэри де ла Ривьер Манли, принимавшая участие вместе с Джонатаном Свифтом в памфлетной войне против Мальборо: «Герцогиня заплатила 6000 крон за место для него в спальне герцога Йоркского...»

¹ Сын известного министра Карла I и фаворита Якова I Стюартов, а также возлюбленного французской королевы Анны Австрийской Джорджа Вилльерса, первого герцога Бекингема, убитого пуританином Джоном Фелтоном в 1628 году.



Что же касается вещей более реальных, то, возможно, последний ребенок Барбары, родившийся в 1672 году, был сыном Черчилля. Девочка получила образование у монахинь в Париже, а позже стала метрессой герцога Аррана. Она умерла в 1737 году в статусе настоятельницы монастыря в Понтуазе. Как обычно, король признал этого ребенка своим: «Вы можете передать моей леди, что я знаю, что ребенок не мой, но я признаю его в моих старых добрых традициях». Так Черчилль счастливо избежал всей ответственности внезапного отцовства.

В апреле 1674 года он приобрел у лорда Галифакса ежегодную ренту в 500 фунтов стерлингов, за которую заплатил 4500 фунтов. Откуда у него взялась такая сумма денег? Скорее всего, от влюбленной герцогини, поскольку в то время Джон постоянно нуждался в деньгах. 500 фунтов в год — приличный доход в то время (доход английского пэра составлял около 650 фунтов).

После падения Кларендона Карл II руководствовался советами Арлингтона, а свободное время проводил в компании Бекингема — веселого и остроумного придворного, не уступавшего в распутстве королю. В 1668 году в ответ на критику парламента он расширил состав правительства. На политическую сцену вышли пять главных его советников — барон Клиффорд, граф Арлингтон, герцог Бекингем, барон Эшли-Купер (Ashley Cooper) и герцог Лодердейл. Остряки составили из начальных букв их фамилий слово CABAL, что по-английски означает «политическая клика». Это «министерство» при короле оправдало свое прозвище, но в полном смысле министерством не являлось. Король не совещался с его членами как с единым органом, а они сами придерживались разного мнения по отдельным вопросам.

Некоторое время «министерство CABAL» пользовалось авторитетом. После оккупации Людовиком XIV в 1667 году значительной части Испанских Нидерландов по инициативе великого пенсионария Республики Соединенных провинций Яна де Витта в январе 1668 года Англия, Голландия и Швеция заключили Тройственный союз против Франции, что заставило Людовика несколько умерить пыл. По Ахенскому договору 2 мая 1668 года он возвратил Франш-Конте во Фландрии испанскому королю, но сохранил другие территории в Ис-

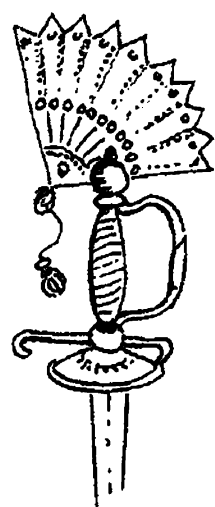
панских Нидерландах, в том числе и процветающий Лилль, превращенный в мощную крепость.

При этом Людовик не оставил намерений отвоевать Испанские Нидерланды¹. Лучшим способом для этого было заключение англо-французского альянса. Но сначала необходимо было разрушить Тройственный союз. В Париже считали это вполне реальным, так как союз с голландцами и шведами не уменьшил торговые разногласия между Англией и Соединенными провинциями.

В августе 1668 года в Англию отправился Шарль Кольбер, маркиз де Круасси, младший брат генерального контролера финансов Жана-Батиста Кольбера. Он имел инструкции убедить Карла II, что французский король готов объединиться с ним против голландцев. Карл внимательно слушал Кольбера, пообедал с ним и поиграл в мяч, а в марте 1669 года послал графа Арундела с секретной миссией в Париж, дабы договориться о союзе с Людовиком XIV. Арундел нашел поддержку в лице маршала Тюренна и особенно со стороны старшей сестры Карла Генриетты Орлеанской («Мадам») и ее мужа, брата Людовика XIV Филиппа Орлеанского («Месье»). 24 мая 1670 года Генриетта Орлеанская, как доверенное лицо Людовика XIV, выехала в направлении Дувра, имея при себе 200 тысяч экю.

Постыдный англо-французский договор, положивший конец Тройственному альянсу, был заключен в Дувре 1 июня. Он предусматривал единовременную выплату Людовиком XIV Карлу II более 2 миллионов и ежегодные субсидии на время войны с Голландией в размере 3 миллионов ливров. Англия обязалась объявить войну Соединенным провинциям и выставить 6000 солдат и 50 кораблей. В секретной статье Карл выразил намерение перейти в католичество: «Король Англии, обратившись в истинную католическую веру, объявит об этом, как только позволят условия его королевства». Людовик XIV обещал ему оказать содействие и в этом. Впрочем, никаких попыток обратить англичан в католицизм Карл так и не пред-

¹ Согласно статьям Пиренейского мира 1659 года, на них имела право жена Людовика XIV, бывшая испанская инфанта Мария-Терезия, поскольку ее приданое Мадридом так и не было выплачено.



принял, сделанная оговорка позволяла ему тянуть время — подходящие условия ведь могли никогда не наступить.

Весной 1672 года Британия вступила в третью по счету войну с Нидерландами. Еще одним следствием англо-французского союза стало то, что в Дувре взор Карла II остановился на темноглазой бретонской даме Луизе де Керуаль. В скором времени английский король сделал Луизу герцогиней Портсмут и новой возлюбленной, заложив основу для ее острого соперничества с герцогиней Кливленд.

Когда французские войска под командованием прославленного, но уже пожилого полководца принца Конде вступили в пределы Голландии, ее статхаудер 22-летний Вильгельм Оранский приказал разрушить плотины и тем самым остановил противника. Параллельно имели место морские стычки, в которых приняли участие англичане. Среди них был и Джон Черчилль. Наконец он участвовал в настоящей войне!

Покинув веселый Лондон, Джон погрузился с компанией гвардейцев на «Принц», флагман лорда-адмирала герцога Йоркского. Ему довелось участвовать в отчаянной битве у Соул-Бей 7 июня 1672 года, где опытный голландский адмирал де Рейтер взял англо-французский флот, стоявший в бухте на якоре, на абордаж. Через одиннадцать часов боя «Принц» пострадал столь сильно, что герцог был вынужден перенести свой флаг на другой корабль, и когда тот, в свою очередь, тоже был приведен в плачевное состояние, на третий. Храбрый Джон с товарищами остался на борту «Принца». Каждый третий из команды корабля был убит или ранен. Когда наступившая ночь положила конец битве, команда «Принца» высадилась на берег, и Черчилль вернулся в Лондон.

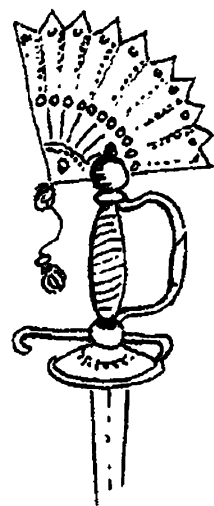
Вскоре он был произведен в капитаны Морского Адмиральского полка, понесшего тяжелые потери среди офицеров. Его военные заслуги способствовали возведению в новый чин лишь отчасти. Тут не обошлось без герцогини Кливленд, внесшей 1000 фунтов, необходимых для получения звания капитана. Ее милость могла себе это позволить. Вообще далеко не каждый отличившийся достигал повышения по службе. Так, лейтенант гвардии Эдвард Пикс жаловался секретарю лорда Арлингтона, что «без доброты Его Светлости я буду

вечно оставаться лейтенантом». Чтобы получить повышение, он заплатил тому же секретарю 400 гиней.

В конце года Черчилль, одетый в желтую униформу своего нового полка, уже был во Франции. В следующем году вместе с другими английскими волонтерами он присоединился к армии старшего незаконнорожденного сына короля герцога Монмута, осаждавшей голландскую крепость Маастрихт. Совместными военными операциями французов и англичан руководил сам Людовик XIV. 25 июня 1673 года Джон принял участие в ночной атаке на первую линию укреплений перед воротами города. Три раза атака захлебывалась, и тогда Монмут позвал на помощь капитана французских мушкетеров д'Артаньяна, который, как говорит Черчилль, был «джентльменом величайшей репутации во французской армии». Мушкетеры включились в дело, и Джону с двенадцатью гвардейцами удалось, под их прикрытием, водрузить французский штандарт на стене крепости. Д'Артаньян же погиб в результате пулевого ранения в голову. Скоро Маастрихт капитулировал. В числе сотни других военных Черчилль получил благодарность от Людовика, а когда вернулся в Уайтхолл, то был представлен Монмутом королю. Герцог охарактеризовал его «бравым солдатом, который спас мою жизнь».

Осень прошла в военных операциях в Эльзасе, где Джона заметил Тюренн, которого он обожал. Как считают военные историки, впоследствии его собственные марши были в значительной мере «смоделированы» по Тюренну. Но и в нем самом было нечто такое, что заставило Тюренна выделить его из прочих офицеров. Когда один из опорных пунктов был утерян, французский маршал заключил пари, что «красивый англичанин» возьмет его обратно с половиной от количества тех солдат, что сдали его. Пари Тюренн выиграл.

К концу 1673 года перед капитаном Черчиллем открывались блестящие перспективы: он делил прекрасную метрессу с королем, имел вполне приличный доход и как военный показал себя с наилучшей стороны по обе стороны Ла-Манша. Как и многим в то время, война представила ему прекрасные шансы для возвышения. Война против кого? В союзе с кем и с какой целью? Эти вопросы не особенно волновали амби-



циозного капитана. Он обожал сам процесс войны и чувствовал, что чин полковника уже не за горами.

Глядя на портрет Мальборо, написанный сэром Годфри Неллером в 1700 году, можно себе представить, каким он был за четверть века до этого. С полотна взирает на окружающих уверенный в себе мужчина, излучающий силу и превосходство. Джон Черчилль был среднего роста, но при этом имел статную фигуру и умел элегантно одеваться. Не отличавшееся абсолютной правильностью черт его лицо было выразительным и мужественным. Современники считали его красавцем, про него говорили, что он обладает совершенной фигурой, а в его лице нет ни единого изъяна. Ни одна женщина не могла перед ним устоять, и, казалось, весь мир создан для него. Возможно, так оно и было: с ранней молодости Джон вызывал уважение окружающих и притягивал к себе представительниц прекрасного пола. Впоследствии в пылу политической борьбы противники Мальборо упрекали его в том, что он начинал карьеру в качестве «жиголо» при состоятельной особе, которая была старше его. Однако этот ловелас был способен по-настоящему влюбиться и сделаться одним из ярких образцов примерного семьянина.

III. Фактор любви

Дары, щедроты, милость в каждом жесте
Любовь лелеет, словно рыб — волна,
Мила любезность ей, благие вести,
Но также — двор, турниры, брань, война:
В ком тяга к высшей доблести сильна,
Не оплошай...

Бертран де Борн

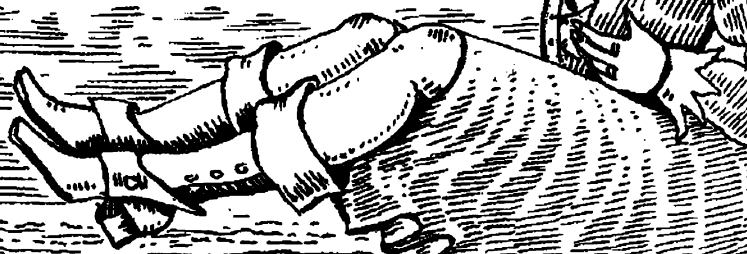
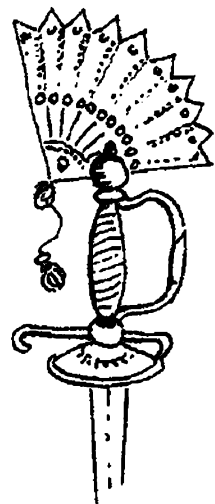
«Уверен, что она наихудшая женщина в мире», — иногда отзывался о своей супруге Джон Черчилль. А та замечала ему в унисон: «Для меня вы фальшивейшее создание на земле». Воистину, они были не лишены чувства юмора, когда ссорились. Их любовь, зародившись, не угасла до самого конца их жизней.

Девочка, которой предстояло стать супругой великого полководца и влиятельнейшим «неофициальным» политиком Англии, родилась 29 мая 1660 года в семье сельского сквайра Ричарда Дженнингса, проживавшего в двадцати милях от Лондона в Сэндридже, недалеко от старинного городка Сент-Олбанса в графстве Хертфордшир. Как и Черчилли, Дженнингсы были роялистами во время гражданских потрясений середины XVII века. Но поскольку из-за значительного влияния парламента в их местности они предпочитали держать свои мысли при себе, их материальные потери во время войны были невелики. Два поколения Дженнингсов заседали в палате общин от Сент-Олбанса.

Один из двадцати двух детей члена Долгого парламента¹ Джона Дженнингса по имени Ричард в 1643 году женился на Фрэнсис, дочери сэра Гиффорда Торнхаста из Кента. В отличие от отца он имел всего пять детей, двое из которых, мальчики, умерли в нежном возрасте. Ричард являлся членом парламента до конца правления Карла I, а в 1661 году снова был избран в палату общин. Доход в 4000 фунтов стерлингов от собственности в различных графствах предоставлял ему возможность достойно жить и надеяться обеспечить хорошее приданое трем дочерям — Фрэнсис, Барбаре и Саре. Тем не менее после смерти Ричарда его вдова и юные девушки остались почти ни с чем. Но хорошее отношение к нему герцога Йоркского и социальный статус его супруги как дочери баронета помог ей получить кредит и устроить в 1664 году старшую дочь Фрэнсис фрейлиной к герцогине Йоркской.

Новая фрейлина стала одной из самых прелестных дам двора. Ей было пятнадцать лет, когда граф Филибер Граммон записал в своих мемуарах, что «прекрасная Дженнингс» напоминает ему «Аврору, богиню весны». Самой красивой молодой леди в Англии Фрэнсис назвал и французский посол Оноре Куртен. Он описал ее в письме так, что сын секретаря по иностранным делам Франции Гуго де Лионна маркиз де Берни прибыл на Альбион только посмотреть на нее. Берни

¹ Парламент, созванный Карлом I Стюартом осенью 1640 года. Был распущен Кромвелем в 1653 году и созван вновь в 1660 году накануне Реставрации Стюартов.



потерял голову от неприступной кокетки Фрэнсис. Весь двор смеялся над бедным французом, и неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы отец не отозвал маркиза во Францию. Молодая фрейлина безжалостно подвергалась атакам противоположного пола, но ее моральные бастионы пали только перед братом короля. Правда, их связь была недолгой — Фрэнсис не выдержала соперничества с Арабеллой Черчилль и обручилась с капитаном королевской гвардии Джорджем Гамильтоном, братом записавшего мемуары Граммона Энтони Гамильтона. В 1676 году Джордж в чине майора-генерала французской армии погиб в бою. Фрэнсис провела три года во вдовстве, а затем вышла замуж за Ричарда Тальбота, ставшего при Якове II графом Тирконнелом и вице-королем Ирландии.

Барбара Дженнингс, выйдя замуж за эсквайра из Сент-Олбанса Эдварда Гриффита, избежала соблазнов двора. Она умерла в 1678 году, когда ей было всего двадцать шесть лет.

Саре Дженнингс ко времени появления старшей сестры при дворе было двенадцать. Придворная жизнь проходила на глазах взрослевшей девочки, ощущавшей себя маленькой принцессой. Она не была такой красавицей, как Фрэнсис, хотя и имела приятную внешность. Как отмечали современники, она обладала духом и темпераментом, которые редко встречаются в женщине и даже в мужчине. У Сары был чрезвычайно властолюбивый характер, твердая воля и незаурядный ум. Она обо всем имела собственное мнение и умела расположить к себе любого собеседника. При этом мужчины не должны были обманываться на свой счет, ибо Сара так общалась со всеми. Она знала, какое воздействие оказывает на других, и терпеть не могла диктата с чьей бы ни было стороны. Из-за этого она поссорилась с матерью, не желавшей, чтобы Сара повторила судьбу Фрэнсис, и настолько серьезно, что в шестнадцать лет заявила герцогине Йоркской, в окружении которой пребывала с десяти лет, что если ее мать не покинет Сент-Джеймский дворец, это сделает она. Сара победила, и миссис Дженнингс покинула двор.

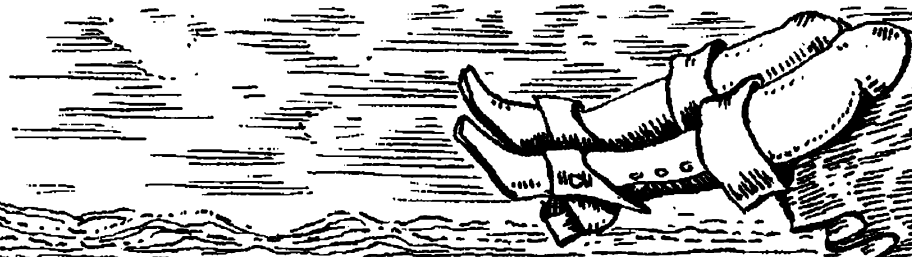
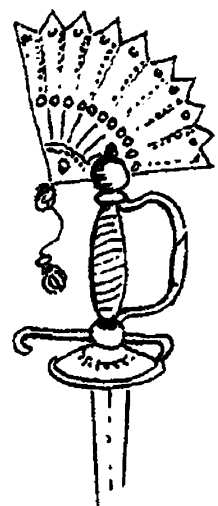
Конец у этой истории достойный. Перед смертью в 1693 году миссис Дженнингс тяжело болела. Сара день и ночь просиживала у постели матери в Сент-Олбансе, терпеливо ухаживая

за ней. Миссис Дженнингс оставила младшей дочери все свое состояние.

Тем временем 24-летний Джон Черчилль принял командование английским батальоном на службе Людовика XIV и участвовал в кампании 1674 года на территории Германии, которую вел прославленный Тюренн. Вполне возможно, хотя точных свидетельств тому нет, что он принимал участие в сражении при Зинцхайме 16 июня 1674 года. Тогда, потеряв 2500 человек из 10 тысяч, имперский генерал Капрара бежал, а Тюренн, преследуя его, вторгся в Пфальц. Определенно известно, что молодой Черчилль принял участие в битве при Энцхайме около Страсбурга 4 октября того же года, когда 11 из его 22 офицеров сложили свои головы. В тот день Тюренн с 22–23 тысячами солдат атаковал 35–38-тысячную имперскую армию генерала Бурнонвилля, чтобы помешать ей соединиться с бранденбургскими силами. Ночью обе стороны отступили с поля боя. Французы потеряли 2000, имперцы — 3000 человек. Английская кавалерия понесла большие потери — все офицеры были или убиты, или ранены. Джон после этого получил лучшую для военного характеристику: «Никто в мире не смог бы сделать свое дело так хорошо, как господин Черчилль».

Осенью 1675 года он вернулся с полей сражений и приступил к своим обязанностям в окружении патрона — герцога Йоркского. Привезенные из Франции два сундука отличного серебра предоставили ему возможность вести жизнь человека, уже сделавшего карьеру: он танцевал на праздниках с прекрасными леди и был партнером короля на теннисной площадке. А однажды он встретил во дворце удивительную девушку.

Это могло случиться во время игры в мяч, но скорее всего он увидел ее в свите герцогини. Они танцевали, и Джон нашел ее очень приятной. Он был несказанно удивлен ее необычным для юной леди зрелым умом. В один прекрасный день молодой офицер понял, что глубоко и бесповоротно влюблен. Могло показаться странным, что трезвомыслящий, настроенный на карьеру любимец женщин способен на это чувство. Но любовь не поддается никаким схемам: она может сделать легкомысленным мудрого человека и обойти своим вниманием романтическую натуру.



Девушка заметно оживлялась под страстным взглядом молодого офицера, ей импонировала его элегантность. Он казался ей интеллигентным и добрым, чувствительным и целеустремленным, а беседа с ним походила на соревнование в остроумии. Между ними началась переписка. Саре было пятнадцать лет, Джону — двадцать пять.

Тем не менее гордая юная особа долго сопротивлялась, поскольку не желала ощущать себя «наследницей» Барбары Кливленд, которая была ее в два раза старше и в двадцать раз богаче. Письма Джона были полны любви, а письма Сары — иронии. Она желала убедиться в истинных намерениях своего поклонника и писала: «Если то, что вы пылаете страстью ко мне, правда, — найдите способ сделать себя счастливым, например, поезжайте за границу. В вашей власти лишь видеть меня, поскольку моя честь разрешает лишь это».

В любви Джон был весьма напорист, как и во всем, что он уже сделал и будет делать в жизни. «Ничто не заставит меня уехать за границу после встречи с вами. Вы стали для меня самым дорогим человеком на свете... Я буду вне себя от радости, если ваши милые ножки заведут вас вечером в комнату для рисования, где я смогу вас застать... Сегодняшний день показался мне мучительно долгим из-за того, что я не видел вас утром в свите герцогини. Прошу вас, сообщите мне немедленно, как вы себя чувствуете, и обязательно пейте теплое молоко — погода нынче сырая...» В этом его письме не только горячая любовь и пылкая страсть, но и почти супружеская забота о любимой. И еще: «Если прикажете мне умереть — я с радостью сделаю это».

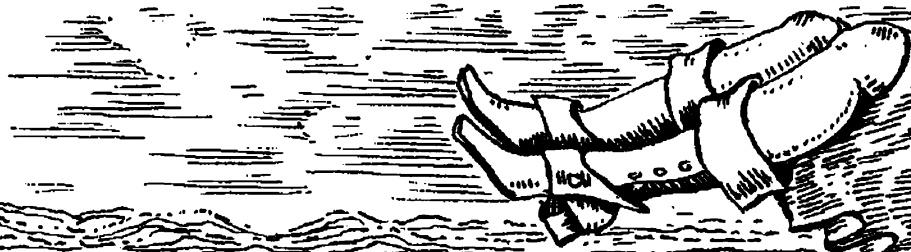
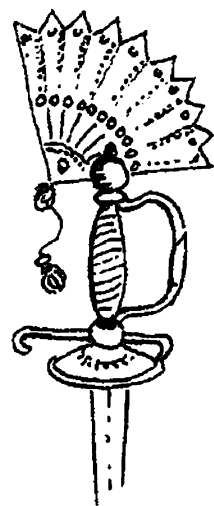
При дворе скрывать чувства невозможно, и слухи об этой любви распространились по Уайтхоллу и скоро дошли до Парижа. Примечательно, что, когда в 1676 году герцог Монмут предложил назначить Черчилля капитан-лейтенантом английского полка во французской армии, посол Версаля в Лондоне Куртен передал это предложение военному министру Мишелю Лувуа, не преминув составить полный отчет о любовных похождениях Джона. Поначалу маркиз Лувуа отверг эту идею, заметив, что капитан Черчилль «даст больше удовлетворения богатой и увядающей даме, чем монарху, который не желает иметь в своей армии “паркетного” рыцаря». В итоге, правда,

министр все же согласился, что Черчилль — это лучшая кандидатура. Но молодой человек не принял это предложение. «Месье Черчилль больше предпочитает служить хорошенькой сестре леди Гамильтон (как раз в то время Фрэнсис Дженнингс вышла замуж за лорда Гамильтона), чем быть капитан-лейтенантом в полку Монмута», — прокомментировал этот отказ Куртен.

В семье Черчиллей, однако, полагали, что их сын, на которого они возлагали огромные надежды, относится к будущему браку недостаточно серьезно. Во-первых, девушка бедна. Во-вторых, она считалась «странным созданием», а ее мать полусумасшедшей. Родители Джона настаивали, чтобы он оставил чувства в покое и женился на Кэтрин Сэдли, единственной дочери сэра Чарльза Сэдли, одного из богатейших и влиятельнейших людей Англии. Кэтрин была излишне бледна и стройна, но умна — этим качеством объясняли тот факт, что она не упустила возможности в один прекрасный момент оказаться в постели герцога Йоркского. Черчилли рассуждали: раз сын делил фаворитку с королем Карлом, что ему препятствует жениться на Кэтрин? Джон отвечал на это: «Любовь, и только любовь», — но Сара не могла игнорировать мнение родителей своего возлюбленного.

Однажды Куртен наблюдал в Уайтхолле, как мисс Дженнингс «больше плакала, чем танцевала», и докладывал в Париж, что на Черчилля постоянно давит отец с тем, чтобы он женился на богатой девушке, и что Черчилль бросил герцогиню Кливленд, «обобрав» ее на 100 тысяч ливров (7000 фунтов стерлингов). После этого герцогиня уехала во Францию.

Нельзя сказать, что Джон рисковал, идя на разрыв с влиятельной герцогиней. Барбара не отличалась постоянством, легко завязывала и рвала отношения сразу с несколькими любовниками. В ноябре 1676 года она поехала в Париж не столько потому, чтобы «проветриться» после разрыва с молодым Черчиллем, сколько из-за желания встретиться со своими неизменными поклонниками, среди которых числился известный своими амурными похождениями парижский архиепископ Франсуа Арле де Шамвалон. Но Франсуа в тот момент был «занят» чувствительной мадам де Севинье, и Барбара оказалась в постели английского посла во Франции Ральфа Монтегю.



В какой-то момент Саре показалось, что все кончено. Но Черчилль продолжал атаковать ее письмами: «Вы не можете вообразить, что значите для меня. Вы для меня как воздух, как хлеб насущный... Герцогиня устраивает сегодня новую игру в мяч, затем будут танцы. Буду безмерно счастлив встретить вас там и поговорить с вами». — «Что касается встречи с вами, — отвечала Сара, — то ни приватно, ни на публике я не желаю вас видеть. Для меня вы фальшивейшее создание на земле. Я очень поздно осознала свою ошибку». — «Это вы ошибаетесь, — писал в запальчивости Джон, — когда полагаете, что я люблю прежде всего самого себя». Сара была неумолима: «Я перечитала все ваши письма, и если вы думаете, что терпеливы со мной, то я так совсем не считаю». Одно время Черчилль находился на грани отчаяния: «Прошлой ночью мне было так худо, что, казалось, я умираю...»

Наконец, Сара сдалась, ее самолюбие было удовлетворено. Возможно, на это решение повлияло покровительство «второй» герцогини Йоркской Марии Моденской, вышедшей замуж за брата короля в 1672 году (Анна Хайд умерла годом раньше). Мария специально устраивала так, чтобы Джон и Сара встречались. Еще их отношения одобрял грум спальни короля, впоследствии сделавший блестящую политическую карьеру, Сидней Годолфин. Он был верным другом Черчилля до конца своей жизни, а фрейлина Екатерины Браганца мисс Блэг, на которой он женился в 1675 году, — подругой Сары.

Битва за любовь закончилась, проблема была решена. Предположительно Джон и Сара заключили брак в Сент-Джеймской церкви в присутствии Марии Моденской в конце зимы 1678 года. Ни отсутствие состояния, ни сопротивление Черчиллей не помешали их союзу. Сэр Уинстон, правда, долго сокрушался, что Сара не имеет приданого.

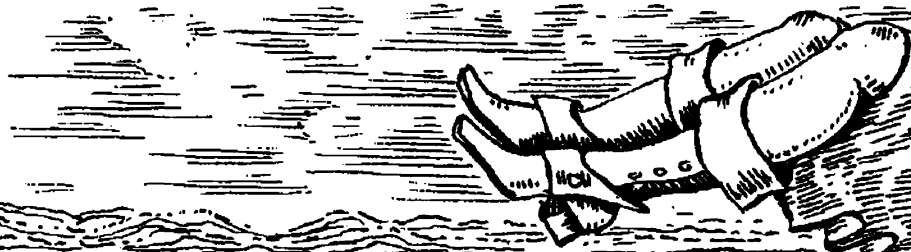
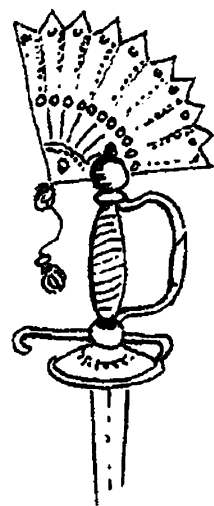
Свадьба была скромной — на нее были потрачена сумма, равная ежегодному доходу Черчилля. Молодые супруги составили идеальную пару: оба были умны и стремились к вершинам власти. Между ними установились исключительно близкие духовно-интеллектуальные отношения, что с годами скрепляло брачные узы. Сара стала лучшим советником Джона Черчилля, который отзывался о ней как о «величайшей деловой женщине». Она активно и по большей части с положи-

тельным эффектом влияла на политику, долгое время будучи самой близкой подругой Анны Стюарт, ставшей королевой Англии в 1702 году.

Во время третьей англо-голландской войны и одновременно второй по счету войны Людовика XIV в Нидерландах на Альбионе было неспокойно. Собравшийся в феврале 1673 года парламент выразил недовольство войной против протестантской республики, в которой их король выступал не как защитник английской торговли, а как лакей французского монарха. Неприязнь, которую испытывали англичане по отношению к Франции и к ее растущей гегемонии в Европе, была сильнее, чем негодование по поводу побед голландцев на море. По Лондону гуляли слухи, что французы подкупили короля и его министров. Секретная статья Дуврского договора не разглашалась, но, похоже, что в 1673 году Арлингтон поделился этим секретом с Эшли-Купером, годом раньше ставшим графом Шефтсбери; ныне граф возглавлял оппозицию, непримиримо критиковавшую политику короля.

Политическое возбуждение царило повсюду: в кофейнях говорили о политике, в памфлетах ругали правительство, дополнительные выборы становились ареной жарких дебатов. Оппозиция выработала акт «О присяге», согласно которому никто не мог занять государственную должность или получить назначение во флот или в армию, если не приносил официальную присягу по англиканскому образцу, в которой содержалось неверие в доктрину преосуществления¹. Католики не могли выполнить требование этого акта и соответственно занимать государственную должность. В итоге государственные учреждения были очищены от католиков, а министерство САВАЛ распалось. Католик Клиффорд отказался принести присягу; Арлингтон был смещен из-за своей непопулярности; Бекингем просто рассорился с королем. Только циничный, жестокий и услужливый Лодердейл, управляющий от имени короля Шотландией, сохранил свою должность. Лорд-

¹ Одна из фундаментальных католических доктрин, утверждающая, что во время причащения хлеб и вино преосуществляются в тело и кровь Христа.



канцлером вместо Клиффорда стал землевладелец из Йоркшира Томас Осборн, приобретший влияние в палате общин. В 1674 году Карл оценил усилия Осборна, реформировавшего финансовую систему и увеличившего доходы короны, даровав ему пэрство и титул графа Денби.

Главными лозунгами политики Денби были бережливость, защита англиканства и независимость от Франции. Чтобы сплотить своих последователей вокруг короны и покончить с оппозицией, Денби в 1675 году предложил поправку к акту «О присяге», согласно которой занимать государственную должность и заседать в парламенте имел право только тот, кто признавал сопротивление королевской власти преступлением. Но эта поправка не была принята палатой общин.

Зато внешнеполитический курс Денби пользовался поддержкой. В 1678 году парламент, пребывая в уверенности, что война с Францией неизбежна, вотирует на военные приготовления 1 миллион фунтов. Поражающее воображение авторитет и военная мощь Людовика XIV пугали Европу. Популярность Денби достигла пика, когда он стал инициатором брака между старшей дочерью герцога Йоркского Марией и статхаудером Вильгельмом Оранским. Карл II и его брат Яков надеялись, что союз между принцессой Марией и протестантским правителем ослабит влияние оппозиции. Иначе на англо-голландский брачный альянс смотрели за Ла-Маншем. Людовик XIV отреагировал на эту новость так, как будто потерял половину армии.

Для амбициозного молодого военного, каковым был Джон Черчилль, наступило время интенсивной активности. А Саре было нелегко. После брачной церемонии Джон отвез молодую жену в Дорсетшир к своим родителям. Леди Элизабет темпераментом не уступала невестке, и ему пришлось использовать все свои дипломатические способности, чтобы поддерживать мир между двумя женщинами.

Когда он, усталый от семейных ссор, вернулся в Лондон и предстал перед герцогом Йоркским, то нашел его в самом боевом настроении. Яков Стюарт, в обычной жизни католик и франкофил, был прежде всего военным человеком. Впоследствии, когда он стал королем, это самым худшим образом отразилось на политике. Намечавшаяся война была популяр-

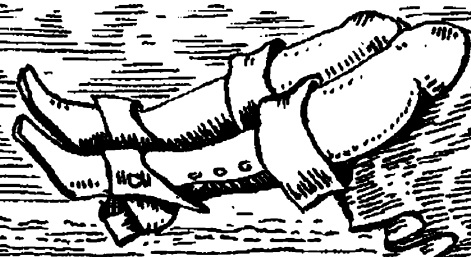
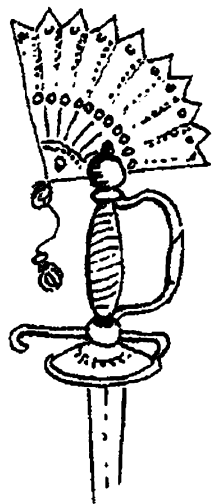
ной в обществе, и герцог видел в ней возможность обрести авторитет среди подданных в условиях роста оппозиции вигов в парламенте, который выступал против наследования им короны.

Ситуация усугублялась вторым браком Якова с католической принцессой Марией Моденской и отказом от поста лорда-адмирала, чтобы не исполнять акт «О присяге». Ревностный католицизм герцога Йоркского, продемонстрировавшего, что ради веры он готов пожертвовать материальными выгодами, ошеломил англичан. Все давно указывало на то, что королева Екатерина Браганца не родит Карлу наследника, и трон перейдет к паписту. Поэтому Яков желал возглавить большую армию, чтобы, сев на троне, управлять королевством с ее помощью.

Сначала были сформированы четыре новых пеших полка, и Черчилль принял командование одним из них. Его возведение в чин полковника Карл II сопровождал такими словами: «Это высшее и оправданное доверие мужеству, лояльности и отличному руководству молодого военного». Весной Черчилль отправился во Фландрию согласовать военные планы союза против Франции. Он ужаснулся, увидев, в каком состоянии находятся испанские войска в Нидерландах. В Гааге ситуация была более ободряющей. Джон впервые встретился с Вильгельмом Оранским, блестящий ум и горячий темперамент которого произвели на него огромное впечатление. Вильгельм готов был выставить столько же солдат, сколько англичане.

Тем временем дипломаты короля Людовика вели переговоры о мире с Англией. Французский посол обещал Карлу II «прислать полную яхту золота, насыпанного в чаши из серебра», если Лондон выйдет из войны. Спустя некоторое время Денби стал реагировать на блеск бриллиантов и жемчугов, и могло показаться, что в Уайтхолле никто не собирается воевать. «Многие джентльмены, которые намеревались воевать с Францией, разочарованы», — заметил в письме Саре Джон.

Ситуация изменилась, когда французы напали на Гент. Джону поручили набор новых рекрутов. Он ожидал, что в мае вновь окажется на континенте. Тем временем при дворе смаковали новый скандал. В центре его вновь оказалась Барбара



Кливленд, уехавшая в Париж «наделать много шума», как выразился о ней Карл. 28 мая она написала королю письмо с жалобой на дочь: «Дитя, которое я с любовью воспитывала, соединилось с худшим из людей». Барбара писала, что ее дочь, графиня Сассекская, сбежала из монастыря, куда она ее определила, чтобы сойтись с Ральфом Монтегю, и «они часто проводят дни в моем доме, он остается у нее до пяти часов утра, и затем они опять вместе». После этой жалобной прелюдии герцогиня пошла в атаку. Она просила, чтобы Карл не следовал советам «этого подлого человека (то есть Монтегю. — Л. И.), который всем сердцем ненавидит вас... Он сказал мне, что презирает вас и вашего брата... для него вы тупой правящий осел, а герцог — тоже осел, но своевольный». Монтегю, продолжала она, хочет сделать карьеру, и поэтому он посоветует Карлу избавиться от лорда Денби и герцогини Портсмут на том основании, что они собираются выступить против короля. Дескать, он надеется стать лорд-канцлером вместо Денби и ждет от Карла милостей и денег.

Монтегю узнал, что его репутация в Уайтхолле находится под сомнением, и немедленно отправился в Лондон, но оказанный ему во дворце прием был исключительно холодным. Когда он предложил рассказать королю, как все было на самом деле, Карл заметил, что уже обо всем наслышан. Таким образом, недоброжелатели Монтегю одержали верх. Несчастный посол был лишен должности и едва не угодил в Тауэр. Таковы были нравы двора Карла II, но здесь поражает то, до чего может довести мать ревность к собственной дочери, отбившей у нее любовника! И как повезло Джону, что он не стал объектом ревности Барбары!

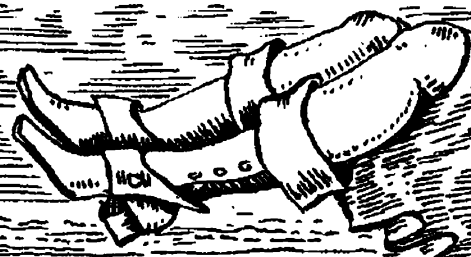
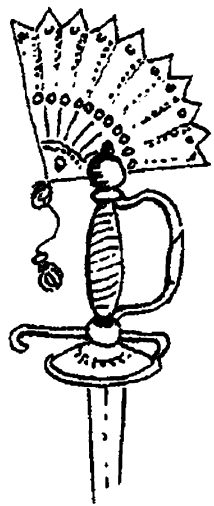
Летом 1678 года бывший католический священник Титус Оутс, которого в современной английской литературе нередко называют лгуном и пройдохой, выставил себя защитником протестантизма и сообщил Тайному совету короля о заговоре папистов, которыми якобы руководят из Рима. Число заговорщиков, по его словам, достигало 200 тысяч человек. Цифра эта явно завышена, поскольку среди пятимиллионного населения Англии католиков насчитывалось около 50 тысяч. На основании их писем и посланий иезуитов, адресованных своим единоверцам во французских католических семинари-

ях, Оутс обвинил в организации заговора личного секретаря герцогини Йоркской Эдварда Коулмана. Цель заговорщиков якобы заключалась в совершении государственного переворота путем убийства Карла II, воцарения на троне его брата Якова и всеобщем избиении протестантов.

Насколько сам герцог Йоркский был замешан в заговоре и был ли вообще заговор, неизвестно — прямых доказательств тому не найдено. Ясно одно — у Якова с братом существовали разногласия по поводу статуса католицизма и отношений с парламентом. Герцог упрекал брата за излишнюю мягкость и советовал разогнать членов палаты общин за непослушание. В то же время большинство англичан верило, что католики стремятся к уничтожению протестантской монархии.

Коулмана арестовали. В переписке с единомышленниками на континенте ясно просматривались его желание восстановить католическую веру и разочарование католиков действиями Карла. В октябре 1678 года Коулман предстал перед лондонским судьей Эдмундом Годфри. По стране прокатилась волна антикатолической истерии. Ее изрядно подогрела гибель Годфри от руки неизвестного, когда рассмотрение дела Коулмана еще продолжалось. Предполагаемых убийц повесили, но загадка смерти судьи осталась неразгаданной. Распространялись слухи о готовящейся высадке на берегах Альбиона французов и что католики вооружаются и закладывают бомбы под церкви.

Жертвами озлобленности и страха англичан стали не только герцог Йоркский и его окружение, но и все правительство короля Карла. Денби надеялся избежать недоверия, поскольку сотрудничал с лидером протестантов Вильгельмом Оранским. Но его политические оппоненты напали с неожиданной стороны. Дело в том, что уничтожить Денби, как инициатора брака между Вильгельмом Оранским и Марией Стюарт, жаждал и Людовик XIV. Не без участия французов Ральф Монтегю представил в парламент документальные свидетельства того, что Денби на переговорах в Нимвегене, где в 1678–1679 годах проходил мирный конгресс, получил от французов взятку. На чеках красовалась подпись «антифранцузского» лорд-канцлера — Денби! Еще Монтегю предъявил письма Денби Людовику XIV, в которых упоминалось о 6 миллионах лив-



ров — цене согласия Англии на договор с Голландией. Отставка, импичмент, Тауэр — все это не заставило себя ждать. Правда, довольно скоро Денби был освобожден из Тауэра. А Карл в декабре 1678 года распустил Кавалерский парламент, который заседал с небольшими перерывами почти восемнадцать лет.

Выборы в его третий парламент отличались сильными спорами между партиями. Большинство мест в палате общин получили виги, и поэтому этот парламент был назван «первым вигским». Он работал всего две сессии в течение одного года, но успел принять и выдвинуть на обсуждение важные документы. Акт «О присяге» был дополнен серией репрессивных законов против католиков, и, наконец, был принят знаменитый «Хабеас Корпус Акт», или «Акт для лучшего обеспечения свободы подданных и для предупреждения заточений за морем», который запрещал произвольные аресты и заключение без суда любого англичанина. Карл II подписал его, поставив условием, что виги не будут противиться занятию престола его братом.

Тем не менее виги сосредоточили огромные усилия на билле «Об исключении герцога Йорка из права престолонаследия»; борьба вокруг билля продолжалась два года (1679—1681) и положила начало политическому кризису, приведшему к четырехлетнему правлению Карла II без парламента. Герцог Йоркский в письмах тех лет Вильгельму Оранскому жаловался на недостойное поведение членов палаты общин. Логика палаты была понятна: как в условиях действия акта «О присяге» католик сможет стать королем? Карл попытался предложить компромиссный вариант закона: правитель-католик лишался церковного покровительства, ни один католик не мог избираться в парламент или занимать государственную должность, судьи назначались только с согласия парламента.

Но большинство депутатов не верили, что на короля-паписта можно будет наложить ограничения. По поводу билля «Об исключении...» мнения партий были противоположными: виги считали, что только он спасет страну, поскольку, если герцог Йоркский вступит на престол, может начаться гражданская война. Тори же заявляли, что билль «вызовет новую войну, разделит королевство», «заставит герцога прибегнуть

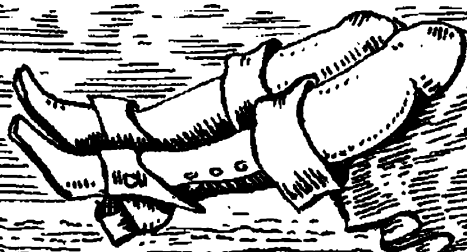
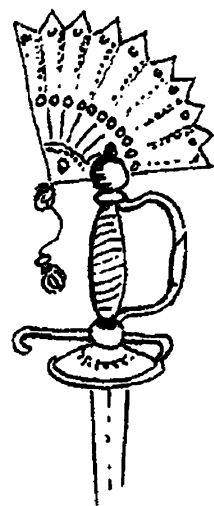
к иностранной помощи». Проект билля «Об исключении...» прошел второе чтение, но тут, в июле 1680 года, король распустил неугодный ему парламент.

Обе стороны не стеснялись в выражениях. «Тори — это чудовище с английским лицом, французским сердцем и ирландской совестью. Это широколобое существо с огромным ртом, задом, похожим на два бедра-окорока, лишенное мозгов. Тори похожи на диких кабанов, подрывающих конституцию, покушающихся на оба оплота нашей свободы — на парламент и судей...» Сторонники короля не терялись: «Напыщенная речь вигов состоит из вздохов... стонов, икоты, причем особый оттенок этому придает гнусавость».

Дебаты в четвертом (конец октября — конец декабря 1680 года) и пятом (21–28 марта 1681 года) парламентах Карла II опять вращались вокруг «Билля об исключении...» и проходили на фоне высокой политической активности вигов. Оппозиция использовала прессу и памфлеты, очень популярными в это время были лозунги: «Долой папство!», «Долой рабство!». Лидер вигов граф Шефтсбери достиг вершины своей популярности, пользуясь поддержкой, как вождь оппозиции, и влиянием, как министр, — ведь он был председателем нового Тайного совета короля.

В этой ситуации герцог и герцогиня Йоркские сочли за лучшее последовать не терпящему возражений совету Карла II и покинуть Альбион. Их сопровождала чета Черчиллей. Те месяцы, пока герцог пребывал в Испанских Нидерландах, Джон курсировал по его делам между Брюсселем, Лондоном и Парижем. В 1680 году король заболел, и его приближенные не на шутку встревожились. Черчилль тогда случайно оказался в Лондоне, и тори ему настоятельно посоветовали тайно привезти герцога обратно. Виги и старший бастард короля герцог Монмут поднимали голову. Шефтсбери добился включения Монмута в Тайный совет и ввел его в партию вигов.

Переодевшись в черную одежду и плащ, без всяких звезд и отличий, герцог Йоркский прибыл из Брюсселя в Кале с Черчиллем и двумя другими сопровождающими. Погода была ужасной, их корабль девятнадцать часов добирался до Дувра. Герцог нашел короля в постели, но не безнадежно больным; он упал на колени и попросил у брата прощения



за приезд без предупреждения. Карла порадовала их встреча, но он не разрешил герцогу остаться в Англии, опасаясь общественного мнения, все еще настроенного против католического наследника короны. Яков был вынужден возвратиться в Брюссель и уже оттуда отправил Черчилля с миссией во Францию раздобыть у Людовика денег. Джон в этом, однако, не преуспел. «Король-солнце» явно был неудовлетворен положением дел в Англии.

Тем временем вера в заговор папистов дала трещину. Когда в ноябре 1680 года один осужденный заявил на эшафоте о своей невинности, толпа закричала: «Мы тебе верим!» Паника, вызванная «разоблачениями» Оутса, была слишком сильной, чтобы продолжаться долго, тем более что Карл разорвал дружеские отношения с Францией. Это, впрочем, не помешало ему начать тайные переговоры с Людовиком XIV, в результате которых Лондон выторговал у Версаля ежегодную подачку в 100 тысяч фунтов.

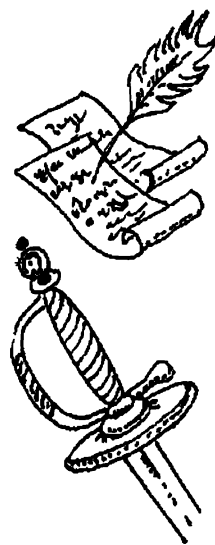
Карл не имел намерения постоянно следовать в русле политики Людовика XIV. Для него союз с Францией представлялся лишь одним из вариантов поведения, если сотрудничество с парламентом окажется невозможным. В парламенте же он пообещал уступки тем, кто опасался восшествия на престол короля-католика, но заметил, что принцип наследования священен и не может быть нарушен. Карл обещал, что Яков займет престол формально, а управление страной останется за протестантскими силами: его будут осуществлять протектор и Тайный совет. Если у Якова родится сын, то он должен быть воспитан протестантом и взойдет на трон по достижении совершеннолетия. Если же этого не случится, править будут дочери Якова, протестантские принцессы — сначала Мария, затем Анна. Протектором при них станет Вильгельм Оранский.

Проект этот выглядел приемлемо, но оппозиция не верила Карлу. Не он ли нарушал Бредскую декларацию, которую подписал при восшествии на трон? Не он ли за спиной парламента время от времени договаривался с Людовиком XIV? Виги сделали ставку на Монмута и продолжали настаивать на билле «Об исключении...». В результате 28 марта 1681 года парламент был распущен, и Карл II, как в свое время его отец, стал единолично править королевством.

Шефтсбери, который был уже смертельно болен, обвинили в подстрекательстве к мятежу. На суд лидер вигов еле смог прийти, но его дух по-прежнему оставался воинственным. Присяжные графства Миддлсекс, многие из которых были вигами, написали на билле с обвинениями против Шефтсбери только одно слово — *Ignoramus*. Суд выносил такой вердикт, если в действиях обвиняемого не было состава преступления. Оправданный Шефтсбери уехал в Голландию. Продолжать борьбу он уже не мог, но советовал своим сторонникам поднять восстание. Мятежный виг умер в Гааге, прожив там всего несколько недель.

После роспуска последнего парламента Яков пришел к мнению, что попутешествовал достаточно. На Черчилля была возложена задача добиваться у короля разрешения вернуться в Лондон. Но получено оно было не сразу. «Если мой брат хочет стать королем, пусть сначала наберется опыта в Шотландии», — объявил Карл. Путь герцога Йоркского от Лондона до Эдинбурга занял тридцать восемь дней. А Сара осталась в Лондоне — она ждала ребенка.

«Лондон и Эдинбург не одно и то же, — описывал Джон молодой жене столицу Шотландии, — в одном можно найти все, что есть за границей, а в другом — нет». Он еще мягко выразился, описывая небольшой городок, утопающий в грязи и населенный жителями, едва понимающими английский язык. Здесь Яков провел более двух лет в наскоро восстановленном старом дворце шотландских королей. Как папист, герцог Йоркский не пользовался любовью пресвитериан в Шотландии. Никаких перспектив здесь не видел и Черчилль. «Рано или поздно, — заметил он одному из друзей, — мы все должны отсюда убраться». Впрочем, он не унывал — у него была возможность постоянно курсировать между Эдинбургом и Лондоном. Он упорно добивался разрешения для герцога приехать в столицу и вел переговоры об этом с французской метрессой Карла герцогиней Портсмут. Алчная женщина, которая не обманывалась относительно скорой смерти любовника, желала получить от Якова Йоркского, когда тот взойдет на трон, 5000 фунтов ежегодной пенсии. При этом от нынешнего короля она уже получала 17 тысяч фунтов.



В мае 1682 года Яков Йоркский наконец добился своего и вернулся в Лондон. Путь на юг королевства чуть не завершился гибелью. На рейде Лондона фрегат «Глостер» наткнулся на мель и перевернулся. Из трех сотен человек, находившихся на борту, спаслись только сорок. Среди них были Яков и Джон. Почему произошла эта трагедия? Спустя шестьдесят лет Сара, ссылаясь на рассказ супруга, рассказала в мемуарах, что Яков, чтобы не утяжелять непомерно нагруженный корабль, снял перед отплытием все спасательные шлюпки, кроме одной. Когда ситуация стала отчаянной, он приказал Черчиллю обнажить меч и отталкивать тонущих людей от единственной шлюпки, в которой поместился он сам со свитой. Плавать тогда мало кто умел — это было не в моде. Спасти смогли, по крайней мере, еще десять человек, но вместо них в шлюпке разместили собак герцога и католических монахов. Вероятно, Джон испытывал стыд от такого своего спасения, поскольку приказал жене помалкивать о деталях происшедшего.

«Никогда не бойся за меня, Джеймс, никто не убьет меня, чтобы сделать тебя королем», — однажды сказал Карл II брату. Воистину, Яков был самым большим «недостатком» Карла, и убить могли в первую очередь его или двух братьев сразу. Когда герцог Йоркский вернулся в Лондон, «круглоголовые» составили заговор с целью покушения на его жизнь и даже на жизнь самого короля. Одновременно готовили вооруженную акцию виги. Группы заговорщиков действовали независимо друг от друга. Это событие вошло в историю как «Ржаной заговор». «Круглоголовые» планировали осуществить покушение на братьев из ржаного склада, располагавшегося на Ньюмаркет-роуд, мимо которого Карл и Яков часто прогуливались верхом. А виги думали захватить короля в плен и принудить выполнить свои требования.

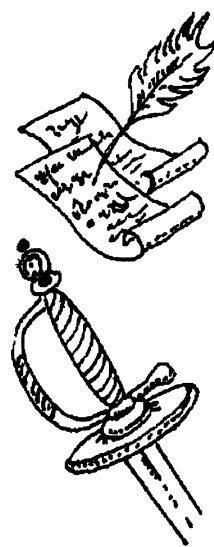
Отсутствие единства делало шансы на успех малыми. Да и события с самого начала разворачивались не в пользу заговорщиков. Из-за пожара в Ньюмаркете Карл и Яков вернулись в Лондон раньше, и покушение на них провалилось. Через три недели заговорщиков выдал предатель. За участие в заговоре на эшафот взошли лорд Уильям Рассел и потомок одного из древних аристократических родов Англии Олджернон Сидней, имевший дерзость в 1649 году проголосовать против казни

Карла I. Мучеников за веру в избытке хватало и прежде, но Рассел и Сидней стали первыми, кто пострадал за партийные интересы.

После расправы над участниками «Ржаного заговора» желающих бросить вызов власти Карла больше не нашлось. Он наконец-то сделался хозяином положения в королевстве. Позиции тори укрепились. Однако многих англичан мучила мысль: что будет после смерти короля?

Вернувшись в Лондон, Черчилль — теперь пэр Шотландии и барон Черчилль Аймут — продолжил военную карьеру. Имея чин французского полковника и полковника пехоты у себя на родине, он еще был капитаном королевских драгун и командиром второй линии гвардейцев, причем все эти должности хорошо оплачивались. Его брат Теобальд, закончивший к тому времени Королевский колледж в Оксфорде, стал капелланом в полку королевских драгун, но вскоре заболел и умер двадцати двух лет от роду. Джон не сильно переживал по этому поводу — они не были особенно близки. Брат Джордж делал морскую карьеру. Сам Джон и Сара с их растущей семьей (у них уже были сын и три дочери) могли бы наслаждаться жизнью в фамильном особняке Сары в Сент-Олбансе, к которому они пристроили целый дом. Однако блестящая чета не могла долго жить вдали от придворной жизни. К тому же без Сары не могла обходиться младшая дочь герцога Йоркского Анна. В литературе считается, что Анна и ее старшая сестра Мария были склонны к привязанности к особам собственного пола. Одно время Мария была неравнодушна к красавице Фрэнсис Эпсли и писала ей романтические письма, начинавшиеся со слов «мой дорогой муж». Сара относилась к Анне без пылкости и ехидничала, что та любит лишь карты и хорошую еду.

Анне Стюарт было семнадцать лет, когда, к удовольствию англичан, для нее нашли мужа-протестанта — принца Георга Датского, полного тридцатилетнего блондина, любителя хорошо поесть и выпить. Пара вступила в брак в июне 1683 года. Одним из следствий этого союза стала необходимость создать собственный двор для принцессы Датской, бывшей к тому времени третьей в очереди по линии наследования английской короны. Она нуждалась в умной старшей фрейлине. Кто, как



не Сара, мог ею стать? Сара согласилась, и с тех пор ее fortuna зависела от положения ее госпожи. Содержание старшей фрейлины было невелико — 200 фунтов в год, но это ничего не значило по сравнению с открывавшимися возможностями. Влияние ловкой женщины при дворе могло стать огромным. В Версале заканчивалась эпоха мадам де Монтеспан и наступала эра мадам де Ментенон. В Уайтхолле пока царила маленькая француженка герцогиня Портсмут, и приход новой умной фаворитки, подобно Ментенон во Франции, никого бы не удивил. Правда, Анна была только принцессой, и никто не знал, займет ли она трон. Кроме того, еще существовал Джон, а герцог Йоркский, как известно, полагался на Джона во всем. Стоит ли удивляться, что внимание при дворе и за его пределами все чаще стало обращаться на Джона и Сару. Правда, в кофейнях Лондона эта чета, тесно связанная с католиком герцогом Йоркским, не пользовалась популярностью.

2 февраля 1685 года Карл II скончался от апоплексического удара, приняв на смертном одре католическую веру. Как подвел итог его деятельности в XX столетии Уинстон Черчилль, «король был скорее циничен, чем жесток, и скорее безразличен, чем толерантен». Его двор не был образцовым двором эпохи, подобно двору Людовика XIV, но вместе с тем был весьма характерным для нее. Он совмещал в себе все реалии переходного времени — абсолютизм и желание перемен, разум и чувства, науку и невежество, культуру и отсутствие морали, религию и скептицизм.

Согласно собственным критериям Карл II оценивал свое правление как весьма успешное. Действительно, политический кризис в королевстве был преодолен, производство и торговля Англии, а также ее морской флот за это время почти удвоились. Это было результатом англо-голландских войн, приобретения новых колоний — Бомбея, Танжера, Мадраса, островов в Карибском море, уничтожения внутренних монополий и покровительственной политики по отношению к компаниям. В Новом Свете также происходили благоприятные перемены. Созданная в 1669 году «Компания Гудзонова залива» основала первые фактории в Канаде. Захват англичанами Нью-Йорка в 1664 году и образование поселения Нью-

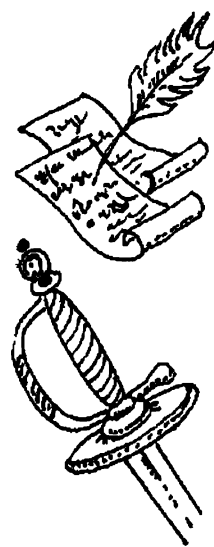
Джерси привели к тому, что вдоль атлантического побережья Северной Америки протянулась сплошная цепь английских колоний. К концу правления Карла в них проживало около четверти миллиона человек, не считая доставляемых из Африки негров-рабов.

Но не так много англичан предвидели широкие перспективы, ожидающие далекие американские поселения. Любопытно, что одним из них был отец Джона, сэр Уинстон Черчилль. На склоне лет он опубликовал сочинение «*Divi Britannici*» («Божественные британцы»), в котором с гордостью писал о новых горизонтах, раскрывающихся перед Британией и «простирающихся до далеких регионов в солнечной Америке». Страна развивалась, несмотря на препятствия, возводимые экономической политикой Ж.-Б. Кольбера. Пожалуй, столь быстрого экономического роста, как при Карле II, Туманный Альбион еще не знал.

Карл II, вовремя отойдя в мир иной, вполне мог считать себя «счастливым» правителем. Но незадолго до смерти он, очевидно, предвидя не лучшие для короны времена, заметил: «Я устал путешествовать (он намекал как на здоровье, так и на годы эмиграции во время революции) и решил более не отправляться за границу. Но когда я скончаюсь, не знаю, что станет делать мой брат. Очень опасаясь, что, когда настанет его очередь носить корону, ему придется снова странствовать...»

Герцог Йоркский был провозглашен королем Англии под именем Якова II. По словам одного из современников, он поставил себе цель «соблюсти все формальности и сохранить все приличия». Согласно одному из его указов, придворным запрещалось находиться в пьяном состоянии в присутствии королевы. Герцогине Портсмут, которая просила о защите от недоброжелателей, от имени нового короля дали понять, что она будет защищена, но не получит на свои нужды ни пенни.

Кэтрин Сэдли услышала от только что коронованного любовника, что «он решил вести новую жизнь и не желает ее больше видеть». В качестве отступных она получила титул графини и 5000 фунтов ежегодного дохода, и это так раздосадовало королеву Марию Моденскую, что та два дня отказывалась от еды и питья, заявив: «Вы сделали ее графиней, и что вам мешает сделать ее королевой?» Кэтрин было приказано жить



во Фландрии, но она под предлогом, что там у нее много недоброжелателей, уехала в Ирландию, а затем, найдя Дублин «неперпимым», а ирландцев «меланхоликами», тихо возвратилась в Лондон. Яков поселил ее в доме на Сент-Джеймс-Сквер и, словно забыв о решении больше с ней никогда не встречаться, время от времени тайно ее посещал.

Так, в 1670-е и первую половину 1680-х годов был заложен фундамент будущей жизни Джона Черчилля. Он удачно и по большой любви женился, настояв на своем выборе. В сложной политической атмосфере, в трудные для его патрона Якова Йоркского годы, он проявил удивительную гибкость, но в то же время показал себя человеком чести. Он был сдержан, храбр и создавал впечатление, что на него всегда можно положиться.

IV. Провидение и размышления

Это одна из наиболее странных катастроф, когда-либо случившихся в истории.

Гилберт Бернет

Ранним утром 13 июня 1685 года два всадника скакали по направлению к Уайтхоллу. Не жалея лошадей, они преодолели 200 миль и испытывали сильную жажду. Их главной целью было как можно скорее доставить важное письмо от мэра Лима Реджиса члену парламента сэру Уинстону Черчиллю, в котором говорилось о появлении двумя днями ранее у берегов Альбиона трех иностранных кораблей без флагов. Одним из них был фрегат «Гельдеренберг» без опознавательных знаков и с тридцатью пушками на борту. Главного пассажира на борту фрегата — Джеймса, герцога Монмута — сопровождали офицеры и 1500 солдат. Когда герцог и его люди высадились на берег, их встретило местное ополчение, но, не имея пороха и ружей, быстро разбежалось. А Монмут поднял зеленый штандарт, на котором золотыми буквами было написано: «Нет страха, кроме Бога».

Так начиналось поддержанное вигами восстание незаконного сына Карла II, имевшее целью посадить его на трон и тем

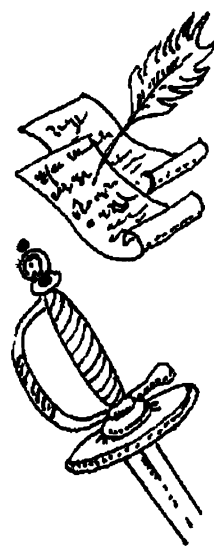
самым обеспечить протестантское престолонаследие в Англии. Сэр Уинстон и его сын первыми узнали об этом и тут же сообщили о происшедшем королю. Якова эта новость не особенно удивила. Он предчувствовал смуту уже в последние дни жизни Карла II и в первые дни после его смерти, прекрасно понимая, какую роль может сыграть старший сын его брата и английские эмигранты на континенте. Еще в феврале 1685 года новый король приказал мэрам Бристоля, Чичестера, Эксетера, Дортмута проверять корабли и опрашивать всех пассажиров, прибывших из-за моря. Но эмигрантская оппозиция не подавала признаков жизни в феврале, марте и апреле. Ей понадобилось почти четыре месяца, чтобы снарядить экспедицию Монмута.

Самым удобным моментом для восстания был февраль или март. В королевстве росло возбуждение, ползли слухи об убийстве Карла II папистами. Появились люди, вооруженные мушкетами и дубинами, в кофейнях и на улице чаще стали говорить о правах на трон герцога Монмута, исповедовавшего протестантскую религию. Но ближе к весне Яков II почувствовал себя увереннее — прошли выборы в парламент, и его торийский состав не вызывал у него подозрений. Тем не менее без мятежа не обошлось...

На торговой площади Лима один из соратников Монмута громко зачитал прокламацию, в которой говорилось о том, что герцог пришел защитить протестантскую религию и законы Англии, права парламента и привилегии ее жителей от узурпации и тирании герцога Йоркского. Горожане слушали речь с энтузиазмом. Уже через неделю после высадки армия Монмута насчитывала 7000 пеших и 300 конных солдат.

Ситуация усугублялась тем, что за месяц до описываемых событий против нового короля взбунтовался глава влиятельнейшего из шотландских кланов граф Арчибальд Аргайл при поддержке части вигов и остатков офицеров кромвелевской армии. Возмущение охватило регион Англии, где были сильны позиции диссентеров и наблюдалась самая большая безработица.

Положение нового короля, однако, не было безнадежным. У оппозиционеров не было единого плана действий, они были выходцами из разных социальных слоев и преследовали



различные цели. Католицизмом Якова Стюарта и его явным стремлением к абсолютной власти были недовольны шотландцы графа Аргайла и вигские сторонники Монмута. Но Аргайл, представитель Хайленда (горной Шотландии) и наиболее знатный из шотландцев, смотрел сверху вниз на лэрдов Лоуленда (равнинной Шотландии) — Хьюма Поверта и Флетчера Салтона. Все вместе шотландцы подозрительно относились к лозунгам и борьбе за веру английских политических диссидентов, таких как Генри Уилдмен, предлагавший поднять восстание в Лондоне. Аргайл понимал, что Монмут, чьи претензии на трон он пока отказывался признать, не будет помогать ему в Шотландии. Тем не менее в Утрехте и Роттердаме между всеми недовольными новым правлением состоялись переговоры, на которых обсуждался вопрос об одновременных восстаниях в Англии, Ирландии и Шотландии.

Аргайл высадился на Альбионе раньше Монмута, но тут же его начали одна за другой преследовать неудачи, а Уилдмен не сумел поднять восстание в Лондоне. Монмут ничего не знал об этом, но в любом случае его высадка в Лиме была, по сути, авантюрой.

В этот момент было важным, как поведет себя статхаудер Вильгельм Оранский, и вскоре выяснилось, что он не склонен поддерживать Монмута, хотя и оказал ему теплый прием в Голландии. Более того, некоторые историки считают, что Вильгельм с самого начала задумал в случае успеха восстаний Аргайла или Монмута самому высадиться в Англии и подавить их выступления. Зачем? Дело в том, что в случае победы Монмута он и его жена Мария теряли шансы на английский престол. Поражение же Монмута устраняло одно из препятствий между Вильгельмом и английским тронном. Скорее всего Вильгельм ждал, что Яков обратится к нему за помощью, надеясь на рост своего влияния в политических кругах Британии. И когда это произошло — Яков попросил его прислать три шотландских полка, находившихся на службе в Соединенных провинциях, — Вильгельм с радостью сделал ему одолжение.

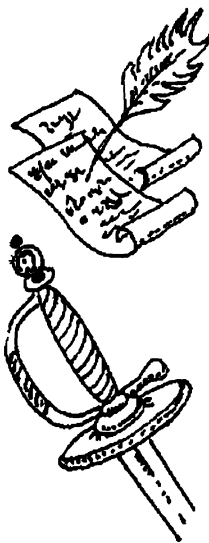
Хотя Монмут имел в распоряжении немалую армию, ему не доставало хорошо обученных офицеров. Джентри юго-запада пребывали в ожидании, собираясь стать на сторону того, за кем будет перевес. Другой проблемой Монмута была не-

хватка средств — чтобы закупить оружие, пришлось тратить личное состояние, но денег все равно не хватало, и дошло даже до продажи драгоценностей любовницы Генриетты Уитворт; впрочем, она надеялась компенсировать траты, когда станет королевой.

Наконец, делу мешал характер самого герцога. Профессиональный военный, участвовавший в боевых действиях во Фландрии, он унаследовал весь шарм своего деда и отца, но не обладал качествами, которые сделали бы его настоящим полководцем. Примечательно, что когда Вильгельм Оранский предложил ему отправиться в составе армии императора Леопольда I в поход против Османской империи, он предпочел полю брани будуар прелестницы Генриетты Уитворт.

Но поначалу дела Монмута шли неплохо. Он вступил в Таунтон, приветствуемый как герой и освободитель. Цветы устилали улицы, его знак — лук с зеленой ленточкой — был виден повсюду. Двадцать семь девочек в возрасте от восьми до десяти лет неделями вышивали знамена для его армии. 20 июня на рыночной площади Таунтона Монмут был провозглашен королем Англии. За голову герцога Йоркского была назначена значительная сумма денег, а парламент, под бой барабанов объявивший Монмута изменником, подлежал роспуску как мятежная ассамблея.

Правда, на коронации Монмут выглядел озабоченным, зная, что Яков II бросил все силы в район восстания. В этот же день у Эксминстера между небольшим отрядом восставших и солдатами Черчилля произошло столкновение, закончившееся вничью. Джон же написал Якову о победе, поскольку военный совет Монмута решил покинуть Таунтон. Если бы герцог вовремя достиг Бристоля, где у него было много сторонников, дело еще можно было бы спасти. После шести дней марша он был уже в нескольких милях от Бристоля с 9000 солдат, организованных в пять полков пехоты: красный (полк самого Монмута), белый, голубой, желтый и зеленый. В тот момент восстание выглядело грозным. «Восставшие скоро станут господами этой страны, — писал лорд Фитцхардинг своему другу, — где они останутся, знает только Бог». Но эти страхи скоро рассеялись.



На подступах к Бристолю Монмут понял, что проиграл. Днем раньше командующий законного короля лорд Февершэм вступил в Бристоль с конной гвардией. Ухудшилась и погода: сырой дождь, казалось, проникал в сердца разочарованных людей. Одно время у Монмута была идея обойти Бристоль и идти на Глостер. Его кавалерия даже навела мост через реку Эйвон у Кейншэма и перешла на северный берег. Но Глостер находился в четырех днях интенсивного марша, а королевская армия в Бристолле могла атаковать восставших с тыла. Поэтому Монмут дал приказ отступать к Бату.

Туда же поспешили отряды Черчилля. Джон соединился с Февершэмом в районе Бата, и они стали преследовать отступавших. Черчилль был недоволен тем, что лорд Февершэм, французский протестант, а не он, молодой и подающий надежды командир и преданный слуга короля, назначен командующим армией.

В нескольких милях от Бата Февершэм атаковал Монмута и... потерпел неудачу, потеряв 80 человек. Всех удивило, как смог победить авантюрист с необученной армией. И все же, несмотря на этот локальный успех, наиболее здравомыслящие солдаты Монмута понимали, что их дело безнадежно. Возможно, здесь сыграл роль памфлет, распространенный среди них агентами Февершэма и обещавший им прощение, если они сложат оружие. И 2000 человек покинули лагерь Монмута.

Скоро Монмут получил неутешительные новости из Шотландии: восстание графа Аргайла подавлено, сам он схвачен и казнен в Эдинбурге. Монмут, быстро загоравшийся и столь же быстро сникавший, казался растерянным, но не все его сторонники потеряли волю к борьбе. Среди них были люди, сражавшиеся в рядах «железнобоких», но трагедия заключалась в том, что Монмут не мог дать им в руки столько оружия и воодушевлять их так, как Кромвель. Остальные воины герцога — бедные ткачи и пахари — взывали к Богу, чтобы тот был благосклонным к ним, если они потерпят поражение.

В это время Черчилль шел быстрым маршем через Дорсетшир, чтобы предотвратить пополнение армии Монмута со стороны Ла-Манша. По большому счету, он не сомневался в победе, поскольку экипированной и обученной трех-

тысячной королевской армии, подкреплённой артиллерией, противостояли, по сути, ополченцы.

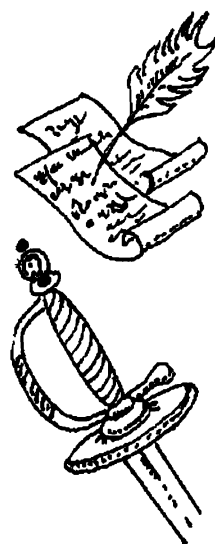
Монмут, находившийся у Бриджуотера, не имел четкого представления, где находятся королевские войска, пока батрак одной из ферм Ричард Годфри не принес свежие новости. Его хозяин, выходя утром из церкви, увидел королевскую армию на марше, прикинул ее численность и сразу послал Годфри к Монмуту. Батрак сообщил, что у противника 500 всадников и пять полков пехоты, а путь на Бриджуотер контролируется артиллерией. Раньше Монмут опять намеревался двинуться на Глостер, где было меньше королевских сил, но после сообщения Годфри изменил свой план, решив ночью напасть на королевский лагерь.

В воскресенье 5 июля в 11 часов ночи армия Монмута последовала за Годфри к Седжмуру. Вокруг стояла тишина, черная мгла опустилась на землю. Годфри заплутал в тумане и не сразу нашел дорогу. Ошибка проводника стоила драгоценного времени, а услышанный противником нечаянный выстрел лишил атаку внезапности.

Накануне ночи Февершэм послал несколько всадников проверить путь из Бриджуотера на север. Патруль доложил, что все тихо. В час ночи 6 июля Февершэм улегся спать, но один из его офицеров, капитан шотландской гвардии Макинтош, опасался, что Монмут атакует их, и поэтому на всякий случай выставил своих людей перед лагерем. Его полк на правом фланге и принял первый удар конницы Монмута.

Прежде чем Февершэм проснулся, Черчилль взял контроль над ситуацией в свои руки. Кавалерия Монмута попыталась ударить в тыл, но Джон приказал шотландцам открыть огонь по всадникам, которые в панике ретировались. Сюрприз, который должен был привести к поражению противника, не удался. Тем не менее Монмут успел подтянуть свои пушки.

Утром бой возобновился. Монмут сражался в первых рядах своей армии, пока не стало ясно, что его дело проиграно. Он вскочил на первого попавшегося коня и поскакал через равнину. К вечеру, несмотря на то что восставшие оказались без командира, бой разгорелся с новой силой, но это была последняя попытка обреченных. Вскоре все было кончено.



Королевская армия потеряла две сотни убитыми, восставшие — в десять раз больше. Вершить суд над сторонниками Монмута назначен судья Джеффрис, которого король позже сделал лорд-канцлером Англии. Приговор был жестоким: 150 человек казнено, а 800 стали рабами на плантациях. В целом общественное мнение испуганного Лондона было на стороне судьи, чье имя вошло в историю как символ жестокости. Но нашлись и такие, кто называл Джеффриса маньяком...

Черчилль же полагал, что главной причиной кровавых процессов был вовсе не Джеффрис. Когда к нему обратилась молодая девушка Дороти Хьюлинг с просьбой облегчить судьбу своих двух братьев, приговоренных к смерти, он пообещал ей устроить встречу с королем, но предупредил, указывая на гранитную каминную полку: «Мисс Хьюлинг, не обольщайтесь — этот камень так же способен на сострадание, как и сердце короля».

Так бесславно провалилась попытка протестантского герцога отобрать трон у своего дяди. Один из проповедников заметил, что повстанцы «находились рядом с победой как лучники, которые целились, но промахнулись». Другой очевидец полагал, что только густой туман спас армию короля. То был молодой диссентер из Лондона, сражавшийся в войсках Монмута, но чудом избежавший гибели и наказания. Раздели он участь большинства восставших, мы бы не листали страницы «Робинзона Крузо». Его звали Даниэль Дефо.

Герцог Монмут был схвачен и 15 июля обезглавлен у ворот Тауэра. Его казнь была политической ошибкой Якова. После нее оппозиция стала искать другие пути сопротивления политике двора. Пока был жив Монмут, виги не могли переориентироваться на статхаудера Вильгельма Оранского. Есть версия, что на казни настоял министр короля Роберт Спенсер, граф Сандерленд: мол, его люди перехватили письмо Монмута, в котором тот сообщал Якову о предательском поведении графа. Как бы то ни было, через три года, в 1688 году, Сандерленд предал Якова.

Джон Черчилль был глубоко убежден, что из прошедших событий надо извлечь военные и политические уроки. Ведь Монмут всего за три недели собрал в двух графствах большую армию, его солдаты, даже плохо обученные, успешно воевали,

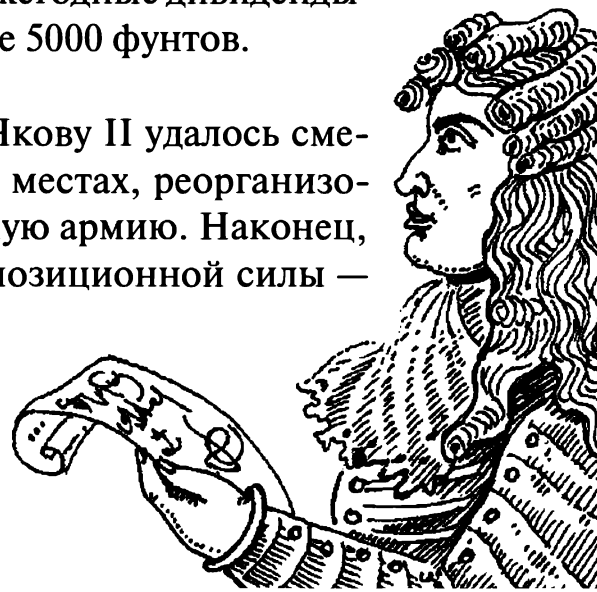
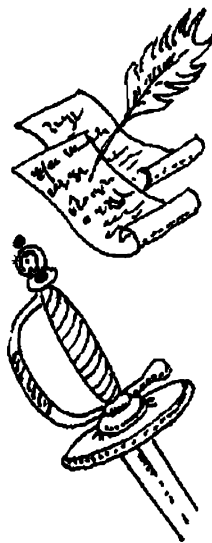
за ними шли люди. Получалось, что число противников Якова огромно. Их, возможно, было сотни тысяч. Проблема состояла в том, как бороться с ними, поскольку было очевидно, что на отряды, набранные на местах, полностью положиться нельзя.

Для Якова II, не желавшего поступаться своими религиозными убеждениями, выход был один — создать регулярную армию, подчинявшуюся только ему. Но только в эту армию, по его мнению, нельзя было включать три шотландских полка, которые Вильгельм Оранский направил ему на помощь. Намеренно или нет, но они прибыли на берега Темзы уже после окончания кампании. Король бросил взгляд на солдат и решил, что они, а особенно их офицеры, «бездеятельные». Наказав двух солдат, выпивавших за упокой души Монмута, Яков отослал эти полки обратно в Нидерланды.

В начале ноября 1685 года сэр Уинстон участвовал в палате общин в дебатах о создании армии. Установка была следующая: Англия нуждалась в армии от 14 до 15 тысяч человек. Спорили о сумме, необходимой для ее содержания — одни называли цифру 1 миллион 200 тысяч фунтов, другие считали, что можно ограничиться 200 тысячами. В конце концов сошлись на 700 тысячах фунтов. Король был в ярости — этого ему было явно недостаточно.

Возвратившись в Лондон после победы над Монмутом, Черчилль стал пользоваться при дворе еще большим доверием. Еще за три месяца до того, как он отправился воевать на юго-запад Англии, он был назначен представлять короля в управлении Компанией Гудзонова залива и стал важной фигурой в большом бизнесе. Он приобрел акции компании за 100 фунтов, а цена их в скором времени возросла до 300. Форту и одной из рек, впадающих в Гудзонов залив, было присвоено его имя. Управляя компанией, Джон получил немалые финансовые выгоды. Через три года его ежегодные дивиденды составили 400 фунтов, а в 1692 году — уже 5000 фунтов.

После разгрома оппозиции в 1685 году Якову II удалось сменить аппарат чиновников в центре и на местах, реорганизовать судебную власть и создать постоянную армию. Наконец, король решил избавиться от важной оппозиционной силы —



англиканской церкви. Другими словами, совершить «католическую революцию».

Есть мнение, что краху «католической революции» способствовал ее слишком быстрый ход. Мол, если бы Яков проводил ее постепенно, как советовал папа римский, или не так демонстративно, как советовал французский посол Барильон, то, возможно, он достиг бы успеха. Вряд ли это мнение справедливо: англиканская церковь в мышлении и исторической памяти англичан со времен Реформации короля Генриха VIII (1509—1547) связывалась с понятием свободы. И пусть Генрих на деле был королем-деспотом, это многие уже предали забвению: зато он освободил свое королевство от Рима.

Яков II и его католические советники, среди которых большим авторитетом обладал иезуит отец Петри, поставили цель уничтожить все то, что некогда совершил король Генрих. Общество Иисуса стало своеобразным интеллектуальным центром при дворе. В Оксфорде и Кембридже стали преподавать профессора-католики, в армии на командные посты назначали офицеров-католиков, а судьи, которые протестовали против этих нововведений, лишались своих мест. Во флоте на каждый корабль был назначен католический священник.

Считая, что в английских и шотландских полках в Голландии сплошь республиканцы и протестанты, Яков решил удалить из них самых «неправильных» солдат, пополнить их солдатами «лояльными» (то есть католиками) и перебросить во Францию. Когда Джон попросил назначить его командующим этими силами, король ему отказал; этот пост занял католик, бастард Якова и племянник Черчилля молодой герцог Бервик. С этого времени Джону все больше стало казаться, что к нему, несмотря на его заслуги, относятся с подозрением. В своем намерении изменить конфессиональную принадлежность армии Яков зашел так далеко, как только мог. Позже, уже в изгнании, он заметил своему сыну: «Всегда опирайся на католические войска, без которых ты никогда не будешь в безопасности».

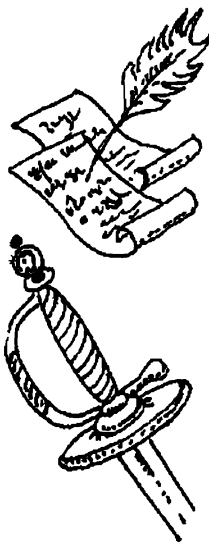
Королевская часовня в Сент-Джеймском дворце стала католической, монахи наводнили весь Лондон, открывались католические школы, активизировалась католическая пропаганда. Местная администрация, Тайный совет и компании

Сити освободились от представителей англиканской веры, были восстановлены дипломатические связи с Римом. Хорошо информированные люди уже строили прогнозы, когда в английском королевстве католическая вера станет преобладать.

Одним из таких людей был Черчилль. Он знал о деньгах из Франции, шедших на католические реформы. Он видел, как английская армия пополняется католическими офицерами, и был в курсе того, что правитель Ирландии лорд Тирконнел, второй муж сестры Сары Фрэнсис, занят военным обучением ирландских католиков, которые по первому сигналу могут быть переброшены в Англию. Кроме того, вокруг Лондона стали лагерем регулярные войска в составе 15 тысяч человек — солидное подспорье для наведения дисциплины в парламенте, изменений в церкви и, если будет необходимо, удаления строптивых судей. В сложившихся условиях Джон беспокоился за себя и за жену, но та хранила хладнокровие. Находясь при принцессе Анне, Сара считала своей главной задачей держать дочь Якова подальше от двора и влияния отца, который хотел, чтобы она изменила вероисповедание. К счастью для себя, Анна была замужем за протестантом и слушалась подругу — во всяком случае, она избежала многих невзгод, которые еще предстояло перенести Стюартам в XVIII столетии.

Джон по-прежнему был преданным слугой короля, блестящим придворным, пэром, капитаном королевской гвардии, капитаном королевских драгун, управляющим Компанией Гудзонова залива. Но, наблюдая за «игрой» своего монарха и анализируя политические события в Британии, он все больше сомневался в том, что Яков окажется в выигрыше.

Еще за два года до высадки голландского статхаудера на берегах Альбиона преуспевающий Черчилль столкнулся с дилеммой, возникшей перед всеми тори: на чью сторону встать — Якова II или принца Оранского? Он недолго любил вигов и был связан семейными узами с домом Стюартов. Но, с другой стороны, Джон был убежденным приверженцем англиканской церкви и, что самое важное, человеком, видевшим дальше многих современников. Черчиллю не нравилось, что католики получили власть, что его король любезничает с Римом и находится в зависимости от «наихристианнейшего» мо-



нарха Людовика XIV. Он понимал, что долго так продолжаться не может и перемены неизбежны.

В условиях зреющего недовольства проводимой им политикой Яков сам себя сделал зависимым от армии. А из кого эта армия состояла? Из нескольких тысяч человек различной степени лояльности. Из нескольких сотен офицеров, разделенных на католиков, призванных ревностно служить католическому королю, и протестантов, которые рассматривали перспективы своей службы в мрачном свете. Протестанты знали, что случилось с офицерами-гугенотами во французской армии и почему лорд Февершэм оказался в Англии.

В Англии зрело то, что позже «король-солнце» назвал «величайшим заговором». Этот заговор возник в среде аристократии (в нем участвовали как виги, так и тори) и в ближайшем окружении Вильгельма Оранского. Вильгельм III отлично понимал, какую роль в создавшейся обстановке может сыграть секретная служба. Во главе ее он поставил близкого друга и самого доверенного советника Виллема Бентинка, впоследствии графа Портленда, ее представителем на Альбионе стал Генри Сидней, бывший английский посол в Гааге, сам предложивший свои услуги Вильгельму. Сидней вернулся в Англию осенью 1687 года. Но еще до этого туда направились агенты Бентинка с инструкциями держать Вильгельма в курсе всех событий, вызванных быстро нараставшим кризисом.

Джон Черчилль, лихорадочно размышлявший, как ему поступить, в конце концов был вовлечен в этот заговор, и более того: он и его жена стали решающими фигурами к успеху предприятия. Джон имел огромное влияние в армии, а Сара — на дочь короля Анну. В моральном отношении Черчилль ощущал дискомфорт: долгое время он был слишком близок к Якову и многим обязан ему. Но иного выхода он не видел.

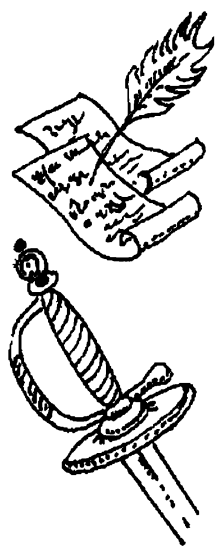
Как-то в конце 1687 года Яков путешествовал по Западной Англии с эскортом кавалерии и присоединившимися к нему в Винчестере католическими священниками. Сопровождал короля и Черчилль. Как утверждают его биографы, во время этого путешествия он прямо сказал королю, что намерен жить и умереть протестантом. Яков заметил на это, что он волен исповедовать ту религию, к какой лежит его душа, а он, король, будет благоприятствовать своим католическим подданным

и быть отцом для протестантов. «Быть отцом — не значит благоприятствовать. Отец может быть излишне строгим», — подумал Джон и сделал из этого разговора соответствующие выводы.

Примерно в это же время принцесса Анна попросила у отца разрешения посетить в Гааге свою сестру Марию, но ей помешал лорд-канцлер Сандерленд, который, чтобы сделать карьеру, стал католиком, или, как с иронией говорили при дворе, притворялся таковым. Черчилль, как любимец короля, ему явно мешал. В результате с подачи Сандерленда Яков стал подозревать, что супруги Черчилли приложили руку к планируемому визиту Анны в Голландию. Эти подозрения усилились, когда он прочел письмо, написанное Анной Марии: «Я не решилась поговорить с ним (одним из агентов Вильгельма в Англии Эверардом Ван Диквельтом. — *Л. И.*) о деле... потому что он (лорд Сандерленд. — *Л. И.*) так смотрит на меня, что я боюсь его. Поэтому я желаю, чтобы лорд Черчилль, честный человек и добрый протестант, поговорил с господином Диквельтом обо мне...»

Два месяца спустя Джон написал Вильгельму письмо, в котором заметил: «Мои должности и королевский фавор проигрывают в сравнении с правом исповедовать истинную религию. Король может располагать мною во всем, но не в вопросе веры... Я не могу жить как святой, но если представится случай, я смогу принять решение мученика». Эти слова полностью отразили моральное состояние Черчилля в 1687 году. Но Вильгельм желал точно знать, готов ли Джон выступить против Якова. А тот не давал ему ключа к разгадке. Следовательно, статхаудер мог рассчитывать только на то, что Черчилль поддержит его, если увидит, что он выигрывает. Это было немного.

Так проходила неделя за неделей. Черчилль все еще пытался получить командование английскими и шотландскими полками в Голландии; оригинальный мыслитель и прозорливый политик лорд Джордж Севил Галифакс перешел на сторону принца Оранского; «фальшивейший из прозелитов» лорд Сандерленд настойчиво советовал королю принять против протестантов «более серьезные меры», а король Яков в Уайтхолле проводил в жизнь свою программу, несмотря на недо-



брые предчувствия старых католических фамилий. Игнорируя очевидное, он плыл навстречу шторму, который разрушит его корабль. Статхаудер Вильгельм наблюдал за происходящим из Гааги через своих агентов.

Весной 1688 года Лондон забурлил. В городе распространились слухи, что «папистские легионы» Тирконнела готовы выступить из Дублина. На их фоне бывший министр Карла II лорд Денби и другие видные виги начал готовить новый заговор против короля. Некоторые предлагали убить Якова. Шла активная агитация в армии.

Еще 4 апреля 1687 года вышла в свет королевская Декларация о веротерпимости, отменявшая уголовные законы против католиков и нонконформистов¹. Этот документ в ряде важных моментов отличался от Декларации Карла II в 1672 году, согласно которой католики и диссентеры освобождались от уголовного преследования, но не получали полных гражданских прав и должны были отправлять свои службы в частном порядке. Декларация Якова II предоставляла полную свободу публичного богослужения и равенство представителей всех вероисповеданий в гражданских правах. С точки зрения современного понимания демократических свобод этот документ кажется прогрессивным. Но тогда было ясно, что Декларация — всего лишь хитрая политическая уловка. Король признавался французскому послу, что очень хотел бы, чтобы только католики были свободны в отправлении своей религии.

На протяжении 1687 года архиепископ Сэнкрофт и епископ Тернер активно агитировали в Лондоне и провинции против религиозной политики Якова II. В то же время официальная «Лондонская газета» пестрела многочисленными изъявлениями благодарности в адрес короля от католиков и нонконформистов из всех графств и городов Британии.

В феврале 1688 года Яков II выпустил прокламацию о запрещении антиправительственных книг и памфлетов. 4 мая последовала вторая Декларация о веротерпимости, встреченная

¹ Нонконформисты («несогласные») — члены английских религиозных организаций, отошедшие по ряду теологических вопросов от позиции англиканской церкви и ставшие ее противниками — диссентерами.

теперь единодушным протестом англиканского духовенства и аристократической оппозиции. Епископы отказались от публичного оглашения Декларации, а семь из них подали королю петицию с просьбой отказаться от нее. В петиции утверждалось, что «издание подобных деклараций не входит в обязанности Вашего Величества, а только англиканской церкви». Авторы петиции тут же оказались в Тауэре.

Процесс над этими епископами приобрел широкий резонанс в Европе: даже папа римский и император Леопольд I высказались в защиту их прав. В результате лондонский суд 30 июня 1688 года вынес оправдательный приговор, и епископы были освобождены. Лондон ликовал: когда они вышли на улицу, многие горожане становились перед ними на колени и просили благословения.

Яков был в это время в Хаунслоу.

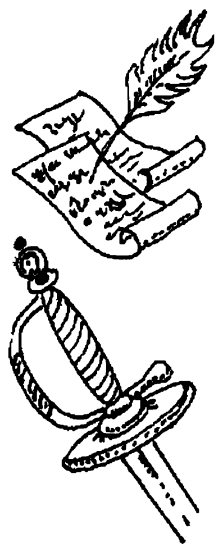
— Что за шум? — спросил он.

— Ничего, ваше величество, просто солдаты радуются тому, что епископы оправданы, — ответили ему.

— И вы говорите об этом «ничего»? — возмутился король, понимая, что даже армия уходит из его рук.

Яков II оказался практически в изоляции. В своих «Мемуарах» герцог Бервик впоследствии написал: «Король Англии желал править лично, как и его предшественники, игнорировал силу парламента и распространял католическую религию... Его Величество не слушал короля Франции, который советовал ему укрепить английский трон, подумать о медленных реформах...» Но, как видно, ничего в те дни не могло поколебать веру Якова в то, что он действует по велению Бога. Разве Мария Моденская, которая не могла родить в течение пятнадцати лет, не дала жизнь младенцу именно сейчас, в июне 1688 года? Король пребывал в состоянии эйфории — у него родился сын Джеймс Фрэнсис Эдвард, разбивший надежды на наследование престола Стюартами-протестантами. Но появление на свет католического наследника подтолкнуло Вильгельма III ускорить процесс развязки. «Сейчас или никогда», — заявил он, узнав об этом.

В день освобождения отважных епископов в лондонском особняке лорда Шрюсбери было составлено официальное приглашение Вильгельму Оранскому занять английский престол,



поскольку «народ неудовлетворен нынешним правлением в отношении религии, свобод и собственности». Под письмом подписались семеро — Шрюсбери, Девоншир, Денби, Лэмли, Рассел, Сидней и лондонский епископ Комптон. Переправить этот документ в Гаагу поручили адмиралу Герберту.

4 августа Джон написал принцу Оранскому: «Мистер Сидней расскажет вам, как я намерен себя вести; я думаю, что буду делать то, чем обязан Богу и своей стране. Мою честь я отдаю в ваши руки, в которых, я не сомневаюсь, она будет спасена. Если вы полагаете, что есть еще что-то, что я должен сделать, дайте мне знать...» Вильгельм понял, что на помощь Черчилля теперь можно рассчитывать.

Тем временем в королевском Совете готовили списки кандидатов, одобренных королем, в новый парламент. Яков II демонстрировал спокойствие. Но иностранцу, попавшему тогда на Альбион, могло показаться, что все вокруг поет, гудит, шумит. С 1687 года англичане пели сатирическую антипапистскую балладу «Лиллибурлеро», помогавшую им «делать историю». Воздух, казалось, был заражен ее словами на ирландском жаргоне. Предположительно балладу сочинил ирландский солдат, а бессмысленное слово «лиллибурлеро» было паролем ирландских повстанцев еще в 1641 году. В Лондоне ходила ее версия в изложении вигского пропагандиста лорда Томаса Уартона, положенная на музыку композитором Перселом, который воспользовался мотивом старинной ирландской детской песенки. В балладе говорилось о том, что армия ирландских папистов под командованием Тирконнела собирается выступить в Англию и перебить протестантов, что королевство продано Людовику XIV, что закон, конституция, церковь — все в опасности. Но освободитель придет из-за моря.

Ну почему он так долго медлит? Лиллибурлеро-ля-ля!
Клянусь моей душой — дует протестантский ветер!

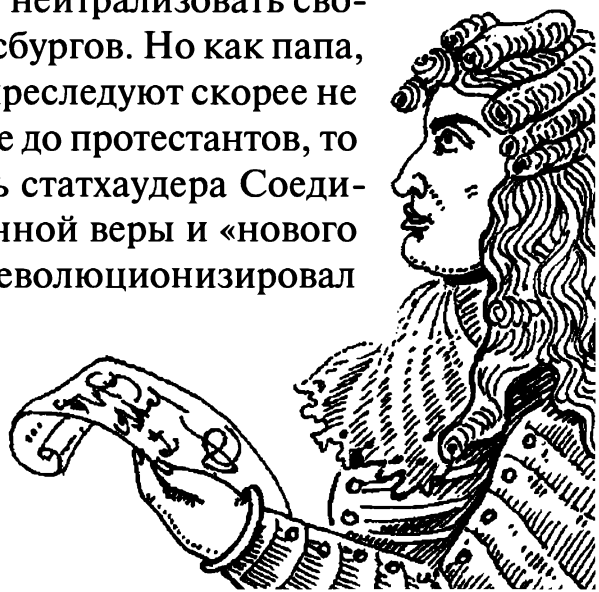
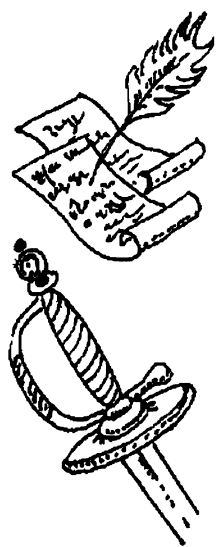
Люди пели о том, что если ветер постоянно будет дуть с востока, то корабли Тирконнела не смогут отплыть из гавани Дублина. И флот с другой армией появится у английских берегов, чтобы защитить «религию и нацию».

10 октября в Гааге Вильгельм III опубликовал свою Декларацию, в которой обещал явиться в Англию и помочь англичанам сохранить «протестантскую религию, свободу, собственность и свободный парламент». Она была напечатана тиражом 50 тысяч экземпляров на английском, голландском, французском и латинском языках. Это была уже пропаганда европейского масштаба.

Статхаудеру часто приписывают слова, якобы сказанные на заседании Генеральных штатов 12 октября 1688 года: «Я хочу сделать сюрприз всей Европе, обрадовав протестантов и ужаснув католиков». Но нельзя утверждать, что Вильгельм был воинствующим протестантом. Как человек здравомыслящий, он не был ярким врагом католицизма и не вынашивал идей распространения протестантского вероучения. В европейской политике Вильгельм поддерживал принцип равновесия сил. Поэтому от него ждали решительных действий не только протестанты. Растущие аппетиты Франции заставляли правителей многих европейских государств полагать, что принц Оранский, заняв английский трон, станет сильным противовесом Людовику XIV. Так оно и получилось впоследствии.

«Короля-солнце» боялись во всей Европе. В международном общественном мнении ему сильно повредила «ошибка века» — отмена Нантского эдикта, даровавшего французским протестантам вероисповедные права. Этим король намеревался усилить свою власть внутри страны и добиться не только политической, но и духовной гегемонии Франции за ее пределами. Но результат получился почти противоположный. Отменой Нантского эдикта он дал козырные карты в руки Вильгельму Оранскому и оттолкнул от Версаля почти всех союзников. Фактически Франция накануне «Славной революции» в Англии оказалась в международной изоляции.

Преследованиями гугенотов Людовик XIV рассчитывал получить признание и помощь Рима и этим нейтрализовать своего главного противника — империю Габсбургов. Но как папа, так и император считали, что французы преследуют скорее не религиозные, а политические цели. Что же до протестантов, то они во всех странах стали воспринимать статхаудера Соединенных провинций как защитника истинной веры и «нового Давида». Исход гугенотов из Франции революционизировал



кальвинистскую доктрину в Западной Европе, а Людовик был объявлен королем-тираном, сопротивляться которому не будет грехом. Кроме того, конфессиональная угроза из Франции вновь сплотила германских князей вокруг императора.

Двуличие французского короля со всей очевидностью проявилось, когда в 1683 году турки осадили Вену, а Людовик не только не оказал ей помощи, но еще и тайно подзадоривал османов. Благодаря своевременному вмешательству польского короля Яна Собеского осада была снята, а имперская армия погнала противника на восток. Уже в 1686 году под покровительством папы Иннокентия XI была создана Аугсбургская лига, объединившая противников Людовика XIV. Война императора Леопольда I с Османской империей проходила успешно, и он мог частично развязать себе руки в борьбе против Франции.

Яков II считался неудобоваримой фигурой в европейских делах. Несмотря на сильный флот, английское влияние в Европе было ограниченным. Его прокатолическую политику, сочетавшуюся с предоставлением свободы нонконформистам разных мастей, не понимали в Вене и в Риме, а колеблющаяся позиция Британии в международных делах приравнивалась к фактической поддержке Франции. С другой стороны, в Версале понимали, что свержение с престола Якова II будет серьезнейшим поражением французской политики.

Французский король слал тревожные письма в Лондон о том, что Яков и его министры не ощущают нависшей над ними опасности. В Париж ежедневно поступали сведения о приготовлениях Вильгельма. В сентябре 1688 года французский посол в Гааге д'Аво сообщал, что у статхаудера 70 военных кораблей и 500 вспомогательных судов и что принято решение «высадить десант в Англии с личным участием принца Оранского». Людовик предлагал английскому королю деньги и военную помощь. Это могло стать спасительным для Якова II, но, что поражало его окружение, он вел себя скорее как противник, а не союзник Людовика XIV. Возможно, он до последнего момента не верил, что зять отважится лишить его престола.

Все же он попытался что-то сделать: издав прокламацию с обещанием восстановить все прежние хартии и созвать «сво-

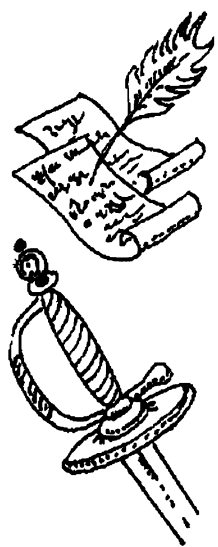
бодно избранный парламент» и пригласив в Уайтхолл для совета англиканских епископов. Чиновники и военные англиканского вероисповедания были восстановлены на своих постах. Но эти судорожные попытки выправить положение уже запоздали.

Вильгельму помогал не только протестантский ветер. Осенью 1688 года Людовик начал войну за пфальцское наследство (1688—1697)¹. В 1685 году умер пфальцкий курфюрст Карл II, не оставив наследника. Согласно его завещанию владения Пфальца должны были перейти к немецкой ветви Нейбургов. Но поскольку его сестра Лизелотта была замужем за герцогом Орлеанским, Версаль выдвинул притязания на пфальцское наследство. Новый курфюрст Филипп Вильгельм отказался поделить с Людовиком часть земель, и в результате 70-тысячная французская армия в начале сентября 1688 года вступила в Пфальц, пройдясь по его земле огнем и мечом. Операция затянулась из-за месячного сопротивления крепости Филиппсбург. Это было большой удачей для Вильгельма — ведь после Пфальца Людовик планировал совершить удар по Нидерландам.

Яков II выразил протест против вторжения Людовика XIV в Пфальц; в конце сентября чрезвычайный английский посол в Гааге д'Альбувилль вручил депутатам Генеральных Штатов меморандум с предложением предпринять с другими государствами совместные действия против Франции. Но поздно: Вильгельм как раз был заинтересован, чтобы Франция увязла в Пфальце. Людовик же недооценил его способности к молниеносному действию. К тому же в 1688 году потеряло остроту противостояние между Вильгельмом и Амстердамом из-за антиголландских торговых тарифов Франции, и богатый Амстердам одобрил «английский» проект Вильгельма и даже согласился частично оплатить его.

По сути, к высадке принца Оранского на английских берегах Европа была готова. Почти со всеми противниками французского короля у статхаудера имелись договоры о союзе или

¹ В литературе ее называют Войной Аугсбургской лиги, а также Десятилетней войной либо «войной короля Вильгельма».



нейтралитете. В октябре принц Оранский написал письмо императору, где заверял его, что не имеет намерений причинять зло Якову II и преследовать католиков в британском королевстве.

Нейтральной была и позиция папы римского Иннокентия XI, которого Людовик называл «антипапой» за прохладное отношение к своим «католическим деяниям». Папа, понятно, не любил турок, но вдвойне он не любил «христианнейшего турка» французского короля и поэтому был лоялен ко всем его врагам независимо от веры. Мадрид также был уверен в том, что безопасность Испании и ее обширных владений зависит от участия Вильгельма III в антифранцузском альянсе. Политические условия для экспедиции были благоприятными. Накануне отплытия из Голландии Вильгельм Оранский писал, что «надеется, что все пройдет спокойно, и Бог ему поможет».

Принц Оранский оказался не только блестящим дипломатом, но и талантливым стратегом. В памяти англичан были свежи воспоминания столетней давности, предмет их гордости, — разгром испанской Непобедимой армады в 1588 году. Филипп II Испанский тогда намеревался со значительными силами в составе 130 кораблей и 25 тысяч моряков высадиться в Дувре, и королева Елизавета I знала об этих планах. В окружении Якова и сейчас полагали, что голландцам удобнее высадиться на восточном побережье. В этом мнении их укреплял сам Вильгельм, инструктировавший своих агентов дезинформировать англичан. Поэтому была организована защита городов и портов на юго-восточном побережье Англии.

Статхаудер избежал ошибок Непобедимой армады, изучив как успешные высадки на берегах Альбиона Вильгельма Завоевателя в 1066 году и Генриха VII Тюдора во время войны Алой и Белой розы, так и неудачные попытки голландцев сойти на берег Англии во время англо-голландских войн. Поначалу вторжение планировалось на конец сентября, затем на середину октября. 19 октября корабли отошли от берега, но сильный шторм вынудил их вернуться. На бирже Амстердама тут же резко упали акции Голландской Ост-Индской компании. Любой человек, но только не Вильгельм с его железным характером подумал бы, что это конец. Он же просто купил новых

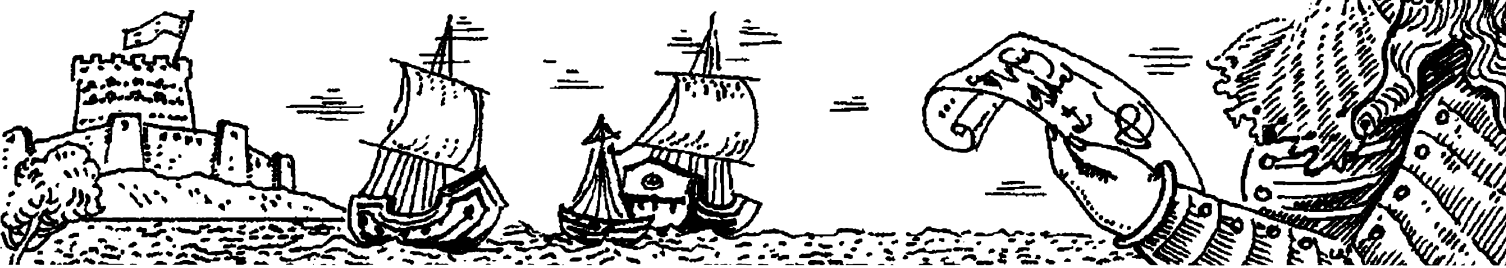
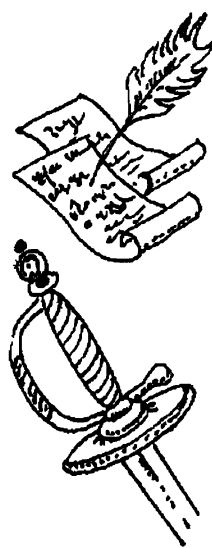
лошадей взамен той тысячи, которая погибла в шторм, и дождался улучшения погоды. Когда 11 ноября «католический» западный ветер сменился на восточный «протестантский», голландский флот снова снялся с якоря.

В «Лондонской газете» за начало ноября 1688 года были опубликованы сведения об армии Вильгельма, но не обо всей, а лишь о ее меньшей части: указывалось, что пехотинцев в ней — 10 692, конных — 3660, матросов — 635. Это лишний раз подтверждает то, что голландцы успешно дезинформировали Якова II.

15 ноября 1688 года флот в составе 60 военных кораблей с 40 тысячами пехоты и 5000 всадников на борту появилась у юго-западных берегов Англии — в гавани Торбей графства Девоншир. «Его флаг был английских цветов, его лозунгами были: протестантская религия и свободы Англии», — писал офицер, принимавший участие в экспедиции. Армия Вильгельма представляла протестантскую Европу в миниатюре — в ней, помимо голландцев, были шведы, датчане, бранденбургцы, французские гугеноты и, конечно, англичане и шотландцы. Принц Оранский хотел сначала высадиться на севере, где его ждали заговорщики во главе с Денби. Но ветер увлек его в Дуврский пролив. Вспомнив о годовщине Порохового заговора¹, принц Оранский заметил англиканскому епископу Гилберту Бернету: «Что вы теперь думаете о предрешении?»

После высадки Вильгельм III был провозглашен регентом королевства и двинулся к Лондону. Затем, через четыре дня, он остановился в Эксетере, дабы дать возможность Якову II сориентироваться в обстановке и удалиться. Принц не желал кровопролития. В Эксетере Вильгельм выпустил свою вторую Декларацию, где заявлял, что не имеет намерений захватить власть и узурпировать корону, а желает совета пэров королевства, как ему поступить. В Декларации содержалось обещание, что паписты будут арестованы и против них будут изданы репрессивные законы.

¹ Пороховой заговор — неудачная попытка группы английских католиков взорвать 15 ноября 1605 года здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков короля Якова I.



Известие о высадке зятя застало Якова за обеденным столом. Он закончил есть, вызвал к себе принца Георга Датского, Черчилля и других офицеров и поскакал с ними в Солсбери, где назначил сбор королевской армии. Но по пути уже немолodomу королю стало плохо, и пришлось сделать остановку — Якова чуть не хватил удар.

Он надеялся запереть силы Вильгельма на западе королевства и заблокировать его морские коммуникации. В кризисный момент король располагал солидной военной силой: у него была армия в 40 тысяч человек плюс 3000 из Ирландии и 4000 из Шотландии. Командующим был назначен Джон Черчилль. 7000 солдат остались защищать Лондон. 19 ноября король прибыл в Солсбери и остался удовлетворен осмотром: такой большой и хорошо обученной армии Англия еще не видела. Кроме того, Яков имел отличный флот, проверенный в войнах с Голландией — 47 военных кораблей и более 12 тысяч моряков.

Но эта армия была внушительной только с виду. На короля вскоре посыпался удар за ударом. Сначала ему сообщили, что старший из трех сыновей графа Кларендона, офицер королевской гвардии лорд Корнбери ушел к Вильгельму с двумя сотнями всадников. Корнбери был кузеном принцессы Анны и завсегдатаем ее кружка во дворце в Кокпите, куда входили Черчилль и его жена.

Сама Анна, сообщив Вильгельму, что ее муж Георг Датский отправился с королем к армии, заметила, что она «еще не знает определенно, что будет делать: останется или покинет столицу. Все зависит от совета моих друзей». И совет последовал. Под воздействием Сары Анна решилась: она выехала из Кокпита и укрылась в доме лондонского епископа на Саффолк-стрит, а затем двинулась с небольшим эскортом в Ноттингем, где их приветствовал лорд Девоншир, занявший этот город для Вильгельма. По пути к ним присоединился принц Датский.

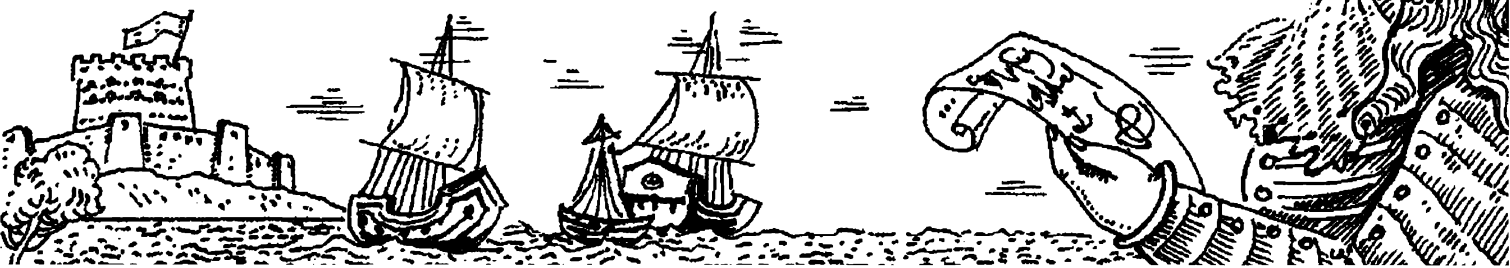
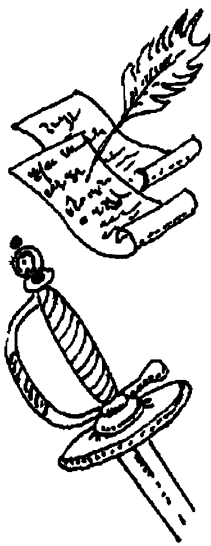
Лорд Февершэм, заподозрив Черчилля в неблагонадежности, советовал королю арестовать его как изменника. Медлить было нельзя. Ночью 23 ноября 1688 года Джон собрал военный совет, на котором предложил офицерам и солдатам не препятствовать голландской экспедиции. Возражений почти не было.

После этого в сопровождении герцога Графтона и 400 всадников он направился навстречу принцу Оранскому.

Примечательно, что, сделав окончательный выбор, Джон написал письмо королю с объяснением причин своего поступка. Очевидно, он желал оправдаться. Джон писал, что не надеется получить от Вильгельма так много, как от Якова, но сейчас наступил тот момент, когда высокие принципы в политике преобладают над личными интересами. И подписался: «Самый обязательный и верный придворный и слуга Его Величества». Неизвестно, как отреагировал на это король. Но одно, пожалуй, он понял после этого письма наверняка — что королевство уже потеряно. В Йоркшире Вильгельма поддержал граф Денби, в Чеширшире — лорд Деламер, лорд Шрюсбери взял для него Бристоль. Ставший впоследствии адмиралом Бинг прибыл в штаб-квартиру статхаудера и сообщил, что Плимут в его распоряжении, как и весь флот. Английские города один за другим признавали Вильгельма.

Осознав свое положение, Яков отправил королеву и сына во Францию. Затем он созвал оставшихся в Лондоне пэров и членов Тайного совета и с их согласия попытался вступить в переговоры с принцем Оранским. Вильгельм выдвинул условия соглашения с Яковом: паписты должны быть удалены из кабинета, Тауэр и форт Тилбери должны перейти в руки Лондонского совета, ни одна из двух армий (то есть Вильгельма и Якова) не должна подходить ближе 30 миль к столице. При этом давал королю гарантии, что ему создадут все условия покинуть Англию. Поначалу Яков заявил, что ничто не заставит его уехать, а затем все-таки бежал.

Ночью 11 декабря он тайно покинул Уайтхолл и устремился к побережью. Напоследок он попытался дезорганизовать управление своим уже бывшим королевством — выбросил в Темзу государственную печать, приказал преданному Февршэму распустить армию, а адмиралу Дартмуту — отплыть в Ирландию. Тут же возникли слухи об избиениях протестантов в Ирландии. Лондон охватили волнения, и последовала волна террора, получившая название «Ирландской ночи». Только решительные действия Лондонского совета успокоили бурю. Его члены направили Вильгельму приветствие, в котором говорилось о том, что Совет города «ожидает счастливого



прибытия его милости принца Оранского в Лондон» и просит «защитить протестантскую религию, сохранить королевство от рабства и папства, созвать свободный парламент, гарантировать соблюдение законов и свобод жителей...».

Удача окончательно оставила Якова. Корабль, на котором он был должен отправиться во Францию, не был готов к отплытию. Король попал в руки рыбаков и был отправлен обратно в Лондон. Это было 16 декабря. Ранее бесновавшаяся толпа встретила его неожиданно приветливо — он уже был прошлым. Через несколько дней томительной неопределенности Якову снова позволили бежать. 19 декабря голландский эскорт доставил его на корабль, который навсегда увез его во Францию. Вильгельм разрешил всем сторонникам Якова последовать за ним. Исключением стал судья Джеффрис, который был заключен в Тауэр и вскоре там скончался.

В литературе о герцоге Мальборо существует мнение, что Сара Черчилль была одной из ключевых фигур «Славной революции» 1688 года. У нее были вигские убеждения, которые впоследствии проявились еще отчетливей. Без ее совета Анна Стюарт вряд ли бы покинула Лондон, и без ее влияния Джон, возможно, не предал бы короля. В сумме все это сыграло важную роль в низложении Якова II.

Не буду умалять серьезного влияния Сары на произошедшие события и изменение политической позиции Джона. Вопрос заключается в другом: а произошла бы «Славная революция», если бы четы Черчиллей не существовало вовсе? Ответ прост: произошла бы. Не будь на белом свете Сары, Анну подтолкнул бы к действию часто посещавший ее лондонский епископ, а Джон был отнюдь не единственным офицером, дезертировавшим из королевской армии. «Славная революция» была естественным «корректирующим» английское политическое и правовое устройство событием с наличием мощного катализирующего внешнего фактора — экспедиции Вильгельма Оранского. Мировоззрение большинства англичан, пригласивших голландского статхаудера на престол и принимавших активное участие в событиях 1688 года, формировалось в гражданских потрясениях середины XVII века. Черчилли, только родившиеся в то время, были слишком молоды, чтобы полностью осознать необходимость перемен. Но они были

умными детьми Реставрации Стюартов, умели чувствовать, откуда дует ветер, и приспособливаться к жизни. И поэтому сыграли значимую роль в 1688 году. Но это было ничто по сравнению с тем, что их ожидало.

V. Фактор падения

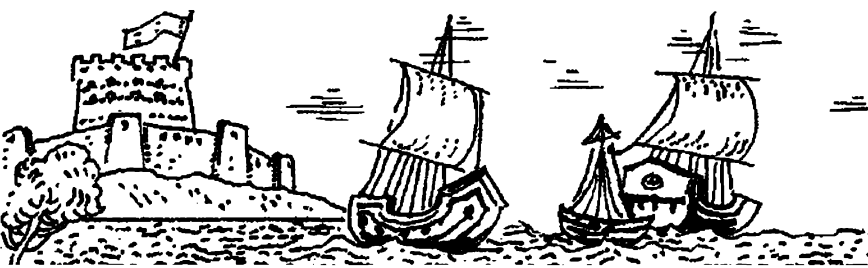
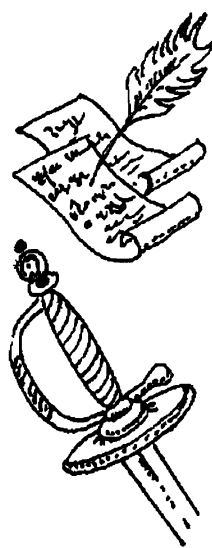
Где бы вы ни были, мой дорогой лорд Мальборо, пока я живу, моя душа будет следовать за вами, и где бы я ни была, я буду только убивать время, пока не наступит ночь, когда я смогу уснуть и на следующий день получить от вас весточку.

Сара Мальборо, 1692

Вильгельм Оранский и Джон Мальборо... После 1688 года судьбы этих выдающихся людей тесно переплелись, причем характер и перспективы этой взаимосвязи долгое время не осознавали ни тот, ни другой.

Славная революция породила немало проблем. Людовик XIV не признал Вильгельма III Оранского королем. Он приютил и стал активно поддерживать изгнанного Якова Стюарта и его разношерстных сторонников. Якобитские заговоры и восстания стали важным источником англо-французских противоречий и придавали краски конфликту между Лондоном и Версалем. Перспективы новой Реставрации Стюартов влияли как на политику французского двора, так и на защиту британцами «прав и свобод», которые они получили после 1688 года. На этом фоне Британия вступила в более чем вековую борьбу с Францией в Европе и колониях, слившуюся на начальном этапе с противостоянием государств континента политическому авторитету «короля-солнце» в двух великих войнах — Войне Аугсбургской лиги и Войне за испанское наследство.

Наипервейшая задача Вильгельма Оранского заключалась в четком обосновании своих прав на престол — ведь немалая часть населения Англии, прежде всего якобиты и католики,



видела в нем короля-узурпатора. Он должен был проводить такую политику, чтобы у англичан стерлось из памяти, каким способом он взшел на трон. На заседании Конвенционного парламента в январе 1689 года Вильгельм III заявил: «Я клянусь историей и законом, что общины, избрав меня, не преступили легитимные традиции, принятые во всем мире». Обращаясь к истории Англии, он заметил, что является узурпатором не больше, чем Тюдоры и Стюарты, ибо английская династия по прямой линии прерывается с войны Алой и Белой розы. Позднее Д. Дефо, для которого Вильгельм Оранский был любимым монархом, заметил по поводу прав короля-чужеземца в своей сатире «Чистокровный англичанин»: «Мало ли Англия пережила нашествий? Ее женщин поочередно насиловали римляне, саксы, датчане, норманны. “Чистокровный англичанин” — потомок разноплеменного сброда разбойников и проходимцев. Это понятие внутренне противоречиво, это попросту фикция».

Прения по вопросу избрания Вильгельма III на престол длились в парламенте целую неделю, пока он не пригрозил, что уедет обратно в Голландию. Когда в Конвенционном парламенте проходило решающее голосование, Джон Черчилль отсутствовал. Некоторые приписывали это осторожности. Сам он впоследствии говорил о плохом самочувствии. В любом случае у него было беспокойно на душе. Его сердце было еще прочно связано со Стюартами. Итог дискуссий в парламенте был таков: 51 голосом против 49 Вильгельм III и его жена Мария Стюарт были избраны на английский престол.

Новый король повел страну через трудности перехода к новой, конституционной монархии. На этом пути большую роль играла политика веротерпимости и умеренного республиканизма, привнесенная им из Нидерландов. Она была тем более необходима, что компромисс вигов и тори, заключенный в 1688–1689 годах в основном по тактическим соображениям, вскоре исчерпал себя. Политическая ситуация в Англии с 1689 года благодаря почти непрерывной партийной борьбе отличалась непредсказуемостью.

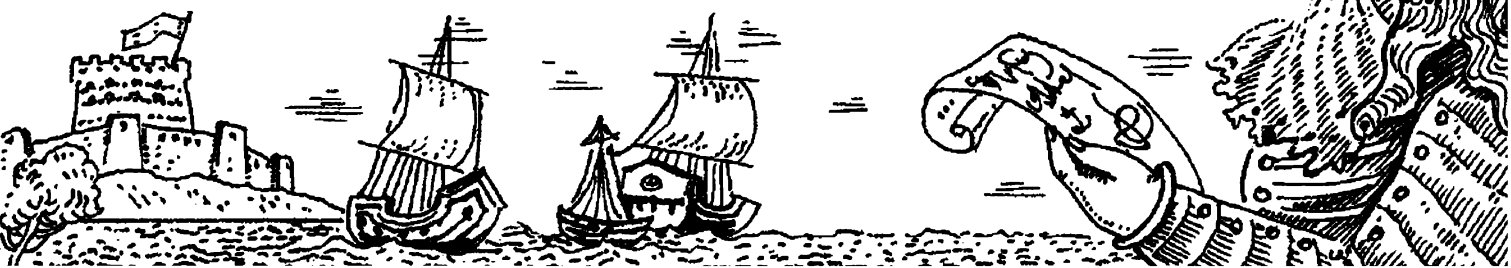
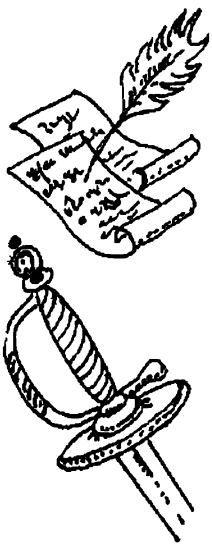
22 января 1689 года палата общин приняла основной закон британской монархии — «Билль о правах». Тринадцать его статей ограничили в пользу парламента власть короля

в законодательной, финансовой, военной и судебной сферах. Монарх лишился прерогатив приостанавливать действие законов, взимать налоги без разрешения парламента, держать в мирное время постоянную армию, чтобы «не использовать ее против парламента и закона». В парламенте, который должен был регулярно собираться, провозглашалась свобода слова. Вильгельм III без возражений утвердил этот билль. В июне 1689 года палата общин приняла Билль о веротерпимости, согласно которому диссентеры освобождались от притеснений при условии принесения ими присяги на верность англиканской церкви. Все прочие строго преследовались.

Во время Реставрации Англия представляла собой для континента скорее потенциальную силу и лишь время от времени играла активную роль, участвуя в голландских войнах. События 1688 года положили конец изоляции: Англия активно включилась в европейские дела. Основной целью внешней политики Вильгельма III, как и до экспедиции на Альбион, было ограничение французской гегемонии в Европе. Но поскольку он надел на себя корону, после 1688 года конфликт между ним и Людовиком XIV стал неизмеримо острее. «Европейский баланс сил должен быть сохранен, а это означает... сокращение французского влияния», — писал Вильгельм великому пенсионарию Республики Соединенных провинций Хейнсиусу в апреле 1689 года.

Первое время казалось, что Вильгельм Оранский оценил переход Черчилля в свой лагерь. Ему было поручено реформирование армии, из которой теперь удалялись офицеры-католики. Он не только остался в ранге капитана и полковника гвардии, но и получил жалованье, соответствующее престижным назначениям на командные посты, от которых были отстранены сторонники Якова. «Урожай, собранный милордом Черчиллем, грандиозен», — иронически заметил один из друзей супружеской четы лорд Томас Эйлсбери. На коронации Вильгельма III Джон получил титул графа Мальборо, что немало обязывало его перед новым монархом.

О благоволении новой власти к Черчиллям стали судачить в гостиных и кофейнях Лондона. До Сары первой дошли слухи об этих разговорах, но она не позволяла себе принимать их близко к сердцу. И все же она жаловалась тому же Эйлсбери:



«Они подняли такой шум о нашем состоянии, которое... едва достигает 70 000 фунтов. Большая его часть вложена в землю, а у нас один сын и четыре дочери, которых необходимо обеспечить». Всего у четы Черчиллей родилось восемь детей, но трое из них умерли в младенчестве. Единственный выживший сын — Джон, маркиз Бленфорд — имел двух старших и двух младших сестер. Их звали Генриетта, Анна, Элизабет и Мери. Жалованье самой леди Черчилль было невелико до тех пор, пока парламент не определил содержание принцессы Анны. Но и 70 тысяч — сумма по тем временам значительная.

Джон не единственный из Черчиллей, чье имя было тогда на слуху. Его брат Джордж, морской капитан, тоже сыграл свою роль в событиях 1688 года: его корабль первым пришел на помощь Вильгельму III. Ныне же он состоял в тяжбе с лондонскими торговцами, которые пожаловались на него в палату общин, одним из членов которой, кстати, был сам Джордж, на то, что он требовал мзду за защиту их кораблей во время конвоирования. Он угрожал, если они не заплатят, забрать лучших моряков на свой корабль. Джордж отверг все обвинения, но признал, что получил от этих торговцев 150 гиней. В итоге палата общин отправила его на три дня в Тауэр. Позже еще один брат Джона, Чарльз, попал под подозрение в растрате военных запасов в Кинсале в Ирландии. Его объяснение, что он действовал с согласия назначенного еще Яковом правителя Ирландии, не было принято как оправдание. Как и Джордж, Чарльз некоторое время провел в Тауэре.

Разумеется, Джона нельзя сравнивать с братьями по статусу и размаху деятельности. Скоро он вынужден был переключиться с проблемы формирования армии на реальные военные действия. К лету 1689 года Вильгельм III столкнулся с опасностью, грозящей с двух сторон. Еще когда он готовился к коронации, пришли плохие новости: Яков высадился в Кинсале, и почти вся Ирландия объята восстанием. Одновременно французы послали к границам Фландрии огромную армию. Возможно, не случайно на коронации Вильгельм даровал Черчиллю титул графа Мальборо.

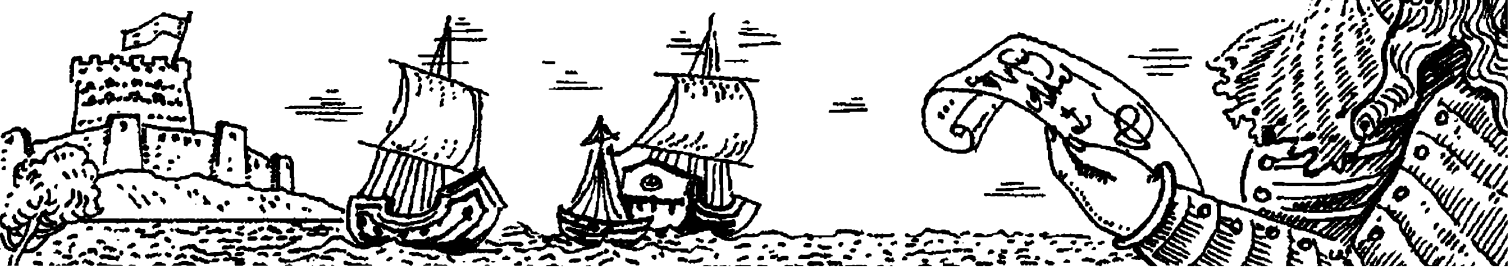
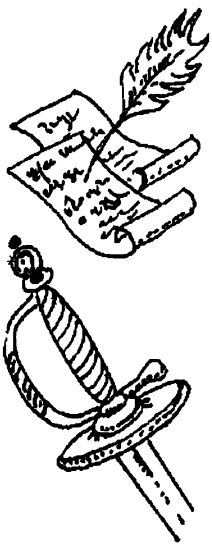
Король отправился в Ирландию, а Мальборо получил приказ отбыть в Нидерланды и соединиться с армией старого голландского генерала принца Вальдека. Под командованием

Джона находились 2 гвардейских и 11 пехотных полков общей численностью 7000 человек. По мнению тех, кто видел, как эти формирования покидали Англию, они оставляли желать лучшего: это были «плохо оплачиваемые офицеры, необразованные капитаны и худо одетые, недисциплинированные солдаты». Однако скоро усилиями Мальборо эти полки стали лучшими в армии Вальдека.

Первое столкновение с французами произошло в нескольких милях к югу от Шарлеруа. Когда французская гвардия сделала попытку пробиться к городу, голландский генерал Слангенберг атаковал один ее фланг, а Мальборо другой. Французы отошли назад, потеряв 2000 всадников. После сражения Вальдек заявил, что «англичане совершили чудо, а граф Мальборо, несомненно, один из наиболее галантных людей, которых я знаю». Надо сказать, обхождение Джона окружающие подчеркивали всегда и везде, куда бы ни забросила его судьба.

Впрочем, это не помогло предотвратить охлаждение в отношениях с королевской четой. Во многом это было связано с тем, что придворная жизнь при Вильгельме утратила свою прежнюю значимость. Король, человек деловой, предпочитал кабинет дворцовым залам, а Хемптон-Корт в Кенсингтоне — Уайтхоллу. Кстати, словно в ознаменование конца эпохи, Уайтхолл почти целиком сгорел в 1698 году, за исключением одной части — Банкетного дома. Вильгельм отказывался притворяться, будто наложение его рук излечивает золотуху, и приводил в ярость духовенство тем, что по обычаю квакеров не снимал шляпу в церкви. Так уходили в прошлое многие традиции, а основными принципами нового правления стали практицизм и бережливость.

Бурю вызвал денежный вопрос, и в эпицентре ее оказалась Сара. Проблема заключалась в том, сколько должна тратить принцесса Анна на содержание своей семьи и своего двора. Анне представлялись приемлемыми 70 тысяч фунтов в год. Ее поддержала Сара, которая скорее всего первой и назвала эту сумму. Но Вильгельм и королева Мария, которая к сестре Анне относилась прохладно, полагали, что будет вполне достаточно 30 тысяч. Королевская чета была удивлена, когда Анна отказалась получать свое содержание от Вильгельма и насто-



яла, чтобы его определил парламент. Конечно, такой ход ей подсказала Сара, которая тут же принялась обрабатывать тех членов парламента, которые по той или иной причине рады были сделать что-то наперекор королю.

После болезненных дискуссий парламент выделил Анне содержание в 50 тысяч фунтов в год, а королева Мария утвердилась во мнении, что Сара плохо влияет на ее сестру. В придворных кругах эту историю назвали «ссорой между Кокпитом и Кенсингтоном». Анна же в благодарность за поддержку назначила Саре жалованье в 1000 фунтов в год. «Моя дорогая, возлюбленная миссис Фримен (то есть миссис Свободный человек)», — с восхищением называла она ее.

Сара недолюбливала королеву, а после того, как та потребовала сократить две должности при Анне, а Анна вынуждена была этому требованию подчиниться, ее неприязнь переросла во враждебность. Не лучше она относилась и к Вильгельму. В описании он предстает, мягко говоря, не самым приятным человеком: «Получилось так, что блюдо с зеленым горошком, первым в этом году, оказалось перед принцессой. Король, не предложив ей взять хоть немного, подтянул блюдо к себе и съел все сам... Принцесса Анна призналась, когда вернулась домой, что ей так хотелось горошка, что она боялась смотреть на блюдо и все-таки не могла отвести от него глаз. Она тогда как раз собиралась рожать».

В конце августа 1690 года Джон находился в Портсмуте. Его нервы были на пределе, он в очередной раз поссорился с женой. Недавно Сара родила пятого и, как оказалось впоследствии, последнего их ребенка. Она чувствовала себя неважно и требовала к себе особого внимания. В последнем письме к Джону она обвиняла его в отсутствии любви к ней, в том, что он предпочитает ей военные походы. В определенном смысле Сара была права. В высшей степени честолюбивый, Мальборо ставил себя выше других офицеров. Он ощущал превосходство над бедным королем Яковом, кому изменил, и над голландским принцем, которому он помог сесть на трон. Джон чувствовал себя способным совершать великие дела, и ему часто казалось, что время упущено — ведь ему уже стукнуло сорок.

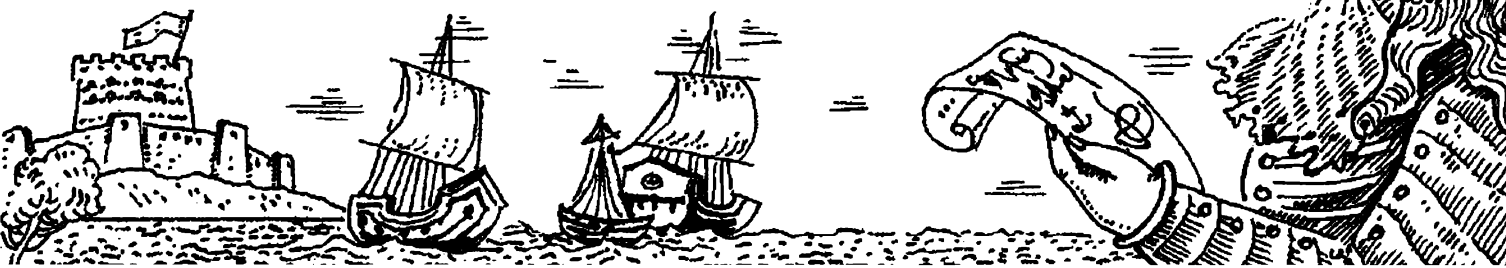
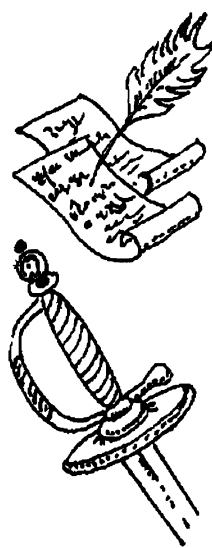
В Портсмуте он ожидал приезда медлительных чиновников из Военного совета и Адмиралтейства, чтобы отправиться в важную и секретную экспедицию. Целью была Ирландия.

Шотландские дела решались быстрее и легче, нежели ирландские. Билль о веротерпимости 1689 года разрешил пресвитерианское вероисповедание, широко распространившееся в Шотландии, и поэтому уже в мае следующего года шотландский епископат признал Вильгельма своим королем. Продолжавший борьбу вождь шотландских якобитов граф Джон Грэм Данди в конце концов был схвачен и окончил жизнь на виселице.

В Ирландии дело обстояло сложнее. Сопrotивление английскому завоеванию имело там глубокие корни, и подавлялось оно всегда с особой жестокостью по отношению к местным жителям, преимущественно католикам. Земельные собственники, которых затронули конфискации времен Кромвеля, мечтали о восстановлении своих владений и политического влияния; торговцы желали вернуть свои привилегии; поэты выступали за употребление своего языка; политики хотели восстановить католицизм. Поэтому неудивительно, что Людовик XIV избрал своей базой для войны против Вильгельма Оранского именно Ирландию: сторонников свергнутого монарха здесь было более чем достаточно. В 1686—1688 годах Яков II гарантировал ирландским католикам не только свободу богослужения, но и преобладание в местных органах власти. В итоге к ноябрю 1688 года католики контролировали в Дублине администрацию, судопроизводство, армию, милицию и другие институты.

Английскую администрацию в Ирландии представлял католик граф Тирконнел, ставший после «Славной революции» главой ирландского сопротивления и союзником Людовика XIV. Тирконнел пользовался особым расположением Якова II, и ему удалось обеспечить местной администрации едва ли не полную автономию от Лондона. А после 1688 года он повел борьбу за независимость Ирландии.

В конце февраля 1689 года французский флот доставил свергнутого короля в Ирландию, в местечко Кинсале, где он соединился с Тирконнелом. Людовик оказывал ему поддержку, но больше в виде денежных субсидий. Война на континенте



ограничивала его возможности, поэтому с Яковом высадилось лишь несколько тысяч французов. Советником экс-монарха был бывший посол Франции в Голландии граф д'Аво. В апреле 1689 года английский флот еще не был готов оказать достойное сопротивление вторжению, тогда как французы получали из Бреста необходимые подкрепления. Так, флот адмирала Шато-Рено доставил в помощь ирландцам еще около 10 тысяч французских солдат.

Но постепенно положение переменилось. В июне 1690 года в Ирландии с большой армией высадился Вильгельм III. По прибытии в Белфаст он, по словам французского гугенота и участника тех событий Исаака Дюмона де Бостака, «ожидал полного успеха кампании, как это было в Англии». Надежды имели основание. Около 50 тысяч человек, именуемых ирландской армией (за исключением французских солдат), представляли собой полуголодную толпу, состоявшую, в основном, из необученных крестьян, потрясавших палками вместо ружей. Граф д'Аво и французские командиры предлагали бывшему королю оставить в деле регулярную армию общей численностью 25 тысяч человек, а остальных отправить по домам. Но Яков отказался и в результате стал командовать не понимавшей приказы толпой. Д'Аво метко говорил, что король «старается утаить от самого себя все, что может доставить ему огорчение». А огорчаться было чему: протестантские землевладельцы в Ирландии и лишившаяся своих мест при Якове II английская администрация организовали партизанское движение на севере и в районе Лондондерри. 11 июля в сражении при Боуне новый король одержал победу над бывшим монархом. Эта победа вполне компенсировала неудачи англичан на море.

10 июля 1690 года французский флот под командой Торвилля встретился с англо-голландским флотом лорда Торрингтона у Бичи-Хед. Торвилль располагал сотней прекрасно оснащенных кораблей, тогда как у Торрингтона их было всего 68. Торвилль одержал внушительную победу. Но теперь, после поражения Якова на суше, основная миссия французского флота заключалась в эвакуации несчастного монарха и французских войск из Ирландии.

После битвы при Боуне глубоко разочарованный Яков отправился в Дублин и там горько пожаловался сестре Сары леди Тирконнел:

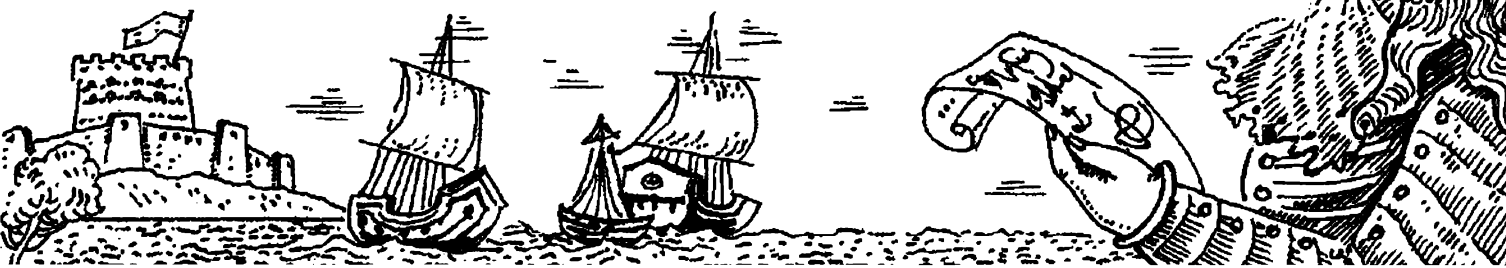
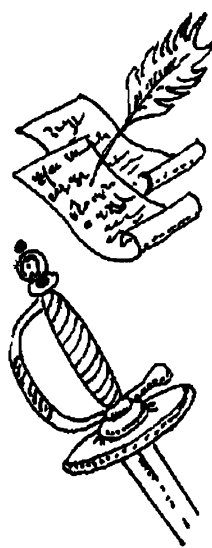
— Мадам, ваши соотечественники бежали!

— Мне кажется, ваше величество одержали моральную победу, поскольку ирландцы не заслужили такого вождя, как вы, — ответила Фрэнсис так, как это сделала бы Сара в похожих обстоятельствах. Скоро и Яков, и Тирконнелы отправились во Францию.

Но 5000 французских солдат все еще оставались на юге Ирландии, держался осажденный Вильгельмом Лимерик, оставались верными Якову стратегически важные гавани на юге Корк и Кинсале. Нельзя было исключать, что французы задумают новую высадку. Мальборо, которого Вильгельм оставил командующим силами в Англии, представил Государственному совету план выхода из положения. Войска должны собраться в Портсмуте, сесть на корабли, двинуться на Корк и Кинсале и осадить их с моря. Так предполагалось нарушить связь между Францией и Ирландией. План был исключительно смелым, ибо лишал Англию значительной части ее регулярных войск. Голландские генералы выступили против, но Вильгельм сам был игроком и сторонником дерзкой стратегии — иначе не быть ему английским королем! Он принял план Джона.

Тем не менее Мальборо испытывал разочарование. Он думал, что будет командовать единолично, но к нему присоединились 5000 датских, голландских и франко-гугенотских солдат армии Вильгельма в Ирландии под началом герцога Вюртембергского. Как носитель более высокого титула, герцог заявил о своих правах на общее командование. В ответ Мальборо представил ему инструкции королевы Марии, в которых именно он назначался главой экспедиции. После переговоров генералы пришли к согласию, что будут командовать армией через день.

В середине сентября восемь кораблей, на борту которых находились солдаты Мальборо, вышли с попутным ветром из Портсмута. Джон сильно страдал от морской болезни. Когда корабли стали на якорь в гавани Корка, он потребовал от губернатора города Мак-Эллиота сдаться, но тот отказался повиноваться.



Осада началась с бомбардировки корабельной артиллерией, после чего начался штурм, вынудивший Мак-Эллиота поднять белый флаг. Во время штурма города был смертельно ранен сын Барбары Кливленд от Карла II герцог Графтон. В свое время он изменил Якову, но в палате лордов голосовал за то, чтобы Вильгельм был только регентом, а не королем. Графтон не был единственным королевским бастардом, принимавшим участие в борьбе за Корк. Сын Якова II и Арабеллы Черчилль герцог Бервик, прибывший в город во главе 4000 ирландских солдат, сражался на стороне якобитов, но успел вовремя ретироваться.

Мальборо без промедления двинулся к Кинсале, находившемуся в 17 милях к западу, но был вынужден встать лагерем, дожидаясь пушек из Корка. Из-за направления ветра их невозможно было переправить морем, а дороги после дождей развезло. Тем временем сильно похолодало, не хватало еды, солдаты стали болеть. Надо было что-то предпринимать. Поэтому однажды ночью, в полной темноте, Джон посадил своих солдат в лодки, которые ирландцы легкомысленно забыли уничтожить, и отплыл к Старому форту на западе гавани. Гарнизон был захвачен врасплох, часть ирландцев была перебита, остальные сдались в плен. После этого Мальборо организовал двойную атаку на Кинсале — датчане шли с востока, англичане — с севера. Штурм продолжался три дня, пока, наконец, не прибыли долгожданные пушки. После бомбардировки гарнизон попросил пощады, и Мальборо разрешил ирландцам вместе с оружием и скарбом уйти в Лимерик. Он не сомневался, что прибытие полуголодных солдат только добавит трудностей тамошнему гарнизону.

Здесь будет уместным сказать вот о чем. В литературе распространена точка зрения, что, в сущности, тактика и стратегия Мальборо были просты. Мол, всегда в начале операции он имел четко выработанный план, и ему не требовалось сохранять деликатный баланс в решениях «за» и «против», когда надо было что-то менять. Мол, быстрые зигзаги мысли и разнообразие действий, как у Наполеона, не были для него характерны. Думается, это не совсем так. Конечно, в будущем, то есть во время Войны за испанское наследство, он, благодаря своей блестящей разведке, имел точные сведения о на-

мерениях противника, заранее разрабатывал план кампании, строго придерживался его и зря не рисковал. Ирландская же кампания как раз и обнаружила его способность на «озарения» и готовность идти на риск, основанный, впрочем, на точном расчете.

В дальнейшей военной карьере Черчилля неожиданности почти не случались. Но ведь о гении свидетельствует не только немедленная реакция. Гениальность полководца состоит еще в том, чтобы добыть знание о противнике и на основе этого знания составить надежный обеспечивающий победу план действий.

Окончательно сопротивление в Ирландии было подавлено в январе 1691 года. Возвращаясь в Лондон, Джон был доволен собой, но вместе с тем он был далеко не удовлетворен своим положением. Ведь он приложил немалые усилия на службе королю, помог ему взойти на трон, но король окружил себя иностранными офицерами, и очевидно было, что они пользуются его бóльшим доверием. Ближе всего к королю оказались голландцы, явившиеся с ним в Англию, — он разбрасывал на них титулы, как конфетти, и заботился о том, чтобы они имели приличные доходы. Молчаливые, деловые, одетые в голубую униформу, они были «преторианской гвардией» Вильгельма. Вероятно, большее доверие голландцам, нежели англичанам, определялось опасением Вильгельма получить удар сзади. Из англичан же король прежде всего — что было обидно Джону — выделял Сандерленда, ближайшего советника Якова, к которому благоволили даже паписты. Пройдоха Сандерленд вовремя убежал в Голландию летом 1688 года, вернулся с Вильгельмом, и тот сделал его лорд-канцлером.

Весной 1691 года Вильгельм Оранский собрал в Гааге представителей союзных государств, чтобы договориться, как покончить с гегемонией Людовика XIV. Может быть, он затем и добивался английского трона, чтобы быть равным другим великим правителям Европы и возглавить борьбу против Франции.

Мальборо остался в Лондоне рекрутировать и обучать солдат для шедшей в Европе войны. Он находился в ужасном настроении. Ему было за сорок, и его чувства можно сравнить с чувствами Юлия Цезаря, в 32 года рыдавшего из-за того, что



Александр Македонский в его возрасте создал крупнейшую державу, а он, Цезарь, пока еще никто.

Джон не стал кавалером ордена Подвязки — самого высокого отличия в королевстве, на что имел полное право. Более того, наиболее почетный военный пост капитана-генерала артиллерии был отдан Генри Сиднею, не знавшему, как отличить один конец пушки от другого. Разочарование было тем более сильным, что тот, кто обладал доходами и возможностями капитана-генерала артиллерии, мог рассчитывать на герцогский титул. Раздражение Джона привело к его ссоре с президентом палаты лордов Денби, пускавшим при дворе шуточки о «хваткой клановости» Черчиллей. Раньше Мальборо просто не обращал на них внимания. Он не любил жаловаться, но теперь обратился с письмом к королю, в котором живописал свою обиду.

Но Вильгельма все это не интересовало. Пока он вел свою дипломатию в Гааге, 100-тысячная французская армия подошла к крепости Монс. Ее возглавлял герцог Люксембургский, «гений внезапности», считавшийся лучшим среди французских генералов. Монс был окружен, прежде чем Вильгельм успел прийти на помощь. И король, наконец, приказал Мальборо прибыть во Фландрию и принять командование над британскими частями союзной армии. Джон был полон энтузиазма, но французы до самой зимы избегали прямых столкновений, и наконец армии расположились на зимние квартиры, чтобы возобновить военные действия с наступлением тепла. Но Черчиллю принять в них участие было не суждено.

Бросим пристальный взгляд на Черчилля со стороны Вильгельма. Этот генерал изменил одному королю — почему же он не может изменить и другому? Когда до Вильгельма дошли слухи, что Мальборо состоит в переписке с изгнанным Яковом, он совсем не удивился. Он знал то, что другие придворные, например, друг Черчилля Сидней Годолфин и командующий флотом адмирал Рассел, тоже переписываются с Сен-Жерменом, где остановился изгнанный монарх. Он был проинформирован и о том, что Мальборо советовал принцессе Анне наладить отношения с отцом. Вильгельм смотрел на это сквозь пальцы, но не питал на его счет никаких иллюзий,

и если Мальборо и подобные ему полагали, что одним актом перехода на его сторону завоевали полное доверие, они ошибались. Он, Вильгельм, не столь наивен.

Важно еще то, что Вильгельм был бездетным, и в парламенте шли дискуссии по вопросу о престолонаследии. Виги были единодушны во мнении, что трон никогда не достанется наследникам Якова II. Но многие тори решение проблемы видели в объявлении Вильгельма Оранского регентом при отсутствующем в стране монархе, дети которого рано или поздно наследуют престол. К тому же они потребовали прекратить назначение голландцев на командные посты в армии и дарование им английских титулов. Мальборо их поддержал.

«Бойся гнева терпеливого человека», — очень точно выразился поэт-остроумец Джон Драйден. Якобиты постоянно плели сети заговоров, не давая покоя Вильгельму и вынуждая его уделять большое внимание расширению своей разведывательной сети. Наряду с голландцем Бентинком и Генри Сиднеем английской секретной службой руководил Дэниел Финч, граф Ноттингем. В 1692 году Ноттингем поручил активному проповеднику кальвинистской доктрины пастору Пьеру Жюрье наладить шпионаж во французских портах. Созданное Жюрье в Роттердаме бюро получало от своих агентов и пересылало в Лондон сведения о якобитах. Английская разведка не раз прибегала к испытанному приему: не располагая прямыми уликами против отдельных подозреваемых, она старалась скомпрометировать их с помощью провокаторов, а если и это не удавалось — добивалась их осуждения на основании ложных показаний своих агентов. И не раз случалось так, что действительных якобитов судили за участие в заговорах, выдуманных провокаторами, в чьих показаниях обрывки истинной информации сочетались с причудливыми фантазиями. Двор Якова II в Сен-Жермене кишел английскими шпионами, умудрявшимися даже красть секретные письма из платья Марии Моденской и посылать их копии в Лондон.

В конце 1691 года король получил от Бентинка известие о заговоре с целью возвести на трон Анну Стюарт. Кроме того, Вильгельм был прекрасно осведомлен о том, что говорилось



и делалось в Кокпите и как Анна в письмах к Саре называла его Калибаном, монстром и недоноском. Его предполагаемая фаворитка Элизабет Вильерс не любила Сару Мальборо, но находилась в дружеских отношениях с леди Фитцхардинг, которая, как и Сара, была придворной дамой принцессы. Для короля это был важный канал информации. В конце концов чаша терпения Вильгельма переполнилась, и по его совету королева Мария приказала Анне удалить Сару. Между сестрами произошла яростная ссора, они громко кричали друг на друга, и Анна покинула дворец, заявив, что не расстанется со своей «возлюбленной миссис Фримен».

Накануне нового 1692 года принцесса получила анонимное письмо, в котором говорилось, что она в Кокпите находится на положении «высокого заключенного» и в «руках Королевской гвардии». И далее: «Если вы сами не удалите от себя супругу лорда Мальборо, вас обяжут сделать это... Мальборо будет осужден, как только соберется парламент».

Но удар все же был неожиданным. В одно январское утро Черчилль зашел к королю и не нашел ничего необычного в его манере общаться с ним. Но после обеда его посетил лорд Ноттингем и объявил, что король больше в нем не нуждается и смещает его со всех постов. Это было только началом печалей. После трехнедельного отсутствия Анна, как ни в чем не бывало, появилась при дворе, и с ней была Сара. От этого королева едва не упала в обморок. Саре было приказано покинуть двор, и тогда Анна последовала за ней. Она перебралась во дворец герцога Сомерсета и перевела туда все свое окружение.

Новости о скандале быстро распространились даже за пределами Лондона, причем его однозначно связывали с именем Черчилля. «Этот неблагодарный человек, — писал неизвестный корреспондент неизвестному адресату, — говорил с королем в выражениях, в которых не видно разницы между джентльменом и последним плебеем. Он думал, что, испугав короля, он сделается герцогом и начальником артиллерии, а тот лишил его всех должностей. Все указывает на его неблагодарность и алчность». Молодой лидер вигов в палате общин Роберт Харли утверждал, что слышал, как Мальборо позволил себе заметить, что «Вильгельм не обладает достаточной про-

ницательностью, чтобы ценить высокие достоинства, и храбростью, чтобы наказать своих врагов».

Как бы то ни было, причины опалы Мальборо можно считать только предположительными. Что же касается его алчности, то ее в разы преувеличивали лондонские сплетни, хотя нет дыма без огня. Но, по крайней мере, в это время Джон не афишировал свое богатство. У него было всего три костюма, один из которых он надевал на день рождения короля. Он не был гостеприимным, почему, кстати, не пользовался популярностью в среде офицеров. Он жил так, как будто имел доход всего в 1000 фунтов в год, хотя на самом деле его семья располагала 8000 фунтов плюс различные дополнительные поступления.

В начале мая 1692 года на вернувшемся в Лондон Джона Черчилля обрушился еще более мощный удар судьбы. Он был арестован и заключен в Тауэр.

Столетиями Тауэр являлся свидетелем кровавых сцен, а со времен Генриха VIII Тюдора превратился в тюрьму для важных особ. Генрих VI, герцог Кларенс, Эдуард V и его брат Ричард были там тайно убиты, жены Генриха VIII Анна Болейн и Екатерина Говард, а также многие государственные деятели были казнены в самой крепости или на прилегающем к ней холме. До Мальборо здесь пребывали Денби, семь англиканских епископов, Сэмюэл Пипс; в Тауэр попадет и будущий знаменитый премьер-министр Англии Роберт Уолпол. По сути, сидеть в этой тюрьме не было таким уж бесчестьем, но морально Джон ощущал себя на самом дне.

Условия пребывания в Тауэре не были ужасными. Узник мог потреблять свою пищу, ему прислуживали собственные слуги. По специальному распоряжению его могли посещать друзья и родные. Тем не менее в начале своего заключения Мальборо был во всем этом ограничен. Саре разрешили увидеться с ним лишь на короткое время. Он не мог даже пообщаться с пэрами, своими товарищами по несчастью, арестованными в то же время.

Тому были веские причины. Один из французских кораблей потерпел крушение, и на его борту нашли письмо адмирала Турвилля своим агентам в Англии. Из него следовало, что французы вновь готовятся к вторжению, сконцентрировав



в нормандской гавани 300 кораблей и 20-тысячный экспедиционный корпус, состоящий из французов и ирландцев.

В Англии развернулись лихорадочные приготовления к отпору. Тайный совет приказал всем католикам покинуть столицу. Начались аресты тех, кто так или иначе мог представлять опасность, и Мальборо оказался одним из них. То был странный поворот судьбы для человека, который год назад вернулся победителем из Ирландии и совсем недавно был командующим английскими войсками. Да, он писал письма Якову, но и адмирал Рассел, который сейчас командовал флотом в Ла-Манше и от которого во многом зависела защита королевства, делал то же самое.

Впрочем, против Джона было выдвинуто серьезное обвинение. Некто Роберт Янг показал, что его подпись стоит под клятвой заговорщиков, которые намереваются схватить Вильгельма Оранского и восстановить на троне Якова. Клятва с подписями была спрятана в цветочном горшке доме епископа Рочестера. Вероятно, сам Янг ее и сфабриковал, а кто-то из его помощников положил в горшок. Случись эта история в более спокойные времена, было бы назначено расследование, и ложь всплыла бы на поверхность. Но французский флот находился в 60 милях от берега, воздух был наэлектризован слухами о приготовлениях якобитов, а цена буханки хлеба выросла с 9 пенсов до шиллинга, и дошло даже до того, что королева сожгла свой личный дневник.

Паника закончилась, когда английскому и голландскому флотам, насчитывавшим 63 военных корабля с 7144 пушками на борту, удалось объединиться, а Турвилль из-за непогоды шесть недель простоял на месте. 19 мая 1692 года французский флот, хотя и уступал английскому по численности в два раза, решился на битву у мыса Ла Хоуг и был вынужден уйти в свои гавани. Британцы полагают, что с этого дня их флот стал хозяином морей.

Так это или нет, в данном случае не важно. Куда важнее то, что мыс Ла Хоуг похоронил надежды Якова вновь оказаться на троне Британии. Имела эта битва большое значение и для Мальборо. Во-первых, в ней отличился его брат Джордж. А во-вторых, морская победа фактически спасла самого Джона от эшафота. За месяц Тайный совет разобрался в истории

«цветочного горшка» и счел ее фикцией. Мальборо был отпущен под залог в 6000 фунтов, которые внесли его друзья Шрюсбери и Галифакс. 19 июня он покинул Тауэр.

3 августа 1692 года французы компенсировали неудачу на море блестящей победой на суше. Местом сражения стал Стеенкирк. Британская пехота под командованием непопулярного в армии графа Солмса была окружена французами и потеряла половину своих солдат и двух генералов.

Черчилль вышел из Тауэра, но ко двору допущен не был. В ноябре он заседал в палате лордов и говорил о том, необходимо удалить голландцев с командных постов. В 1691 году из шести лейтенантов-генералов только двое были англичанами, и один из них — Мальборо — находился в опале; из пяти майоров-генералов англичанами были только двое. Лорды согласились с Мальборо, но в палате общин влияние Вильгельма было сильнее, и она утвердила расходы на следующую кампанию, не ставя никаких условий.

В конце XVII века многие государства Западной Европы переживали финансовый кризис. На ситуации в Британии сказывался вызванный войной рост государственного долга. Соответственно, росли налоги, и это вело к обострению социальной напряженности. Перед сквайрами маячила перспектива разорения. В 1694 году Вильгельм III способствовал созданию Английского банка, ставшего посредником между правительством и финансовыми кругами. Отношение к государственному долгу и, следовательно, к Английскому банку стало тем пробным камнем, по которому можно было безошибочно отличить тори от виги. Впоследствии тори лорд Болингброк решение проблем с помощью государственного долга называл «системой зла».

Джон Черчилль в средствах не нуждался. До опалы он получал ежегодное жалованье в 8000 фунтов, а за шесть недель пребывания в Тауэре его доходы от Компании Гудзонова залива выросли до 5000 фунтов. Мальборо полагал, что деньги должны работать, тем более что в Лондоне имелись все возможности для этого. В ноябре 1694 года он приобрел акции Английского банка на 4000 фунтов под 10 процентов годовых и уже в следующем году получил первые дивиденды. Таким



образом, Черчилль, относивший себя к тори, действовал как виг. Но деньги — это еще не все.

Оставаясь в военное время не у дел, он испытывал жгучую обиду. Неудачи преследовали англичан на земле и на море. После Стеенкирка был Ланден, где Вильгельм потерял 20 тысяч человек, а племянник Джона герцог Бервик взял в плен его брата Чарльза и попросил за дядю выкуп 30 тысяч флоринов. Затем французский флот атаковал 400 кораблей англо-голландского конвоя, идущего в Смирну, в результате чего погибло много людей, а финансовые потери составили миллион фунтов.

Летом 1694 года бригадир Толльмач получил задание высадиться в заливе Камар недалеко от Бреста. Его солдаты почти сразу попали под обстрел, сам бригадир был смертельно ранен уже в начале боя. Англичане потеряли 500 человек убитыми и пленными. Позже выяснилось, что французы за месяц или даже раньше знали о том, что англичане намерены атаковать Брест, и приняли контрмеры. Фортификациями порта занялся величайший знаток этого дела Себастьян Вобан, в район Бреста были подтянуты кавалерия и шесть батальонов береговой защиты.

Казалось бы, Мальборо не имел к этой катастрофе никакого отношения. Но много лет спустя после его смерти были опубликованы документы из архивов Сен-Жермена. 3 мая 1694 года якобитский агент в Англии генерал Саквилл переслал Якову II письмо Мальборо, в котором тот сообщал, что корабли из Портсмута должны отплыть в сторону Бреста. Правда, ни письма Мальборо, ни сопроводительного письма Саквилла в оригинале не сохранилось. Не были ли они вообще сфабрикованы французами с целью очернить имя знаменитого полководца? Впрочем, есть еще мемуары короля Якова, в которых имеется следующая фраза: «4 мая лорд Черчилль информировал короля о брестском проекте». Но мемуары есть мемуары: в них часто перетасованы факты, а Яков еще и создавал легенду о славных якобитах.

С другой стороны, опальный Джон вращался в Лондоне среди якобитов, и если он даже не отправлял письмо Якову с сообщением о брестской операции, то, возможно, проговорился об этом, и кто-то другой мог передать эту информацию во

Францию. В любом случае он был в исключительно сложной, двойственной ситуации. Как человека чести и офицера, его не могла не мучить измена одному королю, а как деятельного военного его до глубины души ранило то, что другой король, которому он помог сесть на трон, не ценил это.

28 декабря 1694 года умерла королева Мария. Можно было думать, что с уходом из жизни королевы, ненавидевший чету Мальборо, положение Джона изменится, тем более что после позора, испытанного англичанами в Камаре, сторонники Черчилля при дворе пытались повлиять на Вильгельма, дабы он вернул его в армию. Но для Вильгельма Мальборо был «подлым человеком», предателем. Именно так характеризовал его король епископу Бернету. К тому же поводы к подозрениям в отношении Джона не иссякали.

В 1696 году по обвинению в очередном якобитском заговоре, план которого сводился к нападению на Вильгельма, возвращавшегося с охоты, был арестован ряд заговорщиков, среди которых были Томас Брюс, граф Эйлсбери и сэр Джон Фенвик. В своем признании Фенвик назвал Шрюсбери, Годолфина, Рассела и Мальборо главными сторонниками короля Якова в Англии. Сознательно или нет, Фенвик начал большую и, как оказалось, смертельно опасную для себя игру. Он не выдал никого из подлинных якобитов, а указал лишь на влиятельных лиц, общавшихся с Яковом II. Как видно, он рассчитывал заставить Вильгельма III расправиться с влиятельными людьми и расшатать ситуацию в стране. Но король понял смысл игры. Не то чтобы он считал ложными показания Фенвика — наоборот, они содержали зерно истины, давно известной его разведке. Но нельзя было признать их истинными и не вызвать серьезных потрясений. И Вильгельм, находившийся тогда в Голландии, объявил, что показания Фенвика — бессмыслица и они не поколеблют его доверия к упомянутым в них лицам. Парламент также счел показания Фенвика ложью, и он был обезглавлен.

Якобиты, с волнением наблюдавшие за парламентскими дебатами по делу Фенвика, не представили никаких документов, подтверждавших его слова. Граф, с которым дружила чета Мальборо, также не подтвердил показания Фенвика. После



этого Эйлсбери еще некоторое время, пока не утихли страсти, продержали в Тауэре и выпустили на свободу.

Лондон стал прощупывать почву для мирных переговоров с Францией еще в 1694–1695 годах. Но первые консультации о мире начались только в апреле 1696 года. На переговорах с Людовиком Вильгельм предложил супруге Якова Марии Моденской пенсию в размере 50 тысяч фунтов в год, что равнялось сумме, которую парламент выделил для принцессы Анны. Более того, он соглашался признать сына Якова своим наследником, если тот примет англиканскую веру. Это могло лишить Анну трона, а Черчиллей их влияния. Но упрямый Яков не принял оба предложения. Переговоры не сдвинулись с мертвой точки, пока представитель Лондона граф Портленд не встретился в Брюсселе с французским маршалом Буффлером. В июле — августе 1697 года эти два человека виделись пять раз, прежде чем выработали соглашение, приемлемое как для Вильгельма III, так и для Людовика XIV.

В октябре 1697 года в Рисвике близ Гааги был подписан мир. Вильгельм III подтвердил свое право называться королем Англии «Божьей милостью», Людовик XIV признал его и обязался не оказывать помощь его противникам. С другой стороны, французский монарх отказался изгнать Якова из Франции и сохранил все территориальные приобретения — новая война была ему не нужна. Но никто в Европе не верил, что борьба закончилась. «Странное проклятие лежит на этом мире, — писала герцогиня Орлеанская кузине, — новости о завершении войны восприняты без энтузиазма, хотя все желали мира так долго...»

Впоследствии Девятилетняя война будет представлена в Великобритании как необходимый путь поиска своего места в Европе. Об этом ярко свидетельствует анонимный памфлет 1747 года: «Англия всегда боролась и все еще борется за свою свободу, как и ее соседи, против амбиций всех тиранов в Европе... для чести и процветания нации. Именно она сокрушила Филиппа и его Непобедимую армаду; именно она будет нести на себе высокий крест, пока не свергнет французскую гегемонию и не обеспечит равновесия сил». Но было ли в 1697 году установлено равновесие сил на континенте? Если и было, то очень зыбкое и кратковременное, и все правители отдавали себе в этом отчет. Впрочем, никто не желал новой войны.

VI. Флореаль, или Фактор войны

Война есть отец всех вещей и повелитель всех вещей; одних она делает богами, других — людьми; одних — рабами, других — свободными.

Гераклит Эфесский

В июне 1698 года тучи опалы над головой Мальборо наконец разошлись. Он был назначен воспитателем юного сына принцессы Анны герцога Глостера с ежегодным доходом в 3200 фунтов и был введен в Регентский совет. Последний пост был очень важен для полного восстановления его престижа. Сын Джона стал распорядителем конюшен при Глостере с доходом 500 фунтов, а брат Джордж получил пост в Адмиралтействе, приносящий ему 1000 фунтов.

Мальборо воспринял все это как должное. Годы опалы не поколебали его честолюбия и чувства своего превосходства над окружающими. Правда, за это время он заметно поседел, но седину скрывал парик, и всем казалось, что он ничуть не изменился.

Высокие назначения Мальборо были связаны с изменениями в королевском окружении. Друг и соратник Вильгельма с юношеских лет — Бентвик, ныне граф Портленд — потерял влияние на короля, и на его месте воцарился молодой голландец Арнольд ван Кеппель. Ясноглазый красавец, по-детски доверчивый и открытый, Кеппель, чуть позже получивший титул графа Альбемарля, стал отличным компаньоном склонного к меланхолии овдовевшего Вильгельма. При этом он симпатизировал Мальборо.

Впрочем, нельзя сказать, что между королем и Мальборо была восстановлена полная гармония отношений. Джон последовательно защищал интересы принцессы Анны и, учитывая, что ссоры в королевской семье не прекращались, порой вынужден был говорить королю неприятные вещи. Так, он однажды заметил, что необходимо выкупить закладную принца Георга на его владения в Дании в 85 тысяч фунтов. Вильгельм, бывший весьма низкого мнения о принце, вы-



шел из себя, хотя позже закладную все-таки выкупил. Принц Георг, по его мнению, был «квинтэссенцией ординарности». Вероятно, король был недалеко от истины, ибо в свое время еще Карл II в сердцах выразился о муже племянницы: «Я видел его трезвым, я видел его пьяным и ничего не нашел в нем». Любимое занятие Георга, если не считать охоты, заключалось в том, чтобы стоять у окна и отпускать нелестные замечания о прохожих.

Другой раз Мальборо вступил в спор с Вильгельмом из-за ирландских земель, ранее принадлежавших якобитам. Джон считал, что их владельцы должны быть восстановлены в своих правах; в какой-то мере он преследовал личный интерес — его сестра Арабелла имела с этих земель ежегодный доход в 1000 фунтов.

Трудно представить двух столь непохожих европейских правителей второй половины XVII — начала XVIII века, как император Священной Римской империи Леопольд I Габсбург и французский король Людовик XIV. Леопольд, будучи моложе Людовика на два года, стал самостоятельным государем раньше, в 1658 году, тогда как французский король до 22 лет учился искусству государственного управления у первого министра кардинала Джулио Мазарини. Объявив себя после смерти Мазарини в 1661 году своим же первым министром, Людовик стал рассматривать Леопольда как некомпетентного молодого правителя, стоявшего на пути его славы, в то время как император считал его наглецом, руководствовавшимся лишь своими желаниями и нарушавшим правила хорошего тона. Впрочем, тон, как в политике, так и в моде, тогда стала устанавливать именно Франция.

В отношениях друг с другом император и король зачастую руководствовались глубоко укоренившимся недоверием. И поэтому, когда завершивший многолетнюю войну между Францией и Испанией Пиренейский мир 1659 года наметил перспективу наследования испанского трона Бурбонами, в Вене серьезно забеспокоились. Ключевым моментом мирных соглашений в Пиренеях стал брак Людовика XIV и испанской инфанты Марии-Терезии. По настоянию хитрого Мазарини приданое инфанты — 500 тысяч золотых эскудо — следовало

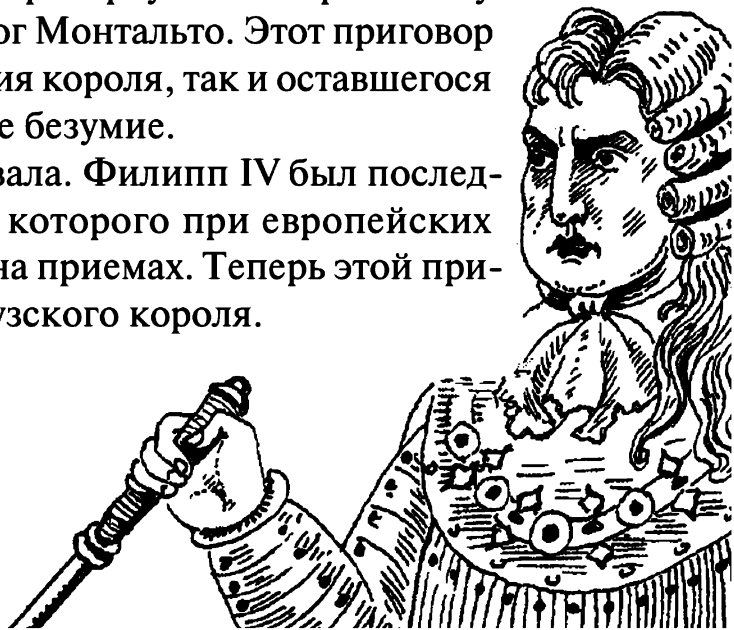
выплатить в течение полутора лет. При соблюдении этих обязательств Мария-Терезия отказывалась от своих прав на испанский престол. Но ни один мешок с золотом для Франции не пересек Пиренеи.

Филипп оставил трех детей от двух браков — двух дочерей и сына. Трон наследовал его четырехлетний сын Карл, до совершеннолетия которого страной должна была управлять его мать — дочь покойного императора Священной Римской империи Фердинанда IV. Старшая дочь Филиппа Мария-Терезия, жена Людовика XIV, в завещании Филиппа упомянута не была, но по Пиренейскому миру она сохраняла все претензии на наследство. Вторая дочь, жена Леопольда I Маргарита-Терезия, со своими будущими детьми была второй после Карла в очереди на наследование престола, а третьими стояли сам Леопольд и его сестра — испанская королева Марианна.

В январе 1667 года между Бурбонами и Габсбургами состоялись тайные переговоры о разделе испанского наследства, то есть о том, кто унаследует Испанскую империю после Карла II. Был даже согласован договор, но его так и не подписали, поскольку Леопольд не согласился с тем, чтобы Франция получила самые богатые территории.

Эти переговоры спровоцировала сама личность последнего испанского Габсбурга. Карл II соединял в себе все признаки вырождения. Он поздно научился писать, не смог осилить ни одного специального предмета, не был в состоянии чем-нибудь заняться и не развивал в себе никаких способностей. Меланхолия составляла основу его характера, отличавшегося исключительной набожностью и пристрастием к еде. «Натуру эту не могли улучшить ни премьер-министры, ни институты. Когда у корабля отсутствует руль, остается только дожидаться, когда он опрокинется» — такой приговор Карлу и его королевству вынес в 1685 году испанский герцог Монтальто. Этот приговор оказался пророческим. Меланхолия короля, так и оставшегося бездетным, выродилась в мрачное безумие.

Испанская эра в Европе миновала. Филипп IV был последним монархом Испании, послы которого при европейских дворах первыми представлялись на приемах. Теперь этой привилегией обладали послы французского короля.



Мирные соглашения в Рисвике не удовлетворили растущие аппетиты ведущих держав и не принесли ожидаемого спокойствия Европе. Но не стоит винить в этом только Людовика XIV, преувеличивая степень его «экспансионизма». Нельзя отрицать, что ему была чужда мечта о короне Карла Великого. Однако в своей внешней политике он был прагматиком, исходившим из конкретных обстоятельств и ближайших интересов. «Никаких провокаций... разумное смирение перед тем, чему невозможно помешать; желание установить согласие с европейскими державами, чтобы сохранить мир» — таковы основные черты дипломатии Людовика после 1697 года. Он не случайно избегал новой войны. Франция располагала 200-тысячной армией, но финансовое ее состояние к началу века Просвещения значительно ухудшилось в сравнении с 1680-ми годами.

Вильгельм видел, что французский король не хочет войны, и понимал, что занятие испанского престола представителем дома Габсбургов может привести к раскладу, невыгодному не только для Франции, но и для Англии и Голландии. Это создавало основу для переговоров с Францией. Так Лондон и Гаага оказались партнерами Версаля в период между Девятилетней войной и Войной за испанское наследство.

Наиболее приемлемым кандидатом на испанский трон для Версаля и Лондона казался малолетний Фердинанд Иосиф, сын баварского курфюрста Макса Эммануэля и внук императора. Переговоры на этот счет между англичанами и французами начались в конце 1697 года в Версале. Эта встреча оказалась лишь дипломатической разведкой. Второй раз стороны в лице будущего маршала графа Талара и Вильгельма III договаривались в Лондоне в первой половине 1698 года.

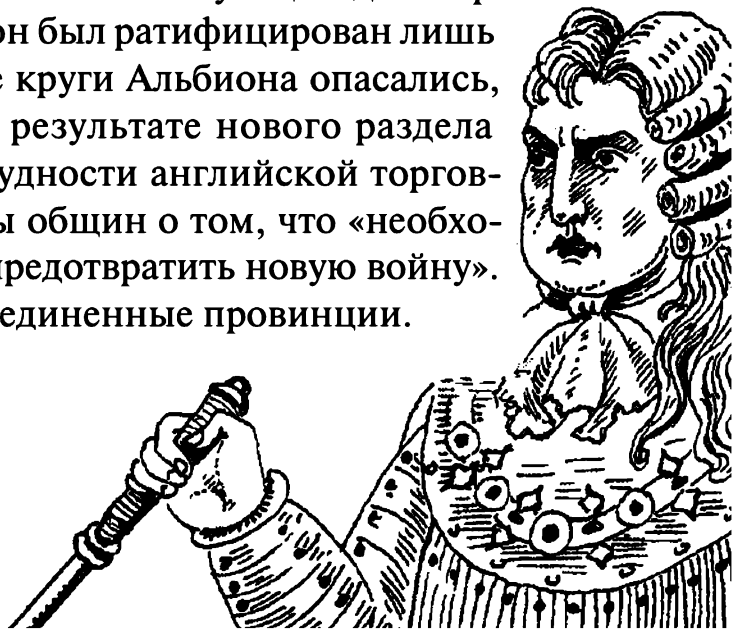
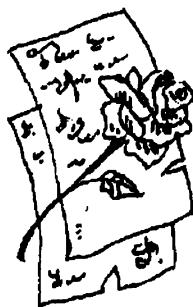
Раздел испанских владений 11 октября того же года прошел почти безболезненно. Договор был заключен в Гааге и подписан Портлендом и Таларом. Шестилетний Фердинанд Иосиф получал испанский трон, Людовик XIV — Неаполь, Сицилию, Президи (испанские укрепления на побережье Тосканы) и Гипискоа (баскскую провинцию в Испании с центром в Сен-Себастьяне). Австрийскому эрцгерцогу Карлу, сыну императора Леопольда, досталось Миланское герцогство. Этот договор был спокойно воспринят в Европе, и сам Карл II в но-

ябре на заседании Государственного совета в Мадриде признал Фердинанда Иосифа своим наследником. Макс Эммануэль, едва договор был подписан, тотчас же перевез сына из Вены в Брюссель. Любопытно, что Леопольду не сообщили о причинах внезапного отъезда внука. Когда же новости о разделе достигли императора, тому ничего не оставалось, как сказать: «Ладно, согласен, ведь прежде всего он мой внук».

Но феврале 1699 года юный Фердинанд Иосиф заболел оспой и умер. «Смерть одного человека так может изменить ситуацию, что сейчас трудно вообразить все препятствия, которые она создала нам», — отреагировал Вильгельм III на это событие в письме к Хейнсиусу. Так размышлял не один английский король. Всю свою короткую жизнь Фердинанд Иосиф олицетворял собой надежду на мир и компромисс. Ситуация в Европе изменилась в тот момент, когда вопрос казался решенным.

Не все, однако, захотели это признать. Не готовые к войне Лондон, Гаага и Версаль с целью сохранить баланс сил между Леопольдом I и Людовиком XIV настойчиво продолжили дипломатию, направленную на раздел империи «живого монарха». Скоро Людовик переправил в Лондон план нового раздела испанских владений. Он был удивительно благоприятен для Габсбургов, если учесть, что его текст составлен в Версале. Эрцгерцог Карл должен был получить корону Испании и ее колониальную империю, а дофин Франции — Неаполь, Сицилию, порты Тосканы, маркизат Финале, Гипискоа и Лотарингию. Кроме того, Людовик XIV отказывался от поддержки якобитов в Англии. При этом Испания никогда не должна быть объединена с наследственными владениями Габсбургов либо Священной Римской империей.

Вильгельм Оранский подписал соответствующий договор 11 июня 1699 года. В парламенте он был ратифицирован лишь 3 марта 1700 года. Коммерческие круги Альбиона опасались, что Франция, укреплявшаяся в результате нового раздела в Средиземноморье, доставит трудности английской торговле. Но перевесило мнение палаты общин о том, что «необходимо предпринять меры, чтобы предотвратить новую войну». 25 марта договор подписали и Соединенные провинции.



Однако трона разделенной без ее участия Испании Вене оказалось недостаточно. Вдохновленный победой над Османской империей, Леопольд поставил цель получить испанское наследство почти целиком, а если нет — бороться за него. В октябре 1700 года Вена окончательно решила не ратифицировать второе соглашение о разделе. Император потребовал от Франции нового договора по Испании. Но в Версале не желали жертвовать достигнутыми договоренностями. Тогда Леопольд безапелляционно заявил, что испанский король передаст все свои владения только Габсбургам.

Это заявление до предела возмутило испанцев — как могут другие государства решать их судьбу! Обстановка осложнилась неурожаем 1699 года и голодными бунтами. Перед королевским дворцом собралась огромная толпа. По совету приближенных Карл II появился перед подданными, хотя уже давно не вставал с постели. На смертном одре он неожиданно проявил независимое суждение: вся Испания должна достаться его наследнику неразделенной, независимо от того, кто это будет — Бурбон или Габсбург. Затем под влиянием толедского архиепископа Портокарреро в Мадриде стали склоняться к Бурбонам. Так же думал папа римский, который поддержал решение Государственного совета Испании отдать трон внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому.

В сентябре 1700 года вокруг постели умирающего испанского монарха развернулась драматическая борьба. 29 сентября королева и имперский представитель Алоиз Харрах почти уговорили его сделать наследником эрцгерцога Карлу. Портокарреро, узнав об этом, 2 октября 1700 года фактически «заставил» находившегося в полубессознательном состоянии короля подписать завещание в пользу Филиппа Анжуйского. В нем были компромиссные нотки: короны Франции и Испании никогда не должны быть объединены. Испанская корона могла достаться сыну Леопольда Карлу только при нарушении Бурбонами условий завещания.

Карл II умер 1 ноября 1700 года. 9 ноября седой от дорожной пыли гонец принес в Версаль новость: король Испании оставил все свои короны герцогу Анжуйскому Филиппу. Этот документ вынуждал Людовика XIV в кратчайший срок принять одно из серьезнейших решений в истории.

В покоях мадам де Ментенон Людовик и его министры совещались два дня. Перед заседанием совета испанский посол Кастель дос Риос проинформировал французского министра иностранных дел маркиза де Торси, что большинство грандов и жителей страны поддерживают французского кандидата на трон и, следовательно, принятие второго договора о разделе может посеять враждебное отношение испанцев к Франции и возможную потерю Францией влияния в Испании вообще. Это послужило одной из причин того, что де Торси, ранее убежденный сторонник раздела испанских владений, выступил за принятие завещания. Его сторону принял дофин, и король, немного поколебавшись, согласился с ними. Но главное, почему Торси переменил свое мнение, — это позиция Империи. Он пришел к выводу, что война с императором неизбежна, а раз так, то лучше вести ее ради всего испанского наследства, а не его части.

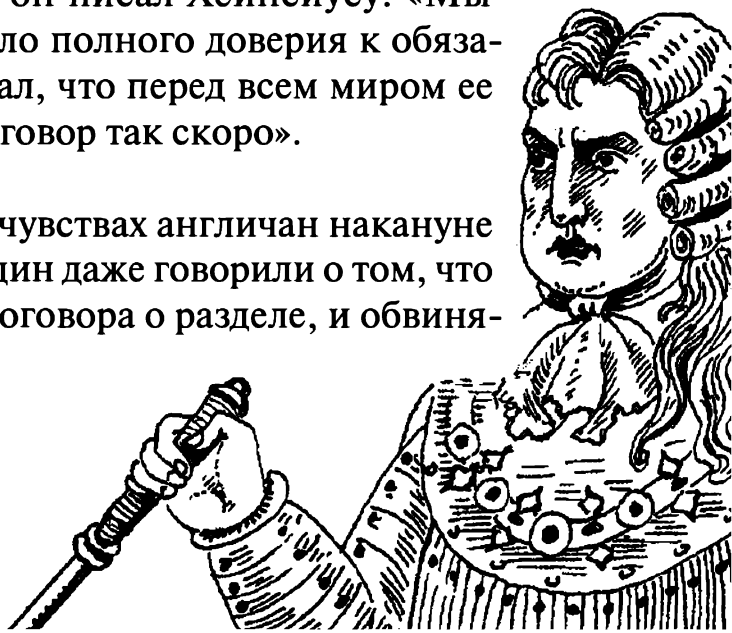


11 ноября Людовик принял завещание Карла II, а 24 ноября Филипп Анжуйский был официально провозглашен королем Испании под именем Филиппа V. Торси, забыв про сон, старался успокоить заграницу. Французские дипломаты при дворах Европы объясняли действия Версаля тем, что принятие завещания герцогом Анжуйским будет способствовать миру лучше, чем договор о разделе, поскольку испанские территории останутся в неприкосновенности — ведь Франция на них не претендует. В Гааге они старались развеять страхи англичан и голландцев в том, что французское присутствие в Неаполе и на Сицилии помешает их средиземноморской торговле. Людовик был убежден, что Леопольд не признает сложившегося положения дел, и всеми силами своей дипломатии старался нейтрализовать Англию и Голландию.



Это было неосуществимой задачей. Вильгельм III был вне себя от ярости. В конце ноября он писал Хейнсиусу: «Мы обмануты. У меня никогда не было полного доверия к обязательствам Франции. Но я не думал, что перед всем миром ее король порвет торжественный договор так скоро».

И все же оптимизм преобладал в чувствах англичан накануне Рождества 1700 года. В палате общин даже говорили о том, что воля покойного Карла II лучше договора о разделе, и обвиня-



ли Портленда в неудачном ведении переговоров. Портленд, защищаясь, говорил, что за них ответственно все правительство, и не забыл упомянуть имя Мальборо среди тех, кто обо всем знал. Со своей стороны, Мальборо в палате лордов заявил, что ему стало известно о втором разделе испанских владений как о свершившемся факте. Его поддержали другие члены палаты.

В рождественские дни письмо одного из агентов Якова II в Париже лорда Мелфорта, адресованное его брату в Сен-Жермене, удивительным образом попало в Лондон. В нем говорилось о подготовке французского вторжения в Шотландию для оказания помощи якобитам. В парламенте этот документ вызвал настоящую сенсацию. Людовик был в ярости. Мелфорт пытался оправдываться, но ему не поверили и приказали покинуть Париж. Скорее всего, Мелфорт не был виноват. Возможно, это была работа одного из агентов Вильгельма III, желавшего обострить отношения между Лондоном и Парижем, чтобы получить от парламента новые субсидии на армию.

Но антифранцузские выпады английского короля не шли ни в какое сравнение с поведением императора. Весть о завещании покойного короля Испании он воспринял стойко, хотя, как отчитывался в Версаль французский посланник де Виллар (а во время Войны за испанское наследство — маршал), «все, кто близко знал императора, говорили, что государь еще никогда не был так внутренне возбужден и что он готов был тут же отдать приказ начать выступление своим войскам». 21 ноября Леопольд назначил принца Евгения Савойского командующим армией в Италии и отдал приказ готовить поход в Ломбардию.

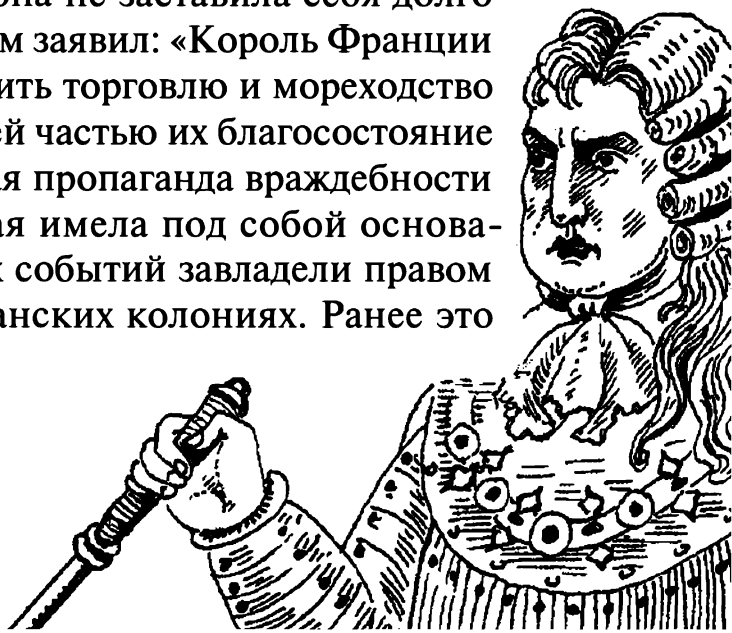
Получив известие о действиях императора, Людовик XIV объявил его агрессором, игнорирующим волю испанских Габсбургов и преследующим личные интересы, и попытался привлечь на свою сторону немецких князей. Его дипломаты в германских княжествах утверждали, что испанское наследство — всего лишь династический вопрос, личная ссора между Бурбонами и Габсбургами. В ордонансе от 31 декабря 1700 года Людовик обеспечил право герцога Анжуйского на французский трон, хотя это и противоречило условиям завещания. Но раз императору можно, почему ему, «королю-солнце», нельзя нарушать свои обязательства? Одно звено грядущей

войны цеплялось за другое, и в начале января 1701 года посол императора граф Вратислав выехал в Лондон на переговоры с Вильгельмом Оранским.

Одновременно английский король послал с чрезвычайной миссией в Вену Джорджа Степни, прекрасно разбиравшегося в германских делах. В свое время Степни опубликовал памфлет «Эссе о нынешнем интересе Англии», в котором призывал англичан ограничить стремительно растущую мощь Франции и не дать Людовику XIV ввести Лондон в заблуждение. Мир с Версалем, утверждал он, означает «полный крах нашей торговли, свобод и религии». Именно такой человек мог подготовить союз Вильгельма III с Леопольдом I, тогда как и виги, и тори видели в императоре прежде всего католика с замашками деспота и тирана.

При этом перспективы союза между Англией, Голландией и Францией еще не были отвергнуты до конца. Этого желал в первую очередь великий пенсионарий Республики Соединенных провинций Хейнсиус. В 1700 году ему исполнилось 60 лет, но он был по-прежнему полон сил и желал обеспечить Республике безопасность, удобные позиции в мировой торговле и влияние среди ведущих держав Европы. Голландии необходимо было защитить свое право на «барьер» из крепостей на границе Испанских Нидерландов, и Хейнсиус лелеял химерическую надежду, что крепости останутся в руках голландцев, если они признают герцога Анжуйского испанским королем. В результате в феврале 1701 года Соединенные провинции признали Филиппа V.

Но почти одновременно с этим, в первые недели февраля, французы вошли в Испанские Нидерланды и взяли крепости под свой контроль. Хейнсиус, по его собственным словам, «в считанные дни» потерял то, за что «боролся в течение стольких лет». Реакция Гааги и Лондона не заставила себя долго ждать. В конце февраля Вильгельм заявил: «Король Франции вознамерился совершенно разорить торговлю и мореходство англичан, от чего зависит большей частью их благосостояние и безопасность». Это была прямая пропаганда враждебности по отношению к соседу, которая имела под собой основание. Французы в силу последних событий завладели правом торговли рабами-неграми в испанских колониях. Ранее это



весьма доходное занятие было прерогативой исключительно английской Королевской Африканской компании.

Несмотря на все это, в апреле не желавшая воевать Англия вслед за Соединенными провинциями признала право Филиппа Бурбона на трон в Эскориале. Леопольд открыто возмущался «кротким» поведением Морских держав, как принято было тогда называть Англию и Голландию. Сам он еще 16 ноября 1700 года заключил так называемый Кронтрактат с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III. Согласно этому документу, в обмен на оказание Империи военной помощи против Франции курфюрст получал титул короля в Пруссии. 18 января 1701 года он торжественно короновался в Кенигсберге под именем Фридриха I.

Следующий шаг к войне сделал Версаль — в апреле 1701 года французские гарнизоны (в Вене считали, что их численность доходила до 100 тысяч человек) появились в Савойе, Ломбардии и Мантуе. Леопольд окунулся в переговоры с новой силой. Его союз с Пруссией дал немедленный эффект — династические претензии Габсбургов на испанский трон поддержали Георг Людвиг Ганноверский и пфальцский курфюрст Иоганн Вильгельм. В 1701 году о союзе с Леопольдом заявили курфюрст Майнца фон Шенборн и герцог Саксен-Веймарский. Единственным разочарованием для императора стал Макс Эммануэль Баварский.

Честолюбивый баварский курфюрст страстно желал получить корону, и первый раздел испанских владений его очень устраивал. Безвременная смерть сына разрушила его планы. Вторым разделом, как и ожидалось, Бавария осталась недовольна. До войны Макс Эммануэль поддерживал императора, но предвоенная расстановка сил изменила его ориентиры. Ему казалось, что он не получил в результате нового формирующегося соотношения сил в Европе никаких выгод. Макс Эммануэль решил связать свою судьбу с Францией, ибо Версаль обещал ему Испанские Нидерланды, Нижний Пфальц и субсидии.

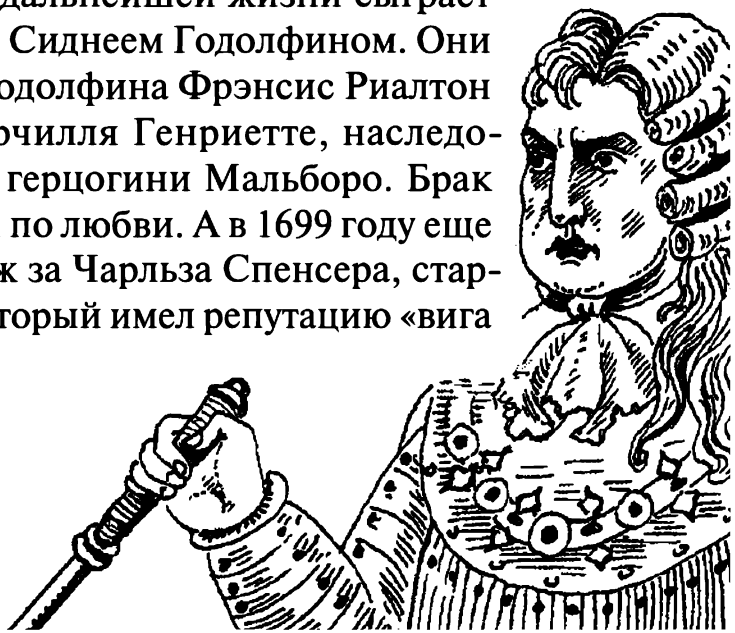
В феврале 1701 года Людовик подписал грамоты об увеличении армии и создании новых полков. В апреле—июне того же года Франция заключила союзы с Савойей и Португалией. Ее дипломатия активно подкреплялась пропаган-

дой — в Европе появилось огромное количество брошюр на латыни, французском и испанском языках. В них на основе работ Гуго Гроция и других теоретиков международного права обосновывалась справедливость принятия испанской короны Филиппом Анжуйским. Распространялся и текст завещания Карла II Испанского.

Тем временем ветер общественного мнения в Британии сменил мирное направление на противоположное. Мало кто знал, что еще в апреле 1701 года началось обсуждение проекта оборонительного союза между Британией, Нидерландами и рядом европейских правителей. Велись также многосторонние переговоры о союзе против Франции с Речью Посполитой, Пруссией и Швецией. В сентябре 1701 года Англия даже выплатила Карлу XII 200 тысяч талеров, а Голландия — 300 тысяч, а шведский король принял обязательство не вступать союзы с их противниками. Переписка Вильгельма III с Хейнсиусом летом и осенью 1701 года отчетливо свидетельствует об активной подготовке Англии и Голландии к новой войне.

Тогда же состоялась долгая приватная беседа английского короля с Мальборо. О чем они говорили, никто не знает. Но 31 мая Вильгельм назначил Мальборо главнокомандующим союзными войсками на континенте, а месяцем позже чрезвычайным и полномочным послом Англии в Соединенных провинциях. 1 июля Вильгельм и Мальборо отплыли на королевской яхте в Гаагу. Прошло ровно восемь месяцев со дня смерти испанского короля, и восемь дней оставалось до первого сражения большой европейской войны.

Внезапно Мальборо стал вторым человеком в Англии с доходом принца — 10 фунтов в день плюс 1500 фунтов на экипировку и 100 фунтов «для представительства» в неделю. Ему было пятьдесят, и он находился на верном пути к славе. Одну из самых важных ролей в его дальнейшей жизни сыграет дружба со школьных лет с графом Сиднеем Годолфином. Они породнились — в 1698 году сын Годолфина Фрэнсис Риалтон женился на старшей дочери Черчилля Генриетте, наследовавшей после смерти отца титул герцогини Мальборо. Брак по расчету оказался еще и браком по любви. А в 1699 году еще одна его дочь, Анна, вышла замуж за Чарльза Спенсера, старшего сына графа Сандерленда, который имел репутацию «вига



из вигов». Ее второй сын Чарльз, пятый герцог Сандерленд, станет герцогом Мальборо после смерти Генриетты в 1733 году. Оба брака укрепили позиции Мальборо в политике. Да и будущие браки двух других дочерей Джона были достойными. Элизабет вышла замуж за графа, а затем и герцога Бриджвотера. Мери стала женой лорда Монтермера, впоследствии герцога Монтегю.

В мае 1701 года принц Евгений Савойский перешел через Альпы и оказался в Ломбардии, где одержал две победы над франко-испанскими войсками маршала Вильруа при Карпи 9 июля и Чиари 1 сентября. Фактически война уже началась.

Победы принца Евгения катализировали процесс образования антибурбонской коалиции. 7 сентября 1701 года в Гааге был подписан договор о Тройственном союзе (он чаще будет именоваться Великим). В его статьях говорилось, что герцог Анжуйский незаконно оккупировал испанские владения в Нидерландах и в Ломбардии, вооружил флот в Кадисе и послал войска в колонии. Это привело к тому, что Империя потеряла свои наследственные права на испанский трон, а англичане и голландцы не могут свободно передвигаться по морям и вести торговлю в Испанских Индиях и Средиземноморье. Поэтому союзным державам следует принять срочные меры для исправления ситуации. Испанская Италия должна достаться Габсбургам, в Испанских Нидерландах необходимо восстановить голландские крепости, а Англии и Голландии вернуть их торговые привилегии в Испанских Индиях. Примечательно, что в тексте документа не было прямого упоминания о лишении Филиппа Бурбона испанской короны и объявления войны Франции.

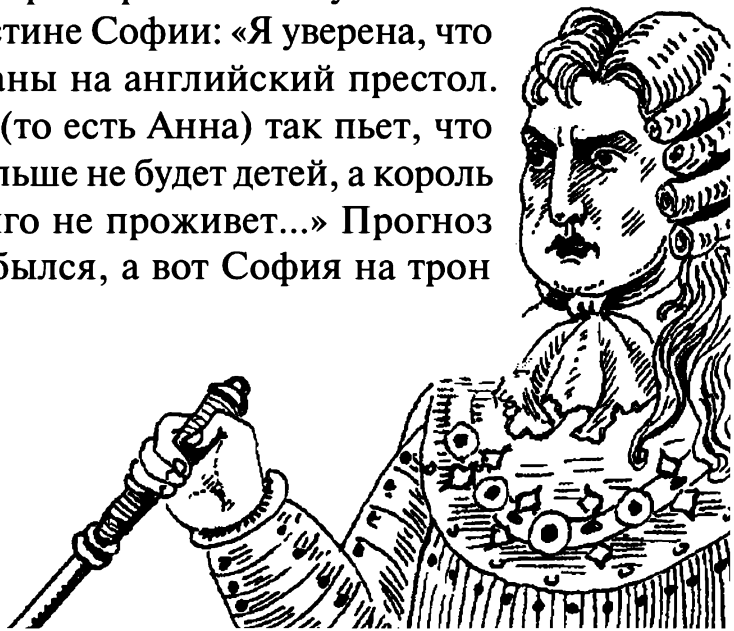
Леопольд ратифицировал договор о Тройственном союзе 19 сентября. Осторожный Вильгельм — месяцем позже. Англичане и голландцы до последнего момента ожидали от Людовика компромиссных решений. Но вышло иначе. Между Англией и Францией неожиданно вновь встала проблема английского престолонаследия. Смерть 30 июля 1700 года герцога Глостера, сына свояченицы и наследницы бездетного Вильгельма III Анны Стюарт, оживила надежды якобитов. Правда, сам Яков II Стюарт уже не мог их возглавить: в марте

1701 года его парализовало. 16 сентября 1701 года экс-монарх скончался в Сен-Жермене.

Пренебрегая положениями Рисвикского мира, Людовик XIV по совету военного министра Шамийера и вняв мольбам вдовы Якова II Марии Моденской, признал права на английский престол его сына Джеймса Фрэнсиса Эдварда под именем Якова III. Мария Моденская считала, что пока Вильгельм Оранский является королем Англии, Джеймс Фрэнсис Эдвард должен оставаться частным лицом, но если он откажется от королевского титула, то откажется и от своих прав на престол по рождению. Что же до Людовика, то он прежде всего руководствовался политическими мотивами. Этот акт мог быть ответом на «предательство» Вильгельма Оранского и его союз с императором.

Вообще-то двор английского короля в Сен-Жермене дорого стоил казне Людовика. Он был пышным даже в сравнении с двором Карла II. Если Карл II получал ежегодную пенсию от французского короля 192 тысячи ливров, то Яков II и затем Яков III ежегодно тратили 600 тысяч ливров. В 1652 году в окружении Карла II находилось 76 придворных, а двор Якова III состоял из 140 человек. Так Франция на всякий случай обеспечивала достойную жизнь претенденту на английский трон.

Как бы то ни было, именно признание Версалем прав Якова III заставило Вильгельма ускорить подготовку к войне и сплотить общественное мнение в Англии вокруг своей дипломатии. В октябре 1701 года парламент принял «Акт о престолонаследии», согласно которому английский трон переходил по наследству только к приверженцам англиканской церкви, что исключало его занятие католиками — Стюартами. Герцогиня Орлеанская так отреагировала на эту новость в письме к ганноверской курфюрстине Софии: «Я уверена, что вы и ваши сыновья будут призваны на английский престол. Говорят, что принцесса Датская (то есть Анна) так пьет, что подорвала свое здоровье. У нее больше не будет детей, а король Вильгельм столь хрупок, что долго не проживет...» Прогноз принцессы насчет Вильгельма сбылся, а вот София на трон Англии так и не села.



Тогда же в парламенте был ратифицирован и договор о Великом союзе. На заседании палаты общин Вильгельм III заявил о необходимости защитить Англию и принципы «Славной революции». Но 8 марта 1702 года Вильгельм умер, и это дало Людовику надежду на возобновление переговоров с Морскими державами. Он рассчитывал на оживившихся на Альбионе яacobитов и противников войны в Голландии, но как оказалось, зря. «Результаты признания Претендента (то есть Якова III. — Л. И.) нашим королем были разрушительными для мира и более всего подвигли английскую нацию к войне», — скоро скажет маркиз де Торси. Вступившая солнечным воскресным днем на трон королева Анна Стюарт под нажимом Мальборо, а точнее, его супруги Сары, не стала менять намеченный Вильгельмом внешнеполитический курс. 15 мая 1702 года Великий союз объявил войну Франции.

Сколько бы мы ни рассуждали о карьере Джона Мальборо, остается непреложным тот факт, что мировую известность ему принесла именно война за испанское наследство. «Искусство войны... как определенно благороднейшее из всех видов искусств, неизбежно становится значимой составной частью прогресса», — записал почти столетием позже английский экономист Адам Смит в своей книге «Здоровье нации». Этим искусством Мальборо обладал в совершенстве; кроме того во время войны проявились его способности как политика и дипломата.

VII. Радости и печали высокого полета

Ничье царствование не было с большей справедливостью прославлено как в войнах, так и в науках, чем царствование Анны...

Диббин

«Подобно Людовику XIV, она играла в “великое царствование”: у нее были свои памятники, свое искусство, свои победы, свои полководцы, свои писатели, свои личные средства, из которых она выдавала пенсии знаменитостям,

своя галерея произведений искусств. У нее тоже был пышный двор и свита, собственный этикет и собственный марш. Двор этот был воспроизведением в миниатюре всех “великих людей” Версаля — и в оригинале не очень-то великих. В некотором роде обман зрения, но прибавьте к этому гимн “Боже, спаси королеву”, музыка которого заимствована у Люлли, и все вместе создавало иллюзию сходства. Все необходимые персонажи налицо: Кристофер Рен вполне подходящий Мансар¹, Сомерс не хуже Ламуаньона². У Анны был свой Расин — Драйден, свой Буало³ — Поуп⁴, свой Кольбер — Годолфин, свой Лувуа — Пемброк⁵ и свой Тюренн — Мальборо. Увеличьте только парики и уменьшите лбы. В общем, все торжественно и пышно, и Виндзор в то время почти не уступал Марли. Но на всем лежал женственный отпечаток, даже отец Телье⁶ у Анны носил имя Сары Дженнингс. Несмотря на то что Англия ссорится в это время с Францией и побеждает ее, она ей подражает и заимствует у нее просвещение; все, что красуется на фасаде Англии, освещено лучами Франции. Жаль, что царствование Анны продолжалось только двенадцать лет, иначе англичане, недолго думая, стали бы говорить “век Анны”, как французы говорят: “век Людовика XIV”...» — так образно с французской точки зрения сравнил Британию и Францию начала XVIII века Виктор Гюго в своем знаменитом романе «Человек, который смеется».

В то время можно было многое сравнивать — значительная часть Европы развивалась в едином культурном (и не только!) порыве. Вместе с тем справедливого сравнения достичь

¹ Франсуа Мансар (1598—1666) — французский архитектор, крупнейший мастер французского барокко.

² Гильом Ламуаньон (1617—1677) — президент парламента при Людовике XV.

³ Никола Буало (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма.

⁴ Александр Поуп (1688—1744) — английский поэт, теоретик английского классицизма.

⁵ Томас Пемброк (1656—1733) — первый лорд-адмирал с 1690 года, верховный лорд-адмирал в 1702 и 1708 годах, в 1707 году вице-король Ирландии.

⁶ Мишель Ле Телье (1643—1719) — иезуит, духовник Людовика XIV.



невозможно, ибо каждая страна привносила в «известный персонаж» свои характерные черты. К примеру, Годолфин не был Кольбером, даже приблизительно; критически настроенную по отношению к Церкви герцогиню Мальборо сложно сравнить с мрачным духовником короля Людовика отцом Телье; а Мальборо в масштабе континента не был Тюренном, но в политике его превзошел.

С восшествием на престол королевы Анны Джон удостоился ордена Подвязки, стал командующим артиллерией с доходом в 1500 фунтов, получил под свой контроль снабжение армии амуницией. И у супруги прибавилось должностей — она отвечала за королевский стол и одеяние, контролировала расходы королевы. Заодно Анна отдала дорогой подруге Саре должность смотрителя Виндзорского парка — просто потому, что та часто восхищалась резиденцией смотрителя. Замужние дочери Черчиллей стали королевскими фрейлинами.

Естественно, в среде аристократии и политической элиты исключительные знаки королевского внимания к одной семье не могли остаться незамеченными. К тому же они подкреплялись солидными деньгами. Доход Мальборо от его должностей составлял 54 825 фунтов, а Сары — 9500 фунтов; это были огромные суммы по тем временам. Другие члены клана Черчиллей тоже не были обделены вниманием. Чарльз Черчилль стал генералом, а Джордж, собутыльник принца Георга Датского, — адмиралом.

Джон всеми фибрами души ощущал: вот она, его настоящая судьба, предназначенная Богом. Но не поздновато ли? Ему уже 51, у него сложившийся характер, устоявшиеся привычки, к которым за последние годы прибавился инстинкт самосохранения, он любит жизнь и обожает семью. Хочет ли он вновь рисковать? Сможет ли, обладая пока непривычной для него властью, сохранять и приумножать честь и силу своего государства? Мальборо знал, что сможет. Но на этом пути ему были необходимы верные соратники и друзья.

У любой незаурядной личности, как правило, есть противники, а вот друзья — совсем необязательно. Мальборо, можно сказать, повезло — у него были как друзья, так и враги. Самым близким человеком для него была Сара Дженнингс.

В принципе, жены редко бывают друзьями — для этого необходимо быть не только преданной, но и достичь такой степени политической зрелости, чтобы реально влиять на деятельность мужа. Обладая твердой волей и незаурядным умом, Сара была лучшим советником Мальборо. Она активно вмешивалась в политику и, судя по ее мемуарам, сожалела о том, что не родилась мужчиной. Они оба родились в семьях тори, но, в силу политической ситуации в годы войны, были вынуждены проводить линию вигов, и как-то Джон назвал ее «прирожденным вигом». Сара разрушала все барьеры — как женщина и как политик. Она была самой близкой подругой королевы Анны, и это во многом обеспечивало расположение к Джону со стороны королевы.



Это была настоящая работа. В то время как, встав пораньше, Сара общалась с королевой или с лорд-канцлером, большинство аристократов Лондона еще не жили в постели. Как писали ее недоброжелатели-тори, стоит Саре кивнуть, и королева откажется от друзей и родных: «Анна носит корону, но правит Сара». Даже в присутствии посторонних фаворитка вела себя с королевой свободно. Государственные мужи и дипломаты открывали перед ней двери, высокородные леди ловили ее взгляд. При этом, как считают историки, герцогиня Мальборо была «необычайно честной в отъявленно лживое столетие». При Стюартах было обычным брать взятки у людей, имевших амбиции и стремящихся к повышению. Сара не следовала этой практике и этим нажила себе недоброжелателей. Позднее в мемуарах она признавалась, что за привилегированное положение платила утомительными часами в покоях королевы, которая не умела поддержать беседы и не блистала остроумием.



С другой стороны, Анна Стюарт не была правительницей, волю которой можно было игнорировать. Она сумела осознать свою роль и своеобразие своего правления — не зря же в первой речи в парламенте королева заявила, что «намерена быть истинной англичанкой в отличие от Вильгельма-голландца, брата-француза в изгнании и немцев — представителей дома Ганноверов».

Анна не имела ни знаний, ни опыта управления, не совсем понимала смысл «Билля о правах», ограничивавшего ее власть, но, к счастью для нее, изменения в политике более или менее



совпадали с ее собственным мнением. Еще одним положительным моментом ее правления было то, что она попадала под влияние хороших советников, которые контролировали большинство в парламенте. Она умела их выбирать — или они умели выбирать ее? В любом случае Анна была последним монархом, который председательствовал на всех заседаниях Кабинета министров. Она оказалась способна оценивать ситуацию и глубоко расстраивалась, когда чувствовала, что некоторые дела до нее не доходят. Поэтому она часто твердила: «Ничего не скрывайте от меня — иначе как я смогу иметь суждение о происходящем?»

Будучи религиозной, Анна, однако, не возражала против игры в карты и выпивок при дворе. Она страдала от водянки и подагры, часто появлялась на публике обмотанной бинтами, но ей очень нравилось править своим легким экипажем. Она даже охотилась в нем. Как рассказывал о королеве Свифт, «она правит сама и правит яростно: это великолепная охотница, подобная Нимроду¹». Однажды Анна, увлекшись, проскакала сорок миль в погоне за оленем.

Мальборо очень нуждался в субсидиях для ведения военных действий. С началом Войны за испанское наследство в палате общин на этот счет разгорелись острые дискуссии. В то время английские политические партии находились еще в стадии формирования и представляли собой скорее группы людей вокруг влиятельных парламентских лидеров. Распространенным явлением был переход из одной партии в другую, поскольку главным мотивом действий членов парламента было стремление к власти, а не партийные принципы. Но были и принципы, которые ценились выше конъюнктурных соображений. Например, трудно представить вигу конца XVII — начала XVIII века, не поддерживавшего протестантское престолонаследие, или тори, лояльно относившегося к росту государственного долга. Именно виги стали в ходе войны союзниками тори Мальборо. Он разделял с вигами страсть к свободе, а их политика согласовывалась с его намерениями.

¹ Нимрод — в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь.

Внутри партии тори выделялись два течения — умеренные и крайние (или непримиримые). Виги и крайние тори стояли на противоположных позициях. Для вигов победа в войне означала торжество принципов «Славной революции» 1688 года, а крайние тори надеялись на повторную Реставрацию Стюартов. Они признавали божественные права короны, тогда как умеренные тори и виги говорили о правах конституционных. Если тори преобладали в палате общин, то виги — среди лордов. Умеренные тори находились посередине и поддерживали войну только из-за признания французским королем Претендента. Они надеялись, что она продлится недолго.

Но Мальборо сомневался в скором окончании войны, так как хорошо знал силу армии Людовика XIV. Он теперь лучше владел ситуацией, поскольку находился в гуще событий. К тому же его статус открывал возможность влиять на принятие политических решений, чему также способствовало назначение на пост лорд-канцлера его друга Годолфина.

На протяжении войны политические позиции Черчилля постепенно смещались в сторону вигов, хотя он открыто не признавал этого. «Я не считаю, моя душа, что все тори — сторонники короля Якова», — спорил он с женой, убежденной в обратном. Уже в начале XVIII столетия торийский в своей основе парламент был вынужден пойти навстречу вигам: приняв решение об увеличении армии и обеспечив протестантскую линию престолонаследия. Все это предвосхищало триумф партии вигов в будущем, хотя в целом результаты выборов в 1697–1713 годах показывают, что тори преобладали в английской политике. Другое дело, что в эти годы шел постепенный процесс, приведший к краху крайних тори, вошедших в состав коалиционного Кабинета вига лорда Джона Сомерса в самом начале войны.

Главными фигурами в Кабинете королевы Анны стали Джон Мальборо и Сидней Годолфин. Мальборо никогда не занимал пост главы Кабинета в силу невозможности совмещать его с верховным командованием в войне, но вместе с Годолфином фактически управлял Англией до 1708 года. В декабре 1702 года он, наконец, получил от королевы долгожданный титул герцога. Это было и повышение, и необходимость — ведь именно ему предстояло олицетворять собой королевство



и почти на равных общаться с правителями Европы. В ноябре 1702 года он писал жене: «У меня не хватает слов, но мое сердце полно благодарности: молю тебя, скажи королеве самые теплые слова, какие только ты можешь произнести, за ее исключительное расположение ко мне».

Министерство Мальборо-Годолфина считается уникальным в английской истории в связи с двойной природой лидерства. В этом «дуумвирате» Мальборо играл первую скрипку и пристально следил за ходом внутренних дел, нередко совершая наезды с континента. Осень и начало зимы герцог обычно проводил в переговорах с союзными дипломатами и планировал военные операции, а весной уже в них участвовал. Правда, его военно-политические обязанности в Европе делали невозможным активную роль в Тайном совете, и текущие дела были на Годолфине. Лорд Сидней слыл самым опытным администратором, знал все ходы и выходы при дворе, и его внутривластные возможности были шире, чем у Мальборо. Фактически лорд-канцлер отвечал за общее управление страной, за финансирование войны и проведение в палате общин актов, которые эта война требовала. Годолфин умело осуществлял связь между Кабинетом министров, парламентом и короной, но консультации с Мальборо были для него самым важным элементом процесса принятия решений. Между ними существовала постоянная переписка, которая в настоящее время издана почти в полном объеме. Ее содержание говорит о том, что они были не только политическими соратниками и родственниками, но и настоящими друзьями. Годолфин был также личным другом Сары, точнее, чем-то вроде отца-исповедника. Он, как говорила герцогиня Мальборо, умел «лить бальзам на душу».

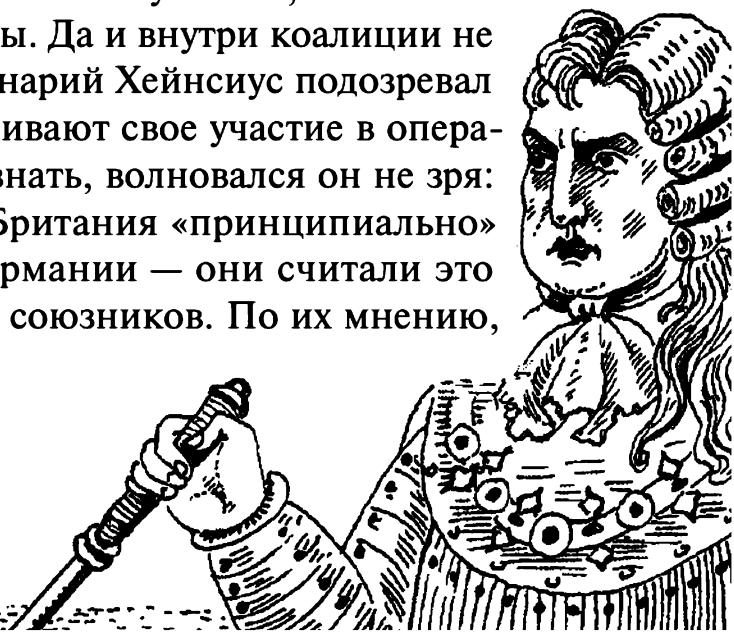
В политике ничего не идет накатанным путем. Во время первых военных кампаний на континенте государственный секретарь Южного департамента¹ лорд Ноттингем выступал

¹ В британском правительстве того времени было два государственных секретаря. Ответственность за Англию и Уэльс они совмещали, а далее их обязанности разделялись по географическому признаку: секретарь Южного департамента отвечал за сношения с католическими и мусульманскими государствами, а секретарь Северного департамента, считавшийся младшим, — за сношения с протестантскими государствами Северной Европы.

против войны. Он, лорд Рочестер и их сторонники — крайние тори — желали свергнуть коалиционное правительство Годолфина. Поэтому, возвратившись в 1703 году с полей сражений, Мальборо настоял на формировании министерства, которое могло обеспечить ему финансовую и моральную поддержку.

В начале следующего года Анна, подписав отставку Ноттингема, утвердила государственным секретарем Южного департамента сэра Чарльза Хеджа, а Северного департамента — Роберта Харли, позже спикера палаты общин, непревзойденного интригана, умевшего в своих интересах находить общий язык с любыми политическими оппонентами. В то время этот подающий надежды политик позиционировал себя как сторонник Мальборо. Годолфин укрепил свои позиции, а Харли обеспечил приход в правительство в качестве военного министра своего протеже — 26-летнего Генри Сент-Джона, в будущем виконта Болингброка, знаменитого английского просветителя, автора всемирно известных «Писем об изучении и пользе истории». Как военный министр, тори Сент-Джон вместе с Годолфином, Мальборо и Харли вершил судьбу Англии в годы войны, удивляя всех сочетанием образованности и интеллекта с даром администратора и огромной работоспособностью. После знакомства с Сент-Джоном Свифт составил о нем такое мнение: «...Величайший молодой человек из всех, кого я только знал: ум, способности, красота, быстрота восприятия, образованность и превосходный вкус, лучший оратор в палате общин». Мальборо ценил способности молодого политика, помогавшего ему в разработке военных операций, — кто мог знать, что этим неординарным людям предстоит в недалеком будущем скрестить шпаги политической вражды?

Широкомасштабные военные действия в Европе до 1704 года не приносили Англии и ее союзникам успехов, сопоставимых с затратами на ведение войны. Да и внутри коалиции не все было ладно. Великий пенсионарий Хейнсиус подозревал англичан в том, что они ограничивают свое участие в операциях на континенте, и надо признать, волновался он не зря: многие тори не желали, чтобы Британия «принципиально» боролась во Фландрии или в Германии — они считали это задачей голландских и немецких союзников. По их мнению,



англичане прежде всего должны были атаковать испанские колонии, что сулило значительные выгоды.

Мальборо прикладывал большие усилия, чтобы успокоить голландцев. Накануне кампании 1702 года он писал великому пенсионарию: «Вы увидите, насколько я джентльмен не только внешне, и, как джентльмен, я обещаю действовать в интересах Генеральных штатов».

Мальборо-дипломат ни в чем не уступал Мальборо-полководцу, он дополнял, а иногда и превосходил его. Чтобы эффективно руководить разношерстной коалицией в экстремальных условиях, он использовал лесть и обман в одних случаях, придирки и угрозы в других. Назначить его главнокомандующим союзными войсками было гениальным решением покойного короля Вильгельма. Как в будущем отметит лорд Болингброк, «Мальборо встал во главе армии и фактически во главе конфедерации, в которой он, новый и частный человек... приобрел благодаря своим достоинствам и умелому руководству более решающее влияние, чем то, каким обладал король Вильгельм благодаря высокому рождению, признанному авторитету и даже короне Великобритании. Не только более сплоченным и целостным стал огромный механизм Великого союза... все театры военных действий пришли в энергичное движение. Все те, на которые он являлся лично, и многие из тех, где он выступал... как вдохновитель, были свидетелями поистине триумфальных успехов». Подобно Кромвелю, с которым Мальборо не раз сравнивали, он обладал исключительной военной интуицией, позволявшей побеждать превосходящие силы противника.

В начале первой кампании на континенте 1702 года Мальборо располагал реальной властью только над английскими полками. Голландцы и немцы имели своих честолюбивых командиров, не желавших попасть под полный контроль англичан. Согласовывать действия было сложно, и герцог настаивал в Гааге на своем общем командовании объединенными силами, которые он предполагал перебросить на Нижний Рейн. Голландцы же прежде всего хотели защищать свою территорию, поскольку французский маршал Буффлер расположился с большой армией вблизи ее границ. Леопольд,

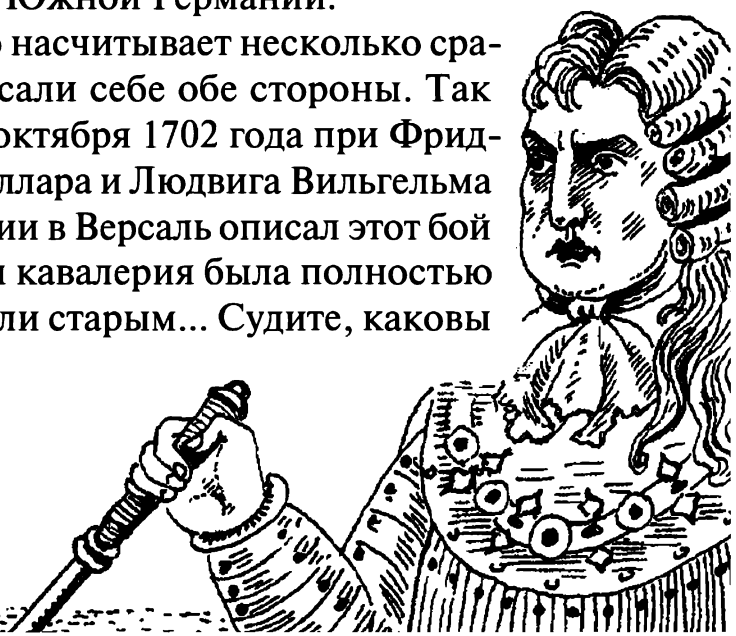
к неудовольствию Англии и Голландии, основное внимание уделял итальянскому фронту.

Первые три года войны были отмечены несомненным французским превосходством. В Италии положение изменилось, когда туда прибыли испанский король Филипп V и французский командующий герцог Вандом с солидной армией. Вандом в течение следующих четырех лет будет собирать здесь лавры побед. В Нидерландах маршал Буффлер в июне 1702 года стремительно продвинулся до Нимвегена, а в ноябре того же года Людовик XIV утвердил Макса Эммануэля Баварского наместником (штатгальтером) Испанских Нидерландов.

8 сентября 1702 года Макс Эммануэль начал военные действия в Южной Германии, осадив Ульм и один за другим взяв Ленинген, Диллинген и Мемминген. Леопольд отреагировал на его действия мандатом, в котором отмечалось нарушение им вследствие нападения на имперские земли условий Вестфальского мира и общественного порядка в Империи. Курфюрст и его люди, «потерявшие честь и презревшие долг», объявлялись вне закона — ведь поход Макса Эммануэля начался еще до официального объявления Империей войны Франции на рейхстаге в Регенсбурге 6 октября того же года.

Положение на фронтах несколько раз менялось. Голландские генералы согласились двинуться в сторону Брабанта, и кампания 1702 года прошла для Империи и Морских держав относительно согласованно. Мальборо с немалыми трудностями овладел Гельдерном и Льежем, а имперские войска под командованием сына Леопольда римского короля Иосифа взяли французскую крепость Ландау. Первые победы союзников между Маасом и Рейном сняли непосредственную угрозу вторжения в Соединенные провинции. Появились возможности и для активных действий в Южной Германии.

Война за испанское наследство насчитывает несколько сражений, победу в которых приписали себе обе стороны. Так произошло и после сражения 14 октября 1702 года при Фридлингене, где встретились силы Виллара и Людвига Вильгельма Баденского. Виллар в своей реляции в Версаль описал этот бой следующим образом: «Имперская кавалерия была полностью сметена... Новые полки не уступали старым... Судите, каковы



были потери врага, если мы захватили 30 его штандартов... оставили на поле боя больше 3000 его людей убитыми. Никто из наших солдат не попал в плен». В то же время Людвиг Вильгельм Баденский, намекая Леопольду на заслуженную награду, замечал, что он предотвратил объединение французских и баварских армий на долгое время. Так или иначе, но 1702 год закончился захватом графом Талларом Трира и вступлением войск Людовика XIV в Нанси. Началась новая, довольно длительная французская оккупация Лотарингии.

В этих условиях Лондон и Вена натолкнулись на нежелание голландцев прекращать свободную торговлю с противником. Генеральные Штаты заявляли, что в противном случае не смогут нести бремя войны. Хитрый Хейнсиус просил Лондон форсировать войну в Нидерландах — только тогда Генеральные штаты, возможно, приостановят торговлю с Парижем и Мадридом. В английском парламенте поднялась буря негодования, но делать было нечего. В апреле 1703 года было подписано соглашение между Британией, Голландией и Империей. За финансовую и военную помощь голландцы обязались прекратить торговлю с противником, исключая специфические колониальные товары. Но, как показало будущее, выдержали голландцы не больше года. Впрочем, и Мальборо не спешил разворачивать боевые действия на континенте — пока государственным секретарем был Ноттингем, он не видел в этом смысла. «Дела в Германии так плохи, как только возможно; люди здесь (то есть в армии. — *Л. И.*) желают больших денег, и из-за этого все стоит, а последствия всего этого не приведут к успеху кампании», — писал он в начале 1703 года.

Джон как в воду глядел. Война на пространствах между Рейном и Дунаем развивалась в пользу Франции. В апреле Макс Эммануэль одержал победу при Пассау и взял Регенсбург — место заседаний имперского рейхстага. Мальборо нанес ответный удар — в мае под нажимом союзной армии пали Маастрихт и Бонн. Но затем, 20 сентября, Виллар и баварский курфюрст наголову разбили маршала Штирума при Хохштедте. В декабре баварская армия вошла в имперский город Аугсбург.

Успешные действия противника вызвали серьезное беспокойство в Вене, Лондоне и Гааге. В этой обстановке принц Савойский в конце июня 1703 года был назначен председателем

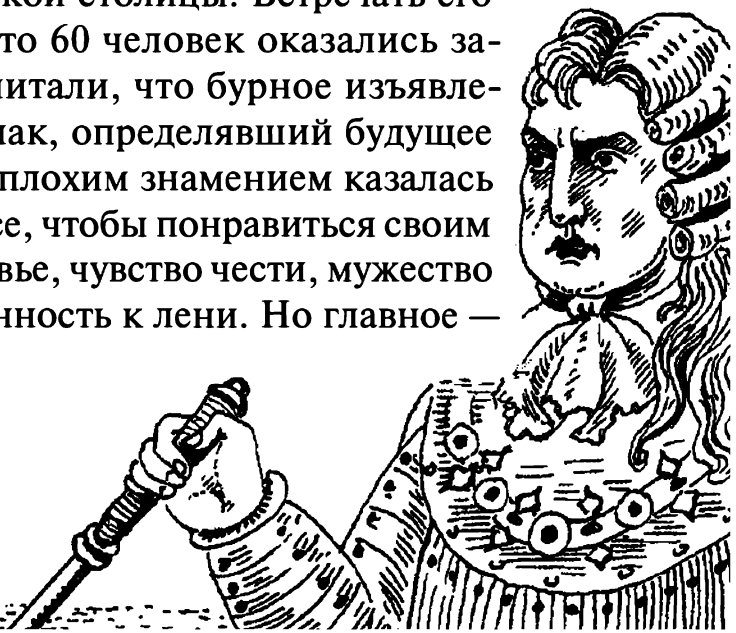
Гофкригсрата (Военного совета). Эту должность он исполнял до конца своей жизни. Своим назначением он был обязан покровительству римского короля и будущего императора Иосифа I, имевшего при дворе сторонников, отличавшихся стремлением к реформам и явной антифранцузской позицией.

Довольно непредсказуемо развивались военные события в Испании, которая станет большой проблемой для Мальборо уже через несколько лет.

Какое королевство получил Филипп Анжуйский в 1700 году? К концу XVII столетия в нем едва насчитывалось 6 млн жителей. 300 опустевших селений в Кастилии, 200 — вокруг Толедо, 1000 — в Кордове. Угрюмая и пышная леность сопровождала это бесплодие — испанцы в работе видели знак рабства, их идеалом была праздная жизнь сеньора и священника. Производство презиралось, торговлей занимались обращенные евреи и иностранцы; земледелие было почти уничтожено зависимостью от духовенства и грандов. Бедные гордо просили милостыню, а крестьяне работе с сохой предпочитали пастушескую праздность. Страшная нищета пожирала Испанию.

«Хотя это великая монархия, — рапортовал своему правительству в 1691 году английский посланник Александр Стэнхоуп, — в ней сейчас столь много аристократии, что каждый гранд воображает себя почти государем». Развал центрального управления при последнем испанском Габсбурге привел к тому, что власть короны, по сути, распространялась только на Кастилию, где, впрочем, жило 73 процента населения Испании. Кастильцы доминировали в администрации колоний, контролировали Нидерланды и итальянские территории. Из-за этого некоторые области страны поддерживали эрцгерцога Карла Австрийского.

18 февраля 1701 года семнадцатилетний Филипп V, полный радужных надежд, достиг испанской столицы. Встречать его собралась такая толпа народа, что 60 человек оказались затоптаны насмерть. Очевидцы считали, что бурное изъяснение чувств народа — хороший знак, определявший будущее в пользу Бурбонов. Вместе с тем плохим знамением казалась гибель людей. У Филиппа было все, чтобы понравиться своим подданным, — молодость и здоровье, чувство чести, мужество и даже присущая испанцам склонность к лени. Но главное —



он имел законные права на трон. В начале его правления казалось, что все будет в порядке, и былое величие Эскориала возродится.

Новые хозяева быстро принялись за устройство своего наследства. В Испанских Нидерландах администраторы перевернули структуру управления, армии и налоговой системы. В самой Испании многие гранды были смещены со значительных постов в правительстве, а высокодоходная работоторговля с Америкой была передана французской Гвинейской компании. Ни одна из перемен не была встречена с восторгом теми, кто раньше контролировал государственную машину. Недовольство не было массовым, но за пределами Пиренейского полуострова у антибурбонской коалиции рождало иллюзию будущей легкой победы.

5 сентября 1701 года Филипп женился в Барселоне на двенадцатилетней Марии-Луизе-Габриэли Савойской. В Версале надеялись, что этот брак укрепит союз Испании и Савойи, что впоследствии не оправдалось. К каталонцам король был настроен предупредительно: созвал каталонские кортесы, подтвердил фуэрос (местные незыблемые обычаи) и даже предоставил Барселоне права порто-франко и торговли с Америкой. Тем не менее, коль скоро централизация государства и монополизация власти в Испании по французскому образцу становились очевидными, каталонцы не доверяли Бурбонам.

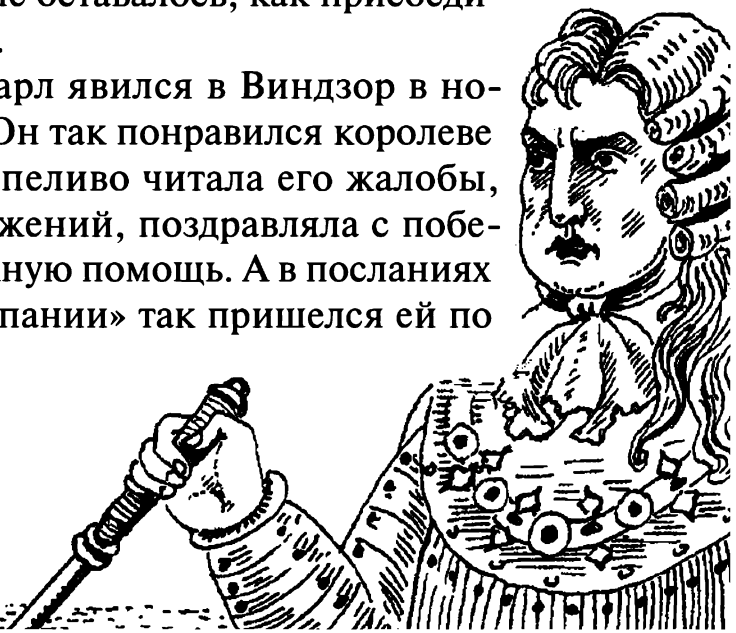
Из Барселоны Филипп уехал улаживать дела в своих итальянских владениях, и противники не замедлили воспользоваться его отсутствием. По приказу Мальборо летом 1702 года 50 английских и голландских кораблей высадили в Кадисе 40 тысяч солдат во главе с герцогом Ормондом. Операция не удалась из-за враждебного отношения к англичанам местного населения. Но в октябре того же года английский адмирал Джордж Рук атаковал в бухте Виго 27 испанских галеонов с грузом серебра из Америки. Под шквальным огнем адмирал ворвался через узкий проход в гавань и частью захватил в плен, частью потопил находившиеся там суда. После этого Испания больше не участвовала в войне на море.

В январе 1703 года Филипп V вернулся в Испанию и, поняв на месте, сколь плачевны дела, попросил своего деда Людо-

вика о военной помощи. Положение Филиппа в Испании стало еще более шатким из-за перемены позиции Педро II Португальского, прежде соблюдавшего нейтралитет, который, кстати, вполне устраивал Вену. Леопольд не хотел, чтобы Португалия стала врагом, но и был против военного союза с ней, поскольку в этом случае пришлось бы делиться с Педро частью испанских владений. Англия же стремилась помешать проходившей через Португалию французской торговле и ставила цель присоединить ее к Великому союзу, дабы тем самым создать плацдарм для военных действий в Испании. Этому, в свою очередь, противились Соединенные провинции, но у них был свой резон: они не желали предоставления английских субсидий Лисабону и торговых концессий, которые португальцы могли дать англичанам.

В апреле 1703 года французский посол Руайль бодро рапортовал в Версаль, что Педро останется нейтральным, а прибывший из Англии с инструкциями от Мальборо член палаты общин Метуэн уже больше недели не может добиться аудиенции у короля. Каково же было удивление Руайля, когда в один прекрасный день он узнал о решении Лисабона закрыть порты для французских кораблей и открыть их для флота Великого союза. Согласно договору от 16 мая 1703 года Португалия признала кандидата Вены на испанский трон и открыла свою территорию для британской торговли. Враждебность к Кастилии была традиционной для Лисабона. К тому же в условиях тесного союза Версаля и Мадрида португальский король испугался распространения амбиций Бурбонов на свои владения не только на Пиренейском полуострове, но и в Америке. Он посчитал, что Карл Австрийский будет менее грозным соседом, нежели внук Людовика XIV. К тому же ему были обещаны области в Эстремадуре и Галисии и ряд испанских территорий в колониях. Леопольду I ничего не оставалось, как присоединиться к договору с Португалией.

Летом 1703 года эрцгерцог Карл явился в Виндзор в новой роли Карла III Испанского. Он так понравился королеве Анне, что впоследствии она терпеливо читала его жалобы, сокрушалась по поводу его поражений, поздравляла с победами и постоянно обещала денежную помощь. А в посланиях в Вену замечала, что «король Испании» так пришелся ей по



сердцу, что она употребит всю свою власть для его успеха. Эти письма и обещания на деле имели мало результатов — львиная доля английских финансов уходила на военные действия на континенте.

В октябре 1703 года Карла в Дюссельдорфе посетил Мальборо, подтвердив поддержку его предприятия со стороны своей королевы. Приятной неожиданностью для герцога стал дорогой подарок, который ему преподнес Карл от имени императора, — меч, украшенный бриллиантами. С тех пор Джон в своих письмах называл Карла не иначе как «король Испании».

24 февраля 1704 года эрцгерцог отплыл в Лисабон на одном из кораблей адмирала Рука. 9 марта в порту Лисабона на борт этого корабля поднялся Педро II Португальский. После церемониальных приветствий и фейерверка Карл остановился в королевском дворце. В тот же день вышла прокламация, в которой Филипп Анжуйский объявлялся узурпатором, и там же содержался призыв к его сторонникам покинуть «незаконного» монарха в течение тридцати дней, чтобы успеть получить амнистию. Почти одновременно Лейбниц издал в Гааге «Манифест в защиту прав Карла III, короля Испании».

Тогда же, в феврале 1704 года, 12-тысячная французская армия Бервика перешла испанскую границу. После торжественного въезда в Мадрид герцог был назначен Филиппом капитаном-генералом франко-испанской армии, насчитывавшей 18 тысяч пехоты и 8000 конницы. Презиравший любую опасность, Филипп решил лично возглавить армию, дабы взять предательский Лисабон и изгнать с Пиренейского полуострова «второго» испанского короля. В свою очередь, «второй» король Карл III в марте двинулся к Мадриду, намереваясь там утвердиться.

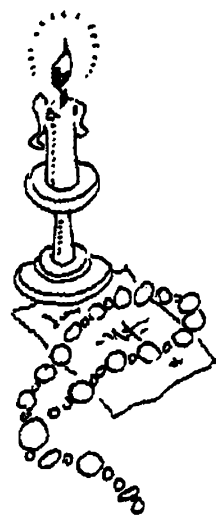
30 апреля 1704 года Филипп V официально объявил войну королю Португалии и «австрийскому эрцгерцогу»: «...Наше право на трон было законным и принятым во всем мире... один император вел войну против нас в Италии и во Фландрии. Теперь его поддержали державы, изменившие своему слову... Мы не желаем войны, но вынуждены вести ее во имя справедливости...» Бервик двинул свою армию навстречу Карлу III и заставил его отступить, захватив при этом несколько

португальских городков. В мае Карл счел за лучшее на корабле того же Рука покинуть Лисабон.

Итоги 1703 года настроили Мальборо на пессимистический лад. В ноябре 1703 года он писал Хейнсиусу из Лондона: «Если мы не будем сильнее в следующей кампании, победит Франция». Неожиданно для себя герцог стал человеком мнительным и очень чувствительным к критике в свой адрес. Английская пресса Мальборо не щадила. От него ожидали захватывающих воображение побед, а их все не было. Переживший опалу Джон не обманывался насчет особой прочности своих политических позиций и властных полномочий. Да и кто в мире придворных альянсов, кроме монархов, мог считать свое положение незыблемым? Сегодня ты — первый министр, завтра — в лучшем случае находишься в опале, а в худшем могли иметь место тюрьма или эшафот.

Нелегкая политическая обстановка усугубилась личной трагедией. В конце 1703 года умер единственный сын, семнадцатилетний Джон, и герцог еле успел прибыть в Лондон, чтобы побыть несколько часов у его смертного одра. Один Бог знает, что он тогда чувствовал. Может быть, размышлял о том, что все его карьерные усилия, его стремление к славе тщетны, когда невозможно все это передать сыну... Переживания полководца отразились в его корреспонденции. В начале 1704 года он писал Саре из Голландии: «Люби меня, твоя любовь делает меня сильнее. В этом мире больше горестей, чем счастья». Внутри он стал более ранимым, а внешне — более хладнокровным и решительным. Собственность умершего наследника он передал сыну Годолфина — мужу своей старшей дочери Генриетты. Для Мальборо смерть сына стала в определенном смысле оправданием войны, которую он вел.

Сара держалась менее стойко, чем муж. С ней случались истерики, и окружающие опасались, не потеряла ли герцогиня Мальборо рассудок. Но успокоилась она довольно быстро. У них еще были дочери, и Сара с присущим ей рационализмом рассуждала о том, что титул останется в семье. С годами она все больше увлекалась политикой и теперь почти целиком погрузилась в перипетии партийной борьбы и придворной жизни.



А герцог, забыв про сон, готовил планы большой кампании. Военные успехи Евгения Савойского в Ломбардии в начале 1704 года изрядно его встряхнули. В начале века Просвещения в европейском военном искусстве преобладали кордонная стратегия и линейная тактика, имевшие в своей основе пассивно-оборонительные тенденции. Не отказываясь от них, Мальборо часто применял форсированные марши, для него как полководца был характерен значительный элемент риска, совмещенный с четко выработанным планом действий. Сейчас он планировал, не вступая в крупные сражения, сначала разрушить сооруженные по проекту Вобана укрепления на Рейне, а затем провести массивное наступление на земли союзников «короля-солнце». Он верил в Провидение, поставившее его во главе армии с целью сокрушить гегемонию Франции.

У Мальборо уже давно зрела идея совместных действий с лучшим из имперских полководцев Евгением Савойским. Еще в августе 1703 года он пришел к окончательному выводу о том, что только «единая армия Конфедерации (так он называл Великий союз) может помочь одержать победу каждому из ее членов». Герцог планировал двинуть армию в Южную Германию, вместе с принцем Савойским провести кампанию на Мозеле, а затем идти на Дунай, захватить территорию Баварии и выбить из игры главного союзника Людовика XIV Макса Эммануэля. Этот план впоследствии назовут «Великим проектом».

Первый, с кем поделился Мальборо идеей «Великого проекта», был Сидней Годолфин. Вторым стал пенсионарий Хейнсиус. По мере подготовки похода слухи о некоем «Мозельском проекте Мальборо» достигли Версаля. Но французы, судя по мемуарам маркиза де Торси, не знали направления главного удара союзников.

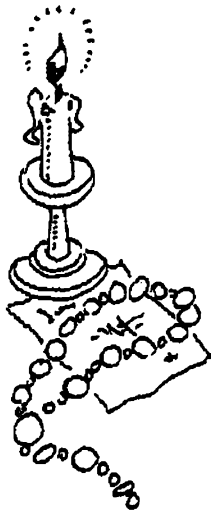
В конце января 1704 года в обстановке секретности Мальборо прибыл в Гаагу и представил Генеральным штатам свой план. Отступив от прежней сдержанности, он горячо доказывал, что Бавария — ключ к успешной войне в Германии. Некоторое время упрямые голландцы продолжали настаивать на кампании во Фландрии, но герцога поддержал Хейнсиус. Наконец, планы союзного главнокомандующего были одо-

брены. Возвращаясь в Англию, он знал, что первая часть его задачи выполнена.

Дома Джона ждала неожиданная проблема. Их мнения с Сарой сходились не всегда и не во всем и, как назло, разошлись именно сейчас, в ответственный для Мальборо момент. С 1703 года в парламенте обсуждался «Билль о случайном единоверии», за который ратовали тори. Билль был направлен против диссентеров, являвшихся опорой вигов на выборах в городах. Понимая, что состоявшая большей частью из вигов палата лордов этот билль не одобрит, тори придумали присоединить его к «Биллю о земельном налоге». Тогда верхняя палата не смогла бы воспрепятствовать его принятию, ибо не имела права отклонять решения палаты общин по финансовым вопросам.

Королева горячо этот билль поддерживала. Мальборо и Годолфин тоже были за него, а вот Сара — категорически против. Религиозные взгляды герцогини ее знаменитый потомок Уинстон Черчилль характеризовал как агностицизм. «Слово “церковь” ничего не значит для меня в устах тех, кто из нее делает много шума... и устраивает гонения на диссентеров. Тори, или партия церкви, как королева предпочитает называть их, ослабляют авторитет суверенной власти в глазах подданных», — считала Сара. Когда она узнала, что муж собирается поддержать билль, то не на шутку разгневалась. Дошло до того, что она оборвала с ним все контакты. Джон признавался Годолфину, что «недоброе отношение леди Мальборо делает его несчастным», и просил его выступить в роли посредника. Скоро все в окружении четы Мальборо знали об их ссоре и, что вполне понятно, сочувствовали мужу, а не жене. В конце концов Сара заставила себя пойти на официальное примирение с виновным (в этом она не сомневалась!) супругом. Вне двора их отношения по-прежнему оставались холодными.

8 апреля 1704 года пребывающий в полном унынии Джон Мальборо покинул берега Альбиона, чтобы осуществить свою авантюрную и, как окажется, самую знаменитую кампанию.



VIII. Лето жизни: Бленхайм

Пусть вино краснеет в чашах,
Роз венки — на кудрях наших!
Радуйтесь — веселье зыбко,
Как вина и роз улыбка!
День сей наш — чего страшиться?
День сей — наш, и он вершится!

Авраам Каули

Лето — триумф природы, время, когда начинает приносить плоды то, что раньше цвело. В жизни человека тоже есть свое лето, но не у каждого результаты его предыдущей деятельности превращаются в триумф. Лето Мальборо напоминало календарное лето, по воле судьбы оно даже совпало с ним по времени. Битва при Бленхайме, принеся ему мировую славу, состоялась в начале августа.

Дело, начатое в угнетенном состоянии, редко заканчивается удачей. Безразличие — бич победы, но, к счастью, все изменилось, когда в маленьком немецком городке Мальборо инспектировал свои войска перед долгим и ответственным маршем. Его сердце наполнялось гордостью и уверенностью в будущем, когда он смотрел на прекрасно экипированных, хорошо обученных солдат. Однако более всего его выходу из депрессии способствовала Сара. В первом письме, полученном им сразу после высадки на континенте, она написала, что просит забыть ее, но почти сразу пришло второе письмо, и в нем было совсем иное. Сара писала, что любит его и хочет быть только с ним. Если бы не война, Джон тут же полетел к ней на крыльях своего счастья. Удивительная, не замершая и не переродившаяся в чувство простой супружеской привязанности любовь, как будто не прошли годы...

Ссора с женой, однако, не прошла даром. Мальборо вдруг разом ощутил напряжение последних лет, которое, казалось бы, выдерживал без труда. С этого времени он часто впадал в жестокую депрессию и страдал невыносимой головной болью.

Не хотелось бы вводить читателя в заблуждение и повторять миф о том, как это делают многие биографы Мальборо, что

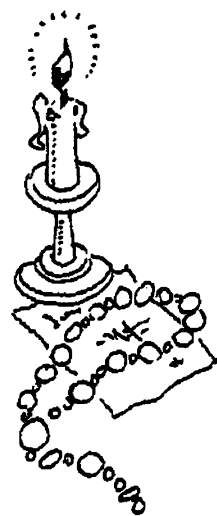
исключительно герцогу принадлежит идея идти маршем на Дунай. Да, это он разработал план неординарной военной кампании, но справедливости ради стоит сказать, что он был не один.

В литературе существует мнение, что убедил Леопольда и герцога Мальборо сделать Баварию объектом военной кампании 1704 года советник императора граф Вратислав. И он же предложил принцу Евгению Савойскому возглавить имперские военные силы, шедшие на соединение с англо-голландскими войсками. В любом случае граф Вратислав, с июня 1703 года находившийся в армии Мальборо и бывший в постоянной переписке с принцем Савойским, способствовал будущей крепкой дружбе двух военных гениев.

Тут необходимо сказать несколько слов о положении Австрии. С самого начала 1704 год стал беспокойным для Вены. Австрийские земли — ядро Священной Римской империи — подверглись опасности с двух сторон. Помимо Людовика XIV и Макса Эммануэля существовала еще перманентно мятежная Венгрия. Неудивительно, что полтора столетия спустя именно венгры изменят название австрийского государства. Но и в январе 1704 года голландский посол Хамель-Брунинкс писал Хейнсиусу, что в Вене дела столь плохи, что, кажется, Габсбурги близки к своему падению.

Венгрия была «умиротворена» в 1697 году, но спокойствие оказалось весьма зыбким. Навязанная Венной конституция, утверждавшая наследование венгерской короны младшей ветвью Габсбургов, увеличение налогов, гонения на протестантов, конфискация земель и т. п. стимулировали попытки венгерской знати возродить старые свободы и привилегии. Ситуация обострялась крестьянскими выступлениями. На этом фоне Венгрии лишь требовался новый лидер.

Трансильванский князь Ференц II Ракоци, казалось, был рожден для этой роли. Суждения об этом человеке и сегодня весьма противоречивы: он то «воплощение патриотизма», то «аморальный представитель анархии». Но его способность быть лидером никогда не подвергалась сомнению. Ракоци одним из первых европейских правителей признал завещание покойного испанского монарха в пользу герцога Анжуйского



и наладил постоянную переписку сначала с государственным секретарем военного ведомства Франции Барбезье, а затем и с маркизом Торси. В случае вооруженного выступления против Габсбургов Версаль в ноябре 1700 года обещал Ракоци выплачивать 400 тысяч флоринов ежегодно.

Ракоци поднял штандарт в мае 1703 года, однако серьезно восстание началось лишь в июле, когда его восьмитысячная армия почти свободно прошла через всю Венгрию и Трансильванию, вступая в стычки с имперскими гарнизонами и смещая представителей центральной администрации. К концу года она достигла 70 тысяч человек, против которых император мог выставить не более 12 тысяч солдат, оторвав их от сражений на западе. Версаль был несказанно рад такому обороту событий, и Торси распорядился выдать венгерскому вождю первые субсидии. Повстанцы начали совершать военные рейды в направлении Вены. Дело дошло до того, что вокруг Вены, дабы противостоять Ракоци, были сооружены новые фортификации, а в Венгрию были переброшены войска с других военных театров. Возникали серьезные опасения, что Франция, Бавария и Венгрия смогут скоординировать свои действия, и тогда Леопольд окажется на грани краха. Об этом императору говорили английский и голландский послы. Чтобы этого не произошло, они советовали как можно быстрее договориться с Ракоци, который, собственно, хотел одного: свободы для венгров.

Получалось так, что вольно или невольно Лондон и Генеральные Штаты поддерживали Ракоци. Но, разумеется, с иной, нежели Людовик, целью — они желали, чтобы волнения в Империи поскорее закончились и она направила все свои силы против французского короля. При этом английская и голландская пресса резко критиковала Леопольда за переброску имперских войск из Италии и с Рейна в Венгрию. Император предстал в английских газетах как «деспот и варвар, преследующий венгерских протестантов», а венгры — «бедными повстанцами, которые защищают свои религию и свободу». Свифт писал, что «Леопольд принес в жертву своим личным интересам целый Союз...» Протестантская солидарность давала о себе знать. Венгерские события стали первой трещиной в отношениях между Империей и Морскими державами, хотя

Вена под давлением Лондона и Гааги и пошла на уступки Ракоци и вывела часть своих войск из Венгрии.

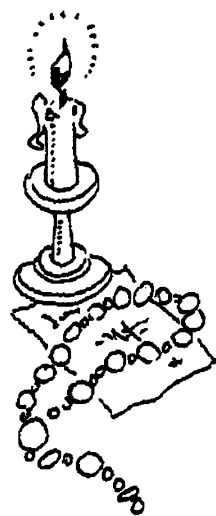
Знаменитый «поход на Дунай» начался маршем армий Мальборо на юг 5 мая 1704 года. При помощи искусного передвижения войск, засылки агентов, запутавших маршала Вильруа, Джон полностью дезориентировал французов. Те считали, что англо-голландская армия движется на Мозель. А Мальборо неожиданно повернул на юго-восток — навстречу имперской армии принца Евгения.

Для успеха кампании на Дунае Мальборо просто необходимо было перехитрить Вильруа. Одним из средств, применявшихся для этого, была дезинформация. Не принадлежала ли к числу подобных маневров «случайная» встреча английского полководца с якобитским агентом Натаниэлем Хуком? В своем донесении в Сен-Жермен о свидании с Мальборо, датированном 22 апреля 1704 года, Хук сообщал, что Мальборо говорил о своем желании исполнить свой долг в отношении династии Стюартов, которую он признавал законной. «Я не мог сомневаться в его искренности», — добавлял растроганный Хук. В чувствах Мальборо к Стюартам действительно трудно сомневаться, но это свидание вполне могло быть вызвано стремлением дезинформировать Людовика XIV об истинных намерениях герцога.

Правда, скрыть движение большой армии сложно. Сведения французских агентов о полках Мальборо регулярно поступали в Париж из немецких городов. Однако по ним еще нельзя было с уверенностью сделать вывод, куда именно идет англичанин.

Мальборо, в свою очередь, постоянно получал информацию о передвижениях французов. «Нельзя, — как-то сказал он Годолфину, — успешно вести войну без точных данных разведки». Герцог ввел важное новшество — разделил военную и политическую разведку. Военной ведал майор (позднее генерал) Уильям Кадоган, а политической — Адам Кардоннел.

Во время передвижения англо-голландской армии между Кобленцем и Майнцем Кардоннел получил два письма с приложениями, в которых раскрывались военные планы французов. Источником этих бесценных для Мальборо сведений



был некто Робтон, соединявший функции личного секретаря герцога Брауншвейгского и (с разрешения своего господина) обязанности английского шпиона. Этот человек получал от Мальборо крупные суммы денег и несколько лет снабжал его подробными сведениями из Парижа. Правда, к маю 1704 года на основе другой информации герцог и сам догадывался о содержании французского плана. Теперь же, получив подтверждение своим догадкам, он мог действовать более решительно.

Переправленные Кардоннелом письма Мальборо в Вену, Гаагу, Берлин, датированные 27 июля, показывают, насколько эффективно работала его разведка. Из них следует, что Мальборо узнал о приказе, который отдал Людовик XIV Вильруа, чуть ли не одновременно с маршалом. Сведения, которые добывала секретная служба английского полководца, плюс информация, поступавшая в штаб Евгения Савойского (тот тоже имел много агентов в Париже, включая даже почтмейстера Версаля), создавали полную картину расположения армии противника и намерений ее командования.

Считается, что герцог потратил на разведку около 340 тысяч фунтов. До сих пор неясно, какая часть этих денег (как и других средств, отпускавшихся на содержание армии) осела в его карманах и оседали ли там вообще деньги английской казны. Впоследствии политические противники Джона требовали от него отчета об использовании средств на секретную службу, но наткнулись на негодующий отказ со ссылкой на необходимость соблюдения военной тайны.

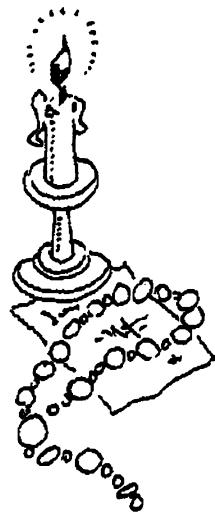
Вернемся, однако, к дунайской кампании. Один из биографов Наполеона отмечал: «Среди его предшественников, пожалуй, только Мальборо проявлял подобную способность — видеть всю кампанию в целом, а не только отдельные осады и битвы, и распознавать цель, ради которой проводились все военные операции». За три дня союзники достигли Кобленца, где герцог впервые встретился со знаменитым имперским полководцем. Он с некоторым удивлением увидел маленького человека, больше похожего на монаха, чем на солдата, но пылкого, с отчаянной итальянской жестикуляцией. Со своей стороны, принц Евгений был с первого взгляда очарован своим колле-

гой, его спокойствием, небрежными манерами придворного, ощущением исходящей от него силы.

На следующий день после их первой встречи Мальборо писал жене: «Принц Евгений в беседе напоминает лорда Шрюсбери (которого герцог, кстати, ценил. — *Л. И.*), с той существенной разницей, что он кажется мне гораздо искреннее... Я рад, что мне предстоит сотрудничать с принцем». А Евгений чуть позже заявил голландскому генералу Гоору: «Лорд Мальборо — человек великого духа, мужественный, любезный, с желанием вернуть Англии то, что она может потерять. Он очень ответственная персона...» Гоор передал своему главнокомандующему эти слова.

В жизни Евгения Савойского, которого Наполеон причислял к самым выдающимся полководцам в истории, много загадочного. Он не оставил мемуаров, никогда не был женат, его личная жизнь покрыта тайной. Родился принц в Париже в 1663 году, то есть он был почти на тринадцать лет моложе Джона Черчилля. Его мать была племянницей первого министра Франции кардинала Мазарини. В 1680 году, обвиненная в отравлении своего мужа, ранняя смерть которого вызвала много толков, а также в черной магии и колдовстве, она была вынуждена спешно покинуть королевство. Евгений вместе с братьями остался во Франции.

Молодой человек был небольшого роста и имел непропорциональную фигуру. По мнению Людовика XIV, тщедушному юноше следовало стать аббатом, но Евгений мечтал о военном поприще и поэтому усиленно занимался физическими упражнениями. Он просил у короля разрешения вступить во французскую армию, но получил отказ, причину которого Людовик объяснил так: «Просьба была скромной, а проситель — нет. Никто до сих пор не осмеливался смотреть мне прямо в лицо так дерзко, как злой ястреб». Говорили, что после этого Евгений поклялся никогда не возвращаться во Францию иначе как с мечом в руке, а его ненависть к Людовику не угасала вплоть до смерти короля. Он решил поступить на военную службу к императору и однажды тайно уехал из Франции. В отличие от Людовика Леопольд в армейской службе ему не отказал, и уже в 1683 году, в сражении с турками под Веной, принц



Евгений получил возможность проявить свое незаурядное мужество, после чего в 23 года его произвели в генерал-майоры.

Всю свою жизнь он был равнодушен к женщинам (некоторые историки приписывают ему гомосексуализм) и презирал золото. Но любопытно, что в парке его дворца Бельведере все сфинксы имеют женские признаки. Его не стоит идеализировать: принц отличался крайней безжалостностью. Однажды голландский посол посетовал, что имперские войска сожгли две сотни деревень в Трансильвании. Евгений шокировал его одной короткой фразой: «Я желал бы, чтобы их было две тысячи или даже больше». Впрочем, это вполне соответствовало международно-правовым понятиям того времени, делившим народы на цивилизованные и нецивилизованные. Венгры, с точки зрения французов, англичан, немцев, итальянцев, относились к последним. Леопольд питал к Евгению Савойскому почти безграничное доверие, видя в нем спасителя от турецкой опасности, а затем и от французской.

Переписка между Мальборо и принцем Евгением, диктованная военно-политической необходимостью, началась задолго до их встречи. Первое письмо от Мальборо принц получил после победы своих войск при Луццаре в Италии 15 августа 1702 года. «Месье, уже давно моя честь подсказывала мне написать вашей светлости в надежде получать от вас новости и своими делиться; битва, в которой вы так счастливо разбили врага, укрепила общее положение... Для всех нас есть большая необходимость бороться вместе... Я прошу вас подумать об этом и надеюсь на скорую встречу. Примите мое уважение и восхищение...» Уважение и желание действовать во имя общего блага были высоко оценены имперским полководцем. Переписка велась на французском — модном языке общего противника, поскольку принц Евгений не знал английского. При этом Мальборо писал четко, большими буквами, а Евгений — с ошибками и весьма неразборчивым почерком.

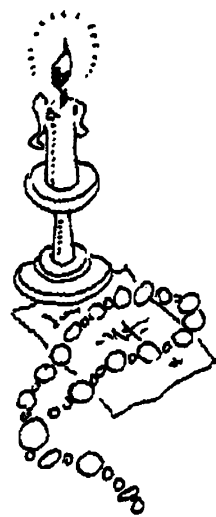
Вскоре они стали понимать друг друга с полуслова. На протяжении войны между ними существовало столь тесное взаимопонимание, что современники стали их сравнивать с мифическими братьями-близнецами Кастором и Поллуксом. «Два генерала провели несколько часов вместе в одной ком-

пании, и с тех пор началось их славное братство по оружию, которое никакая победа или поражение не могли разрушить и которого история войн еще не знала. Они думали и говорили о войне в одной манере, а в действии они были двумя телами с одной душой» — так описывал их сэр У. Черчилль. Эти люди безгранично любили войну, а различия в характере и образе жизни, наоборот, способствовали более гармоничному взаимодействию. Мальборо был не только храбр, но и расчетлив, а Евгений, страстная натура, был склонен к импровизации на поле боя. Принц сразу признал за Мальборо верховное командование, а тот, в свою очередь, не принимал серьезных решений без его участия.

Полководцы договорились удерживать линию по Рейну, пока к ним не присоединится главнокомандующий имперской армией в Южной Германии маркграф Людвиг Вильгельм Баденский, а затем идти в Баварию. Однако маркграф, обиженный тем, что его только в последний момент ознакомили с планами кампании, не согласился с идеей захвата Баварии и стал требовать переговоров с Максом Эммануэлем, которому, как подозревали Мальборо и Евгений, он симпатизировал. Оба полководца понимали, что это не приведет к победе. Компромисс не был найден, и под Аугсбургом Людвиг Вильгельм со своим 10-тысячным войском покинул союзную армию. Причина этого поступка была еще и в том, что имперские князья считали себя самостоятельными суверенами и, как правило, ставили свои интересы выше имперских.

Евгений Савойский осуждал маркграфа. Его письма в Вену полны сетований на разногласия с маркграфом и сомнений в успехе намеченного предприятия, от которого он ждал «мало хорошего». Войск у него и Мальборо после ухода маркграфа было и вправду маловато. Франко-баварская армия была хорошо подготовлена — у нее хватало пушек, провианта и амуниции, а Савойский в этом смысле сильно зависел от имперских князей. В то же время Мальборо излучал уверенность. Неудивительно, что именно он стал лидером в дуэте двух полководцев.

Впрочем, ситуация в стане французов и баварцев тоже складывалась не лучшим образом. В конце 1703 года тем-



пераментный провансалец Виллар молниеносно захватил Кель недалеко Страсбурга и с 50-тысячной армией двинулся в Баварию. Дорога на Вену, в сердце Империи, была практически открыта. Однако не терпевший возражений и «медленной войны» («Гибнут только в обороне» — таков был его девиз) Виллар умудрился поссориться с высокомерным баварским курфюрстом Максом Эммануэлем, который также претендовал на первенство в командовании объединенной армией. Разлад между полководцами привел к тому, что блестящая возможность нанести Империи сильнейший удар была упущена.

Максу Эммануэлю иногда приписывают желание стать императором, но он стремился лишь к расширению влияния Баварии в Империи и получению в наследственное управление Южных Нидерландов. Амбициозному курфюрсту вступать в конфликт с маршалом не следовало. Ведь Виллар умел, как никто во французской армии, устанавливая личный контакт с солдатами и личным примером укреплять их моральный дух. «Солдат, постоянно пребывая в жестоком мире, нуждается в добром слове, и от этого слова зависит его добрая воля», — писал полководец в своих мемуарах. Некоронованная королева Франции мадам де Ментенон высоко оценивала этого человека: «У нас есть генерал, который верит в солдата, верит во Францию и в себя самого». Но Макс Эммануэль потребовал Виллара удалить, Людовик пошел ему навстречу, а прибывшие в Баварию вместо Виллара маршалы Марсен и Таллар не могли остановить продвижение союзников.

2 июля Мальборо и Евгений Савойский взяли Шелленберг, затем переправились через Дунай у Донауверта. Горы, леса и плодородные равнины Баварии поразили Джона Мальборо своей красотой. В письме к жене он почти жаловался: «Надеюсь, ты веришь мне, что вся моя натура возмущается, когда я бессовестно опустошаю столько прекрасных мест...» Но война есть война.

Кампания грозила затянуться, так как франко-баварская армия заняла прекрасную оборонительную позицию под Аугсбургом. Поэтому англо-голландские и имперские войска принялись систематически опустошать округу в надежде вы-

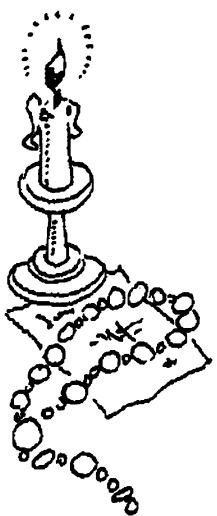
нудить Макса Эммануэля заключить сепаратный мир. Тем временем на помощь баварскому курфюрсту подоспел Таллар.

Вечером 12 августа 1704 года союзники подошли к небольшому селению Бленхайм, неподалеку от которого расположилась лагерьм франко-баварская армия. Французы и баварцы не ждали сражения, так как численно превосходили противника. Тем не менее рано утром следующего дня Мальборо и Савойский решили их атаковать.

В целом французы и баварцы располагали 78 батальонами и 143 эскадронами (около 55 тысяч человек), Мальборо и принц Евгений — 66 батальонами и 160 эскадронами (около 45 тысяч человек). Впрочем, данные как о численности обеих сторон, так и об их расположении на местности в источниках расходятся. Существует даже путаница в определении места знаменитого сражения. В англо-американской литературе это битва при Бленхайме, а французы и немцы чаще пользуются названием Хохштедт. Нередко можно встретить написание Бленхайм (Хохштедт), где за двумя названиями подразумевается одно место. Между тем это два разных географических пункта, а битва проходила как раз между ними, но, заметим, ближе к деревне Бленхайм. Получается, что англичане все-таки более точны в этом вопросе.

13 августа было одним из самых жарких летних дней. В 3 часа утра в полной темноте англичане перешли реку Кессель и в 6 часов возникли в зоне видимости противника. Таллар был удивлен — как Мальборо потом рассказывал об этом, «он не ожидал такого раннего визита». Французский маршал тем не менее тут же начал подготовку к обороне своих позиций. Союзники не дали французам ее закончить и в 8 часов пошли в атаку. Начало было для них многообещающим, но затем французам удалось отбросить кавалерию Евгения Савойского, и неизвестно, как бы развивались события дальше, если бы не пассивность Таллара, решившего отсидеться в обороне.

К 13 часам английским кавалеристам удалось прорвать защитные порядки Таллара и ударить по частям Марсена. Английский полководец применил удачную тактику, смешав кавалерию и пехоту. Вовремя подоспели и рейтары Евгения Савойского. При этом французы и баварцы не координирова-



ли действия, и Макс Эммануэль, блокированный пехотой Савойского, не пришел Таллару и Марсену на помощь. Правда, в один момент центр войск Мальборо был нарушен, и ганноверцы принца Гольштейна под напором ирландской бригады во французской армии отошли назад, а сам принц оказался в плену. Мальборо тут же послал ганноверцам на помощь свежие эскадроны и отбросил ирландцев назад на их прежние позиции. В 17 часов он дал сигнал к решающему наступлению. Следующие несколько часов принесли союзникам полную победу. К наступлению темноты от французских полков остались жалкие остатки, которые Марсен увел к Страсбургу. Не намного лучше выглядела армия Макса Эммануэля.

Общие потери французов составили 30 тысяч человек. Было взято в плен 11 тысяч (среди них и Таллар) и захвачено 150 орудий. Для Людовика XIV чуть ли не самым печальным обстоятельством стало уничтожение его любимого Наваррского полка. Победители же потеряли 11 тысяч солдат (по данным самого Мальборо — 10 тысяч).

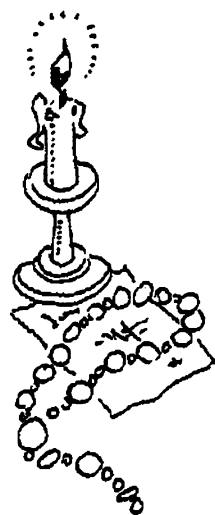
Союзные полководцы остались довольны друг другом. Джон, однако, написал жене: «...Армия месье Таллара, против которой я выступал, разгромлена; что же касается баварского курфюрста и маршала Марсена, которых атаковал Евгений, то я боюсь, что они не понесли таких больших потерь... Если бы успех принца был равен его достоинствам, мы могли бы в один день закончить войну». Императору же он сообщил, что «принц Евгений в сражении дважды спасал положение...» А английский посол в Вене лорд Степни выразил общее мнение: «Наши генералы действуют в такой совершенной гармонии, как будто они близнецы».

Лондон отпраздновал победу с большой помпой. Возвратившись 14 декабря на Альбион, Мальборо впервые почувствовал, что такое триумф. На него просыпался град почестей. Джон получил личную благодарность от Анны в виде ежегодной прибавки к жалованью 5000 фунтов и королевского поместья в парке Вудстока размером в 22 тысячи (в литературе фигурирует и цифра 18 тысяч) акров земли. Парламент и Сити пообещали выделить миллион фунтов на сооружение в честь победы на Дунае «монумента славы» в Вудстоке — дворца Бленхайм. В анналах английской истории не было таких пре-

цедентов, еще ни один слуга короны не удостоивался такого предложения увековечить свою славу.

Постройку дворца поручили модному архитектору Джону Ванбру, выигравшему конкуренцию с Кристофером Реном. К этому времени Ванбру уже прослыл талантливым комедиографом, побывал военным и шпионом. Острый насмешливый ум Ванбру и довольно высокое положение в партии вигов помогали ему заводить полезные знакомства. Благодаря одному из них честолюбивый драматург стал архитектором аристократов, что вызвало язвительное замечание Свифта: «Гений Ванбру без всякого размышления и обучения внезапно обратился к архитектуре». Вступление Ванбру на архитектурную стезю не стало исключительным явлением — дилетанты на архитектурном поприще были характерной особенностью того времени. Но его практика была достаточно обширна, поэтому его нельзя сравнивать с многочисленными дилетантами от архитектуры, построившими одно или два здания.

Этот человек прекрасно ориентировался в веяниях моды. Носители новых громких титулов — графы Орфорды, герцоги Девонширы и многие другие — безжалостно сметали с лица земли древние, но сравнительно скромные жилища своих предков, чтобы воздвигать на их месте грандиозные строения. Мания величия, вдохновлявшая сооружение этих резиденций, проявлялась в размерах зданий. В 1699 году Ванбру стал личным архитектором лорда Карлайла. Без предварительной подготовки он спроектировал для него замок Ховард в Йоркшире. Попытавшись соединить версальский размах с английским комфортом, Ванбру поразил современников размерами своей первой постройки. Ее протяженность равнялась 200 метрам, глубина — почти 130, высота центрального купола превышала 70 метров. О том, какое впечатление производила такая резиденция, можно судить хотя бы по реакции писателя Горация Уолпола (сына Роберта Уолпола), посетившего Касл-Ховард. «Я не был никем предупрежден, что я сразу увижу дворец, город, крепость, храмы на возвышенностях, леса, достойные быть столицами друидов, долины, соединяющиеся своими рощами с холмами, благороднейшие на свете поляны, окруженные полукружием горизонта, и мавзолеей, который мог бы возбудить желание быть заживо в нем погребенным».



Теперь одаренному дилетанту выпала честь строить не просто усадьбу богатого аристократа, а памятник государственного значения, который мог до известной степени соперничать с Версалем. И, несомненно, Версаль маячил в воображении Ванбру, когда он приступил к строительству Бленхайма.

Сара была непомерно горда и счастлива. Куда делась ее недавняя обида на мужа?

22 июня 1705 года Ванбру доложил Мальборо, что «первый камень Бленхайма со многими другими заложен в прошлый понедельник».

Битва была кровавой.
Холмы были сожжены,
Фортификации разрушены,
Враг бежал, победа осталась за нами...

Эту незамысловатую надпись на одной из колонн будущего дворца предложил высечь военный министр Генри Сент-Джон.

Годолфин посоветовал блестящему поэту, драматургу, журналисту и просветителю Джозефу Аддисону написать поэму, восхвалявшую победу при Бленхайме. Аддисон охотно согласился и быстро выполнил заказ. Поэма называлась «Поход» и была одобрена как в верхах, так и у широкой публики.

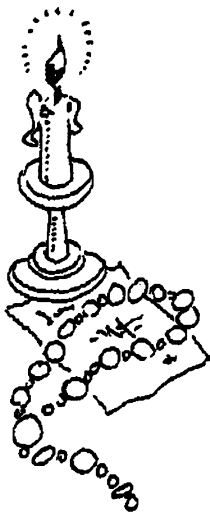
Какие строфы, Муза, мне нужны,
Чтобы воспеть безумие войны,
Смятенье войск, тревожный барабан,
И стоны тех, кто изнемог от ран,
Подавленные яростным «ура»,
И в чистой синеве полет ядра,
И битвы надвигающийся шквал,
Где Мальборо великий доказал,
Что можно в бегство обратить народ,
Но полководец с места не сойдет!
Среди волненья, стонов и молитв
Он свысока взирал на ужас битв,
И взор его был светел, примирен.
Он выручал разбитый эскадрон,
На подкрепление высылал отряд
И отступивших возвращал назад.
Так, помня Вседержителя указ,
Верховный ангел наказует нас

(Так было в дни, когда гроза и мгла
На бледную Британию сошла).
Объятый вихрем, он летит вперед,
И молниям сродни его полет.

Как констатировал Уильям Теккерей, сравнение герцога Мальборо с ангелом было «величайшим из всех, какие когда-либо создавала поэзия». Так начиналась легенда, которую скоро, оформив в биографию, распространил капеллан Фрэнсис Хэ. Годолфина поэма привела в восторг, и он тут же отблагодарил ее автора: Аддисон получил прекрасно оплачиваемую должность уполномоченного парламентской комиссии по рассмотрению апелляций. Прежде эту должность занимал выдающийся философ Джон Локк.



Военный гений Мальборо признали и в Европе. Леопольд I наградил герцога именем Миндельхайм и титулом князя Священной Римской империи. Впрочем, имя было утрачено в результате Утрехтского мира 1713 года, но титул, связанный с ним, до сих пор принадлежит потомкам герцога, которым также была установлена пенсия в 4000 фунтов; она выплачивалась в течение следующих 173 лет.



Неизмеримо возрос и авторитет Евгения Савойского. Стоит заметить, что несколькими днями после сражения принц написал Леопольду и его сыну Иосифу, что не желал ничего более, как заслужить их «благосклонность и милость». Евгений не приписывал победу себе, а информировал своих корреспондентов о помощи, полученной от Мальборо. На своего полководца, однако, император потратил куда меньше: он просто заплатил за Евгения 6000 гульденов городу Вене за освобождение от налогообложения его дворца на Химмельфоргассе.

Французский король всегда бурно радовался военным успехам, заказывая молебны в честь побед и устраивая роскошные праздники. В то же время он хранил невозмутимость, когда приходили плохие или даже очень плохие новости. Согласно наблюдениям одного из придворных Версаля Луи Данжо, Людовик перенес поражение при Хохштедте «с невозможной твердостью». Данжо пишет, что было «невозможно



выказать больше смирения перед волей Господа и большей силы духа, но он не понимает, как могли 26 французских батальонов сдать в плен...» В Версале из уст в уста передавали слова Таллара: «До Бленхайма я чувствовал себя Цезарем, а теперь — Помпей...»¹

Политические последствия победы при Бленхайме-Хохштедте были весьма весомы для всего континента. Марш французов и баварцев на Вену был остановлен — Людовик XIV эвакуировал все свои войска из Южной Германии. Макс Эммануэль, потерявший свою армию, 7 ноября 1704 года подписал договор о капитуляции с императором. Он назначил свою жену Марию Антонию регентшей в Мюнхене, а сам уехал в Брюссель, сохранив за собой должность штатгальтера Испанских Нидерландов. В дальнейшем, оправившись, он продолжил плести интриги против Вены и даже повоевал в составе французской армии. Но сама Бавария, временно перейдя под юрисдикцию императора, была выбита из военной игры. Это была первая по-настоящему крупная победа сил Великого союза в этой войне. По мнению немецкого историка Конрада фон Аретина, «в этот день принц Евгений и Мальборо сохранили Империю еще на целое столетие». Так это или нет, но в любом случае на территории наследственных земель Габсбургов военных действия уже больше не было.

Хохштедт-Бленхайм стал последним «чудом австрийского дома», которое увидел тяжело больной император Леопольд. 5 мая 1705 года этот много переживший на своем веку и немало сделавший для возвышения своей державы правитель отойдет в мир иной. Политический соперник короля Людовика ушел со сцены первым и задолго до окончания спектакля, но много ли это изменило? Пожар Войны за испанское наследство только разгорался. Бленхайм лишь посеял иллюзию скорой победы над «королем-солнце».

¹ Битва при Фарсале в Греции в 48 году до н. э. решила исход борьбы между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем Великим за единоличную власть над Римом.

IX. Первый человек в Европе

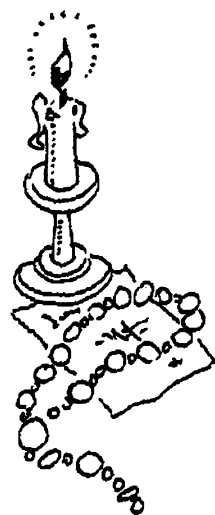
Он располагал властью более чем абсолютной. Рост его влияния умножался с его победами... О его триумфах знала вся Европа.

*Из надписи
на Колонне Победы дворца Бленхайм*



Успех герцога Мальборо и принца Савойского на Дунае быстро компенсировался опасным развитием ситуации в Северной Италии. Положение герцога Савойи Виктора Амадея было отчаянным — к Милану стягивались войска непобедимого французского полководца герцога Вандома. Морские державы кормили Виктора Амадея обещаниями, а требовали немало. «Я предоставлю вам помощь моего флота... но взять Ниццу и Вильфранш — исключительно ваша обязанность», — писала герцогу королева Анна в мае 1704 года. Виктор Амадей мог рассчитывать только на новый итальянский поход Евгения Савойского. Он уже раскаивался, что перешел на сторону Великого союза.

В 1704 году перед Великим союзом вообще встала задача не допустить ухода колеблющихся членов. Прежде всего Империя была озабочена позицией Пруссии. Хотя Леопольд и признал за Фридрихом I королевский титул, он не смог выполнить перед ним финансовые обязательства и не передал ему, как обещал (впрочем, весьма неопределенно), владения бездетного Вильгельма III Оранского Линген и Моорс. Все наследство Оранского дома, по завещанию Вильгельма, досталось Иоганну Вильгельму Нассау-Дицу. Морские державы это одобрили, и Вена не стала с ними спорить. Фридрих, пославший 14 тысяч солдат на помощь Леопольду, возмутился и заявил, что, если Вена не выполнит обещаний, он отзовет свои полки. Леопольд уступил и попытался сделать хотя бы то, что было в его силах: устроил на зимние квартиры бывших в его армии прусских солдат и послал принца Евгения и графа Вратислава к Мальборо с просьбой поспособствовать удовлет-



ворению финансовых appetитов Берлина, дабы удержать его в Великом союзе.

В результате Джон еще до своего приезда в Англию в начале осени 1704 года предпринял вояж в Берлин, где обещал Фридриху субсидию в 300 тысяч крон, а взамен заручился обязательством короля предоставить 8000 солдат для войны в Италии. Затем Мальборо посетил Ганновер, где без особых проблем курфюрстина София Ганноверская, которой он наговорил много любезностей и польстил ее умению хорошо выглядеть, согласовывать с ним свои действия. Курфюрстина обладала способностью видеть, кто есть кто, — именно она раньше всех распознала в царе Петре будущего великого правителя. Впрочем, где бы Мальборо ни появлялся, везде его встречали как спасителя Европы — его деловое путешествие превращалось в триумфальное шествие, и это во многом помогало его дипломатии.

Военный успех Мальборо поколебал позиции якобитов и крайних тори. Командующий английскими войсками в Испании граф Питерборо, поздравляя герцогиню Мальборо с победой ее супруга при Бленхайме, заметил: «Политическая победа дома, в Англии, не менее важна, чем военная удача за границей». Годолфин и Мальборо все больше склонялись в сторону вигов. Герцог все яснее понимал, что виги — партия действия, а поскольку он сам был человеком действия, то ему с вигами было по пути.

Весной 1705 года виги завоевали большинство мест в палате общин. Для королевы это было подобно холодному душу. После этого в ее отношении к Саре появилась сдержанность, поскольку Анна стала считать наперсницу чем-то вроде агента вигов. Герцогиня Мальборо, однако, полагала, что ее влияние незыблемо и не меняла обычного поведения. Жизнь в ней по-прежнему была ключом — она была душой всех балов и ассамблей.

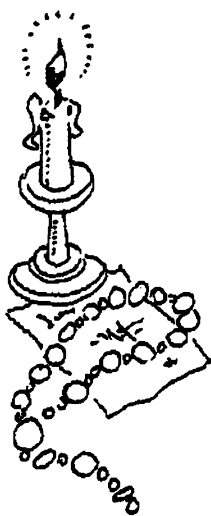
После Бленхайма Людовик XIV отнюдь не был сломлен. В 1705 году Франция смогла выставить 250-тысячную армию. На заседаниях Военного совета Людовик особое внимание обращал на восточное направление, куда двинулись, сняв-

шись с зимних квартир, английские полки — «лучшие войска союзников».

Военные планы Великого союза основывались на совместных действиях Мальборо, герцога Лотарингского и Людвига Вильгельма Баденского. Основной целью была крепость Саар-Луи. Предполагалось, что после ее взятия герцог Лотарингский подойдет к границам Франции, и тогда можно будет диктовать Людовику условия мира. Принц Евгений должен был идти в Савойю, на помощь Виктору Амадею, а голландскому генералу Оверкирку предстояло нейтрализовать франко-испанские силы в Нижних Нидерландах. Но все эти планы хороши были на бумаге. Прибыв 14 апреля 1705 года в Гаагу, Мальборо узнал, что голландцы отказываются воевать под единым командованием (то есть под командованием самого Мальборо), и поэтому выступление англо-голландской армии к Маастрихту и Треве откладывается. К маю сторонам удалось договориться, но время было упущено.

В конце мая союзная армия, наконец, двинулась на Трионвилль и Мец — сердце французской обороны на востоке. В случае удачи ей открывалась прямая дорога на Париж. Мальборо рассчитывал на помощь Людвига Баденского, но тот не спешил выступать, оправдывая это поздним прибытием прусских подкреплений. В итоге вместо планируемых 90 тысяч в наступлении союзников приняли участие только 50 тысяч. Тем проще было Виллару это наступление отразить. Это была одна из лучших кампаний французского маршала, который, однако, скромно заметил: «Я сожалею, что принц Баденский нарушил свое слово, и только его считаю ответственным за удачу наших планов». Мальборо вынужден был отступить, он расположился лагерем у Люттиха (Льежа) и ждал подкреплений.

Параллельно этим событиям Евгений Савойский снова перешел Альпы, чтобы поддержать Виктора Амадея. После обильных весенних дождей реки разлились, перейти их без понтонов стало невозможно. Продвижение имперской армии к Пьемонту задерживалось. Имперский полководец сообщал Мальборо, что дела плохи и он не знает, что ему делать с двумя армиями противника.



Все это время Джон регулярно переписывался с Евгением. Казалось, этих двух людей связала незримая нить. Сравнивая послания Мальборо к Саре и Годолфину с письмами к Евгению, можно заметить, что они выдержаны в одной тональности. В этих письмах Мальборо позволял себе жаловаться. В июне 1705 года он был обескуражен успехами французов, ругал голландских генералов, предпочитавших оборону, и писал о желании оставить службу. Со своей стороны, Евгений жаловался Мальборо на Виктора Амадея и на то, что императора Иосифа мало интересуют испанский фронт и поэтому он не сможет, как желал бы, возглавить армию в Испании.

Испания в это время была единственным театром военных действий, где союзникам сопутствовал успех. 1 августа 1704 года адмирал Рук на свой страх и риск бомбардировал и взял Гибралтар — ключ от Средиземного моря. Филипп V предпринял попытку Гибралтар отбить. Утром 24 августа 1704 года состоялась битва флотов неподалеку от Малаги. Французский флот под командованием 26-летнего графа Тулузского, побочного сына Людовика XIV, и графа д'Эстре насчитывал 96 кораблей. Англичане и голландцы располагали всего 68 кораблями под началом Рука, вице-адмирала Джона Лейка и двух голландских адмиралов. Битва продолжалась тринадцать часов, сопровождалась большими потерями, но ни одна сторона не сумела одержать победу, и Гибралтар остался за англичанами. Впрочем, послал в Версаль реляцию о победе. И сегодня исход этого сражения интерпретируется англичанами и французами по-разному. Если первые считают, что битва закончилась вничью, то вторые утверждают, что то была их победа, которая «помешала превратить Средиземное море в британское озеро».

Как ни парадоксально, смерть Леопольда I 5 мая 1705 года улучшила положение его младшего сына в Испании. Иосиф был больше заинтересован в оказании помощи брату. 24 июля английский флот в составе 43 линейных кораблей под командой адмиралов Шовела и Альмонда отплыл из Лисабона. Эрцгерцог Карл, он же король Карл III, находился на борту флагманского судна «Великобритания». 4 августа флот появился близ Гибралтара, а шестью днями позднее — в порту Альтеа в Валенсии. 9 октября перед Карлом III капитулировала

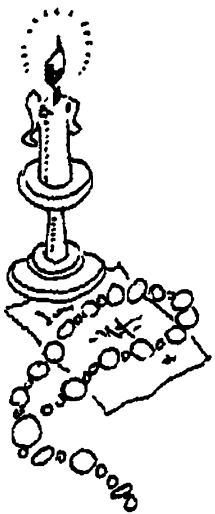
Барселона, и уже к концу года в руках «второго» испанского короля оказались Каталония и Валенсия.

Несмотря на этот успех, непонимание между Лондоном и Веной все углублялось. Иосиф I был поклонником Мальборо, но это не отражалось на его отношении к английскому послу Степни, посредничавшим, как казалось императору, в пользу венгров на переговорах с Ракоци. Иосиф игнорировал Степни, и это вызвало кризис в англо-австрийских отношениях.

Поэтому неудивительно, что всю осень 1705 года Мальборо занимался дипломатией. Сначала он отправился в Вену. Миссия прошла удачно. Иосиф дважды приглашал англичанина на аудиенцию и подарил ему бриллиант. Мальборо на время погасил огонь недоверия императора к английской политике и уговорил его смягчиться в отношении венгерских повстанцев. «Если вы этого так желаете, милорд, я подумаю об амнистии мятежникам», — пообещал Иосиф.

Конечно, главную роль здесь сыграли деньги. Английский заем в размере 250 тысяч фунтов предотвратил финансовый крах Вены и дал ей возможность продолжать войну. Большая часть этих средств пошла за Альпы, к Евгению Савойскому. Иосиф также пообещал выплатить субсидии Фридриху I. С этой вестью Мальборо отправился в прусскую столицу. Здесь его дипломатии также сопутствовал успех: Фридрих подписал новый договор с Веной, послал 12 тысяч солдат в имперскую армию и еще 5000 наемников в голландскую.

Размышляя о предстоящей кампании 1706 года, Мальборо пришел к выводу, что все ее важные события должны произойти вне Фландрии. Его мысли были заняты то Испанией, то Италией... Весной он всерьез задумался о походе в Италию, где 19 апреля 1706 года при Кальчинато Вандом разбил имперского полководца Ревентлау. Но по прибытии в Гаагу 25 апреля его опять ожидало разочарование. Голландцы, поначалу неплохо принимавшие идею марша в Италию, вдруг стали опасаться, что Мальборо оставит их страну на произвол судьбы, и потребовали гарантий. Датчане, ганноверцы, гессенцы и пруссаки стали выискивать причины, чтобы отозвать из союзной армии свои полки. А твердолобый маркграф Баденский



вообще отказался обсуждать какие-либо планы. Джон хранил невозмутимость, но внутри его все клокотало. Палата общин уже выделила 334 тысячи фунтов на итальянскую кампанию, а королева Анна секретно дала ему особое разрешение «идти маршем в Италию», даже если голландцы от похода откажутся. Да и в армии царили «итальянские» настроения. Автор известных впоследствии мемуаров капитан Паркер писал, что «все были уверены, что герцог планировал перебросить нас в Италию... это был бы прекрасный поход».

В начале мая ситуация внезапно изменилась. Пришло известие, что Версаль двинул войска против Людвига Баденского. 1 мая французы захватили Хагенау и заставили маркграфа отступить на восточный берег Рейна. Это похоронило перспективы переброски значительной части сил союзников из Фландрии в Италию. По сути, Мальборо вынужден был топтаться на месте. Все, что он смог сделать, — это отправить за Альпы 10-тысячный голландский корпус Кадогана. 9 мая он писал Саре: «Моей дорогой душе трудно вообразить, какие нелегкие мысли одолевают меня каждый раз, когда я думаю, что в свои годы я провожу время в другой стране и далеко от тебя, и в то же время имею малые перспективы быть способным сослужить значимую службу своей стране и общему делу».

Правда, уже на следующий день он написал императору, что его «внимание обратилось к точке зрения Генеральных штатов, к проекту войны в Нидерландах. Это место, где противника нужно разбить быстро и эффективно». Таким образом, главное место в стратегии Мальборо — пусть даже и против его воли — теперь заняла Фландрия.

Кампания 1706 года проходила столь удачно для Великого союза, что его называли в Англии «годом чудес». А для Франции этот год был «верхом несчастий». 23 мая две армии сошлись у местечка Рамильи во Фландрии. У союзников было 35 тысяч пехотинцев и 29 тысяч всадников, у французов — 40 и 35 тысяч. Как писал после сражения его участник граф Оркни, Мальборо действовал с исключительной решительностью. Битва началась в полдень и закончилась уже к 17 часам. После ложного маневра у правого фланга противника герцог ударил по французской коннице. Свою он построил в три линии, что

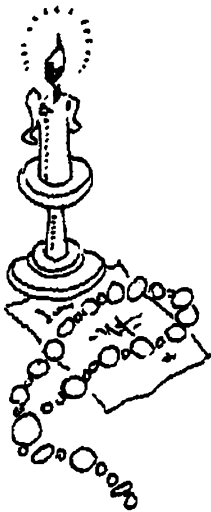
давало возможность вводить в дело свежие резервы. Это во многом решило дело, поскольку крупный отряд из 14 эскадронов спешенных драгун и двух батальонов пехоты, посланный Вильруа для подкрепления своих войск, был встречен конным резервом союзников и частью изрублен, а частью обращен в бегство. Когда же французы неожиданно контратаковали и внесли смятение в ряды союзников, эти резервные эскадроны еще раз сыграли важную роль, остановив французскую атаку и дав возможность союзной пехоте восстановить нарушенные порядки.

Пока происходили эти события, герцог приказал перевести с правого крыла двадцать свежих эскадронов. Удар их был страшен: правый фланг французской конницы был отброшен к центру. Последовавшая затем атака по всем направлениям окончательно потрясла французов. Они потеряли около 10 тысяч человек, 5000 было взято в плен и около 1000 дезертировало. Среди пленных оказались племянник маршала Люксембурга и сын маршала Таллара.

В письме Саре Джон в подробностях описал ход битвы и завершил его словами: «Я люблю тебя больше, чем могу выразить».

Госсекретарь Харли тогда заметил: «Эта славная победа имела успешное продолжение, а милорд Мальборо за 5 дней совершил то, что мы бы сделали за 4 года. Он принес радость своим друзьям и горе врагам». Никто, правда, тогда не думал, что битва у Рамильи войдет и в историю моды. В память победы герцога Мальборо над французами у этой деревни будет впоследствии назван... парик. Рамильи — это парик с заплетенной косой. Очевидцы утверждают, будто бы Мальборо, чтобы ему во время сражения не мешали кудри огромного по той моде парика, приказал их заплести в косу.

Удача продолжала сопутствовать армии союзников. Их успехи на Пиренейском полуострове вынудили Людовика XIV перебросить Вандома с его армией из Италии в Испанию. Это развязало руки принцу Евгению и Виктору Амадею. Сначала они устремились к Турину, гарнизон которого под командованием генерала Дауна выдерживал осаду 30-тысячной французской армии герцога Орлеанского, герцога де ла Фейяда



и маршала Марсена. Французы оказались в сложной ситуации, поскольку им было необходимо выдвинуться навстречу противнику, продолжая в то же время осаду. Из-за этого в линии их полевых укреплений зияла дыра. Именно в это место, оборонявшееся примерно 12–13 тысячами человек, 7 сентября направил основной удар Евгений Савойский. Одновременно в тыл французской армии совершил вылазку туринский гарнизон. В итоге французы были разбиты. Причиной поражения была не только решительность принца Евгения, избравшего наиболее удачный момент и место для нанесения главного удара, но и несогласованность действий трех французских командующих.

Евгений Савойский запретил упоминать в победной реплике свое имя. Он был настолько скромен, что в письме к Мальборо приписывал ему успех под Турином: «Милорд, герцог и князь! Ваше незримое присутствие постоянно здесь ощущалось... За мою удачу я должен благодарить вас...» А вот участие в битве под Туринном Виктора Амадея было запечатлено в роскошной базилике Суперга мастером Филиппо Юваррой.

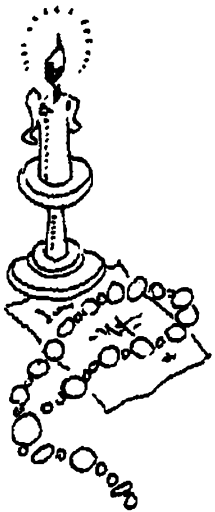
Победа под Туринном решила судьбу Северной Италии, поскольку продвижение французской армии в восточном направлении было блокировано. Вскоре один за другим пали все опорные пункты французов в Италии: Мантуя, Модена, Казале... Милан сдался на милость победителя в конце октября. Одна Савойя оставалась за французами, которые до конца войны отбивали попытки союзников отвоевать герцогство.

В письме Саре Джон оценил удачу принца Евгения очень высоко: «Эта победа ударила по Франции столь сильно, что если наш Друг предпримет еще один такой поход, мы с Божьей помощью сможем заключить мир». Что характерно, очень скоро противники Мальборо начнут упрекать его в излишней воинственности, на самом же деле, как видно из его писем, он стал думать о мире, возможно, даже раньше их. Сара всячески старалась раскрыть мужу глаза на коварство и ненадежность некоторых людей из его окружения. Уже с конца 1705 года она предупреждала супруга и Годолфина быть осторожными с Харли и Сент-Джоном.

В отличие от многих современников, которые думали, что Бурбоны уже не оправятся от полученных ударов и победа близка, Мальборо трезво оценивал ситуацию. И дело тут было не только в Бурбонах. По словам У. Черчилля, «в конце 1706 года Великий союз опять оказался неспособным вытерпеть успех». Когда союзная армия с триумфом промаршировала через Фландрию, голландские политики вообразили, что Франция больше не представляет угрозы балансу сил. Они решили, что с завоеванием Испанских Нидерландов Соединенные провинции уже достигли своей цели. Кроме того, они без энтузиазма восприняли заявление императора о том, что верховная власть в Бельгии должна принадлежать Карлу III. Тогда Иосиф от имени «короля Испании» предложил Мальборо стать штатгальтером Испанских Нидерландов. С ним согласилась, несмотря на возражения Генеральных штатов, королева Анна.



Предложение выглядело заманчиво, и сердце Джона готово было выскочить из груди: перед ним маячила перспектива управлять солидной по размеру территорией с ежегодным доходом в 60 тысяч фунтов. Получив его, он сначала мерил шагами свой кабинет, затем выпил полбутылки вина, вскочил на коня и поскакал в неизвестном направлении. Вернувшись с верховой прогулки, он, однако, отказался от управления Бельгией. «Я предпочитаю дружбу Генеральных штатов моему личному интересу», — заметил он Хейнсиусу, а Годолфину написал, что сделал это из опасения подтолкнуть Голландию к сепаратному миру.



В конце концов компромисс по Бельгии был достигнут — с июля 1706 года Испанскими Нидерландами стал управлять от имени Карла III Государственный совет при совместном регентстве Англии и Голландии, которых представляли Мальборо и Иоганн Ван ден Берг.

Результаты кампаний 1706 года вынудили Людовика XIV прощупывать почву для мирных переговоров. В этом же году один из архитекторов военной политики Франции маршал Вобан представил королю «Проект достаточно рационального мира». Он считал, что на суше Франция впредь должна ограничиться защитой своих границ, но при этом вести морские войны против Голландии и Англии, дабы принудить их и их



союзников к миру, соответствующему ее интересам. По мнению Вобана, двухсотлетняя борьба против Габсбургов подошла к концу, так как Франция добилась поставленных целей и уже более не окружена их владениями. Дело было за малым: разбить союз Империи и Морских держав.

Еще в конце июля 1706 года Торси через своего агента в Роттердаме Хеннекина предложил Соединенным провинциям заключить договор, в котором оговаривались весьма благоприятные для них условия торговли. Но великий пенсионарий Хейнсиус резонно решил, что сепаратный мир с Францией может привести к военной акции союзников против Голландии. Он показал предложение французов герцогу Мальборо в надежде найти какой-то компромисс. Ответ герцога был краток: «Нет мира без Испании!» Эта формула взаимоотношений с Францией в дальнейшем была принята в качестве главной как Иосифом I и его братом, так и окрепшими на Альбионе вигами. Мальборо предложил, чтобы представители трех союзных держав вместе составили список требований к Франции, чтобы продемонстрировать свое единство. После этого переговоры, так толком и не начавшись, прекратились. Пропаганда Версаля, в скором времени подхваченная критиками Мальборо в Англии, свалила всю вину за их срыв на герцога и Годолфина, которые, мол, желают сохранить свое влияние и поэтому продолжают войну. Мальборо же писал Саре в начале 1707 года, что «всем сердцем желает конца этой войны».

К этому времени на жизнь четы Мальборо начинает влиять «роковая блондинка» Абилайль Хилл, кузина Сары, которая ввела ее в свое окружение в Сент-Олбансе и поначалу относилась к ней как к родной сестре. Благодаря Саре в 1704 году Абилайль стала фрейлиной, отвечающей за постель королевы, а ее брат Джек, о котором Мальборо отзывался, что «он хорош лишь для ничегонеделанья», тем не менее получил от герцога полк и возглавил экспедицию в Квебек. Постепенно новая фрейлина обратила на себя внимание Анны. Женственность и мягкость Абилайль резко контрастировали с воинственностью Сары, и проводившая все дни в постели больная королева все чаще общалась с ней наедине.

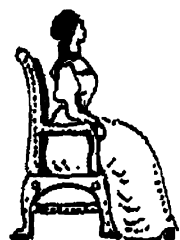
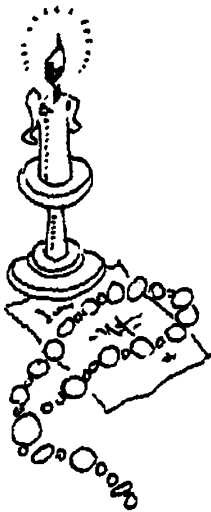
В начале 1707 года Анна устроила брак Абигаиль с капитаном Мэшем. Миссис Мэшем льстила тщеславной королеве и шла навстречу ее самым вздорным капризам. При этом она уловила симпатии Анны к тори и всеми доступными способами демонстрировала, что разделяет их. А Сара, кажется, совсем утратила бдительность и забыла искусство интриги, которое вознесло ее так высоко. Бешеный напор, с которым герцогиня Мальборо навязывала королеве свое мнение и волю мужа, постепенно начал раздражать Анну. В августе 1706 года королева написала Саре: «Я не столь завишу от ваших советов, как говорят при дворе...»

Новая подруга королевы состояла в родстве с Робертом Харли, который был не прочь использовать ее влияние на королеву, чтобы восстановить преобладание тори в английской политике. Над вигами потихоньку стали собираться грозные облака, но пока мало кто их замечал. Правда, Годолфин советовал герцогине Мальборо быть «более чувствительной и терпимой» к королеве, поскольку та думает, «что всегда права».

Когда Мальборо, герой Рамильи, возвратился в Лондон 26 ноября 1706 года, лондонцы бурно славили его. Разве можно было в этот момент думать о надвигавшейся буре? Ему была устроена овация в парламенте, он получил денежную награду и разрешение передавать свой герцогский титул по наследству дочерям. Пока все шло прекрасно.

Весной 1707 года состоялась встреча Мальборо, Хейнсиуса и вернувшегося из Италии принца Евгения, на которой были определены дальнейшие цели войны.

Создавалось впечатление, что чередование побед и поражений стало правилом в этой войне. В феврале 1706 года Людовик сделал герцога Бервика маршалом Франции и отправил его воевать против Португалии. А союзники в это время без особых препятствий маршировали по дорогам Кастилии. 7 июня пала Саламанка. 20 июня двор Филиппа покинул столицу и переехал в Бургос на севере страны. Французский король настаивал, чтобы Бервик дал решительное сражение, но тот позволил британскому генералу лорду Галвею и португальскому генералу Лас-Минасу 27 июня вступить в Мадрид и провозгласить Карла королем Испании. Но завоевание Испании Великим союзом оказалось иллюзорным — Мадрид



и вся Кастилия отказались признавать нового короля. Как бы то ни было, Лондон воспользовался ситуацией и в январе 1708 года заключил с Карлом III договор о торговых привилегиях англичан в Испанской Америке.

Людовик послал новые подкрепления Бервику. И тут как будто само небо помогло Филиппу Бурбону: пошли непрерывные дожди, дороги размыло, связи союзной армии с Португалией нарушились. «Второй» испанский король покинул Мадрид и на следующие пять месяцев сделал своей столицей Валенсию. В Мадрид же 4 октября возвратился Филипп V. В ноябре герцог Бервик взял Картахену и продолжил одерживать одну за другой победы в Кастилии и Мурсии. В декабре французы и испанцы вернули Алькантару.

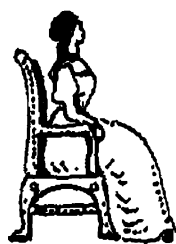
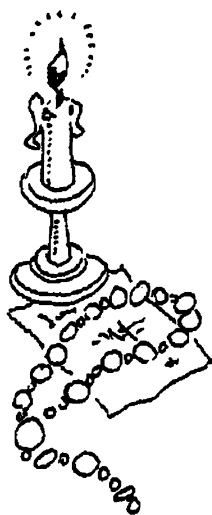
В марте 1707 года Карл III двинулся на Барселону. 25 апреля две армии расположились напротив друг друга у города Альмансы в Юго-Восточной Испании. Франко-испанские войска насчитывали 25 тысяч солдат, английские и португальские — 15 тысяч. Битва началась после полудня и длилась всего два часа. В ней были активно задействованы пушки, расположенные на холмах близ города. Когда конный авангард герцога Орлеанского атаковали английские драгуны, а португальские эскадроны по приказу Галвея стали перемещаться в центр сражения, Бервик усилил обстрел противника, а затем отправил в контратаку свою конницу. Галвей потерпел сокрушительное поражение, потеряв почти половину своих солдат, но и потери Бервика составили немало — 5000 человек. Может быть, поэтому храбрый племянник Мальборо с трудом поверил офицеру, сообщившему ему об отступлении союзников.

8 мая Филипп вступил в Валенсию, 26 мая — в Сарагосу. «Эти неудачи делают переговоры с Францией бессмысленными...» — написал Мальборо жене из Брюсселя после поражения у Альмансы. В начале августа 1707 года он отдал приказ англо-голландскому флоту Клоудесли Шовела атаковать Тулон, но здесь союзников постигла неудача. Надежды Империи и Морских держав на быстрый триумф в Испании и параллельное вторжение в Прованс провалились. Более того, возвращаясь на родину, четыре линейных корабля Шовела (на одном из них находился сам адмирал) в условиях шторма

и сильного тумана разбились на рифах. Шовелу удалось спастись, но уже на берегу он был убит случайной пулей.

Поражения обострили внутреннюю ситуацию в Британии. В сентябре 1707 года Роберт Харли заявил: «Англия так погрязла в войне, что с готовностью отвергнет добрый мир». Мальборо, уже готовившийся вступить в схватку с Харли, месяцем раньше заметил Саре: «Нет человека, более желающего мира, чем я... Я буду всегда предан короне, но если Харли попадет на место Годолфина, я скорее отдам жизнь, чем буду убеждать лорда Сиднея продолжать служить королеве. Это я пишу только для тебя». В зимний парламентский период 1707/1708 года Мальборо и виги выдержали настоящую битву с лидерами тори Харли и Сент-Джоном.

По инициативе вигов Годолфин предложил включить в состав Тайного совета зятя Мальборо графа Сандерленда, бывшего с декабря 1706 года государственным секретарем Южного департамента. Королева воспротивилась, ибо помнила, как Сандерленд утверждал, что «самая плохая республика лучше, чем хорошая монархия». Но тут в бой ринулась Сара, которая едва ли не требовала назначить Сандерленда — казалось, она забыла, что имеет дело с королевой! В августе 1707 года Сара писала Анне: «Вы похожи на людей, которые ничего не читают, кроме одной книги, и вы, возможно, не можете ни о чем судить... Вы должны опираться на информацию о событиях и суждения других... и я сожалею, что вы имеете столь незначительное мнение о тех, кто ведет Ваше Величество сквозь несчастья и не преследует иного интереса, кроме вашего...» Герцогиня не осталась в стороне и от памфлетной борьбы. Ее секретарем был выпускник Оксфорда и член парламента Артур Мейнваринг, который редактировал и писал статьи для вигского журнала «Медли». В своих работах он излагал соображения по актуальным вопросам, во многом навеянным беседами и перепиской с Сарой. Весной 1708 года он обсуждал с герцогиней тактику предвыборной агитации. Сетуя по поводу того, сколько «бумажной артиллерии» используется против вигов, Артур соглашался с Сарой, что пришло время дать ответный залп.



В 1709 году они вместе написали и анонимно издали книгу, в которой уверяли читателей, что тори, выступая за скорый мир с Францией, сами превратились во французов, и потому их больше не следует допускать к власти. Это сочинение представляло собой диалог между мадам де Ментенон и миссис Мэшем, в ходе которого некоронованная королева Франции благодарит Абигаиль за хорошую службу Людовику XIV.

Мейнварингу, как и Саре, самомнения было не занимать. Он, например, позволял себе в переписке с герцогиней давать советы Мальборо: «С тех пор, как одна партия (то есть тори. — *Л. И.*) так упорна, всегда необходимо иметь друзей в другой партии и удерживать то, что Его Светлость уже имеет. Положение Милорда герцога изменилось с тех пор, как “честнейший” мистер Харли наступает ему на пятки». Любопытна еще одна его ремарка: «Все министры не могут дождаться конца фарса “Харлекин и Абигаиль”». Сара запустила эту шутку в обиход.

Неудивительно, что Анна обиделась на нее. Весной 1708 года Сара отправилась в Вудсток наблюдать за строительством Бленхайма и написала королеве перед отъездом: «Виги — ваши самые преданные друзья, и в моих интересах не советовать вам плохих людей...» Анна ей отвечала: «Я не удивлена, что вы болезненно реагируете на выражение “Мэшем и я”, похожее на “Стини и я”, употреблявшееся королем Яковом I, когда он имел в виду себя и герцога Бекингема...»

В конфликт, связанный с назначением, а точнее неназначением Сандерленда, был втянут и Джон. Он не одобрял кандидатуру Сандерленда, поскольку хотел сохранить в Тайном совете баланс между тори и вигами, а зять, на его взгляд, был слишком ретив. Но мнение Годолфина перевесило, и в конце концов герцог тоже стал просить Анну принять кандидатуру Сандерленда. Это сыграло свою роль. Анна отступила, и в декабре 1708 года Сандерленд вошел в Тайный совет.

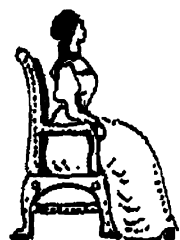
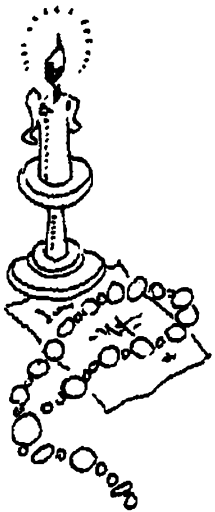
Трудно сказать, произошло бы это, если бы в это время общество не было бы взбудоражено информацией о связях Харли с французским шпионом. 31 декабря 1707 года в резиденции Харли неожиданно был арестован один из его секретарей Уильям Грегг. Он не стал заператься и сразу же сознался в шпионаже в пользу Франции.

Харли предоставил Греггу, шотландцу по происхождению, место в своем министерстве из-за прекрасного знания французского языка. Ему был поручен просмотр писем пленных французских офицеров. Но у Грегга имелся один недостаток: он любил пожить на широкую ногу и наделал долгов. На этот крючок его поймали французские агенты, и вскоре он стал торговать английскими секретами.

Харли доверял подчиненным. В комнату, где работал Грегг, приносили переписку Министерства с другими государствами. Это раскрывало перед ним широкие возможности. Так, он скопировал меморандум Харли о размерах голландского участия в войне и передал французам копию письма королевы Анны императору с просьбой направить Евгения Савойского в Испанию, отметив те абзацы в тексте, которые были добавлены Харли и дополнены Годолфином. Свои донесения Грегг вкладывал в мешки с письмами пленных французоз.

Когда об утечке информации стало известно, мешки из очередной партии были вскрыты, и Грегг был разоблачен. Тут же выяснилось, что он уже имел дело с судом в 1697 году, когда был арестован по обвинению в подлогах и фальшивомонетничестве. Его жена, ожидавшая тогда ребенка, взяла вину на себя. Бедная женщина приняла кару, которую обрушивал беспощадный закон на уличенных в таких преступлениях людей, — ей сожгли руку. Так что Харли в любом случае можно было обвинить в том, что он взял на службу человека с сомнительным прошлым. И таковым был не только Грегг. Как раз в это время в руки властей попались два контрабандиста, которых министр использовал как агентов, собиравших для него информацию в Кале. Контрабандисты оказались шпионами-двойниками и параллельно добывали сведения для французских пиратов о датах отплытия английских конвоев.

Комиссия палаты лордов, состоявшая преимущественно из противников Харли, усердно добивалась от Грегга признания, что он действовал по приказу своего начальника. За это ему обещали пожизненную пенсию в 200 фунтов, но шотландец твердил, что только «дьявол и нужда были его подстрекателями». Возможно, Грегг не хотел отягощать совесть еще одним предательством. Лорды пытались соблазнить деньгами и двух других агентов Харли. Однако и контрабандисты стояли на



своим — они тайно привозили в Кале шерсть и доставляли обратным рейсом бренди. Сведения, которые они поставляли, просто слухи.

Таким образом, комиссии ничего доказать не удалось. Поглазеть на казнь Грегга сбегалась огромная толпа. Осужденному даже у виселицы предлагали последний шанс на спасение, но ничего нового он не сказал. Харли тем не менее пришлось уйти с поста госсекретаря Северного департамента. Этот пост занял виг Генри Бойл.

Весной того же 1708 года потерпело фиаско организованное Людовиком XIV вторжение якобитов и 6000 французов под руководством графа Форбэна в Шотландию. Элемент неожиданности в этом предприятии полностью отсутствовал. Агента Торси капитана Натаниеля Хука, который должен был прозондировать почву в среде шотландской знати и вождей кланов, англичане обвели вокруг пальца, благодаря чему вся информация о подготовке вторжения попадала к Харли. Она дополнялась сведениями, которые пересылал в Лондон английский посол в Голландии Дейрол. Кроме того, британские агенты сообщали о подозрительных вояжах якобитских лидеров и о тайных совещаниях сторонников Претендента. Когда в феврале 1708 года пришло известие, что французский флот с Яковом III Стюартом на борту готовится отплыть из Дюнкерка, в Остенде тут же были переброшены войска из Нидерландов, поднята на ноги местная милиция, укреплен Эдинбург и другие крепости, а 35 судов адмирала Бинга сосредоточились возле Дюнкерка. Чтобы предотвратить атаку якобитов с запада Шотландии, были проведены военные приготовления в Ирландии.

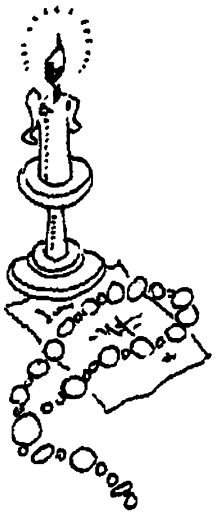
Выйдя из Дюнкерка, французский флот стал на якорь у острова Мэй и стал ждать сигнал, который, по информации Хука, должен был поступить от «друзей». Но сигнала все не было, и, несмотря на просьбы Претендента высадиться, Форбэн, не желая сражения с английскими кораблями, повернул на север. По пути французов все-таки атаковали. Бингу удалось захватить один корабль, а остальные бесславно вернулись в Дюнкерк.

Здесь надо сказать еще несколько слов о разведке герцога Мальборо. История не знает всех имен его шпионов. Среди них были и неизвестные, возможно, весьма высокие рангом.

Из биографии Мальборо, написанной У. Черчиллем, следует, что у герцога имелся важный шпион в Версале в окружении самого Людовика XIV. Правда, Черчилль хотя и называет его «шпион Мальборо», сведения от этого знатного агента получал Сандерленд. Этот человек подробно сообщал о планах армии «короля-солнце» во Фландрии, о состоянии военно-морских баз Франции и даже о жизни и расходах Версаля. Из его донесений можно узнать, что старый Людовик не любил молодые деревья, что некоронованная королева Франции терпеть не могла яркие платья и как интриговал вечно недовольный своим положением герцог де Сен-Симон. Имя этого человека до сих пор остается загадкой.

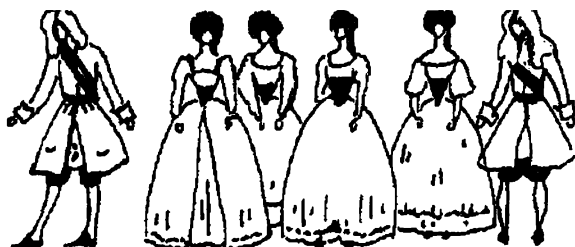
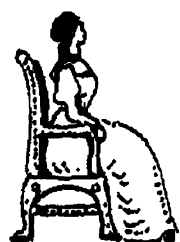
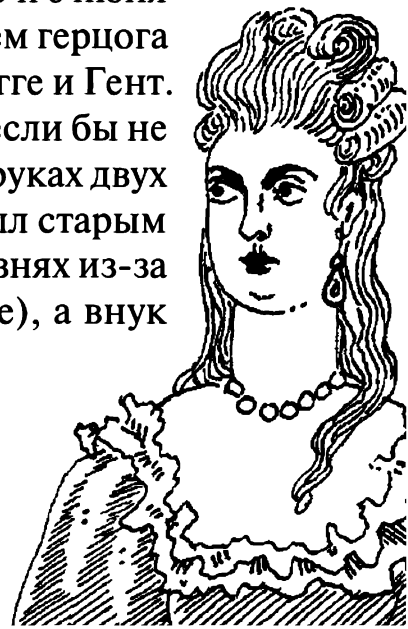


Внутренние коллизии подогревали намерения Мальборо и вигов продолжать войну под лозунгом «Нет мира без Испании!». Всю осень 1707 года герцог и принц Евгений обменивались мнениями о планах кампании на будущий год. Джон выражал надежду, что Евгений исправит ситуацию в Испании. Но вместо него император послал в Испанию Гвидо Штаремберга. По этому поводу принц написал Мальборо: «Штаремберг понимает войну так же, как и я, и будет предпринимать действия те же, что и я. Но я должен предупредить — он не будет слушать ваших советов».



Можно сказать, что кампания 1708 года началась 13 апреля совещанием Мальборо, Хейнсиуса и принца Евгения в Гааге. Принятый ими план заключался в том, чтобы вести на восточных границах Франции две наступательные войны — Мальборо выступит из Нидерландов, а принц Евгений — с Мозеля. При этом в Каталонию немедленно отправятся 4000 имперских солдат, а к концу года — еще 7000. Обязательство оплачивать войну в Испании взял на себя Лондон.

Кампания, однако, началась с победы французов. 5 и 6 июня 110-тысячная французская армия под командованием герцога Вандома и герцога Бургундского вернула назад Брюгге и Гент. Возможно, успехи французов были бы еще больше, если бы не решение Людовика сосредоточить командование в руках двух абсолютно несовместимых полководцев: Вандом был старым воякой, но вдобавок еще и сластолюбом (о его болезнях из-за беспорядочных половых связей судачили в Версале), а внук



короля Луи Бургундский — религиозным ханжой, ничего не понимавшим в войне. Похожи Вандом и герцог Бургундский были лишь непомерным тщеславием.

Мальборо болезненно воспринял внезапное ухудшение военной ситуации. Сердечный приступ заставил его лечь в постель. В состоянии физической и моральной слабости и нашел его Евгений 7 июля в лагере под Брюсселем. Джон был мрачен. Только что он получил два письма — от Сары и от королевы. Анна писала, что он должен выигрывать битву за битвой, поскольку это единственный способ обеспечить спокойствие в королевстве. А из письма жены он, наконец, понял, что Сара не только потеряла любовь королевы, но, хуже того, их отношения стали прямо противоположными. Мальборо чувствовал, что почва уходит у него из-под ног, но пытался утешить жену. Его письма к Саре проникнуты заботой о ней, родственниках, друзьях и о Бленхайме. «Вчера я встретил леди Тирконнел, которая, в отличие от тебя, выглядит старой... Заставь Ванбру закончить стены между окнами и в кабинете... я решил украсить их самыми прекраснейшими картинами, какие только смогу достать...» Как будто он собирался домой — и навсегда.

Он и принц Евгений поменялись ролями — теперь Евгений успокаивал Мальборо, который напоминал клубок нервов. Командующие долго совещались за закрытыми дверями, и эти совещания дали свои плоды. 11 июля во Фландрии им удалось разбить крупные силы французов. Отчасти это стало следствием быстроты маневра — французы оказались совершенно не готовы к появлению союзников. Но, главное, Вандом и Луи Бургундский не согласовали свои действия.

Решающее сражение началось в 3 часа дня между селениями Ивн и Грюнвальд. В нем отличился Георг Ганноверский, будущий английский король, под которым была убита лошадь. Самым кровавым было столкновение на левом фланге сил Вандома. Через два часа после начала сражения, когда было неясно, кто берет верх, принц Евгений пошел на хитрость. Он приказал играть отступление французов и выкрикивать названия их полков. Многие французские солдаты попали в эту ловушку, среди них началась неразбериха. К вечеру запаниковавший герцог Бургундский покинул свои позиции и отошел к Генту. За ним последовали герцог Беррийский и Претендент,

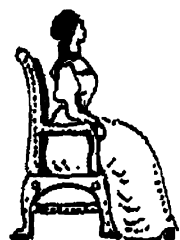
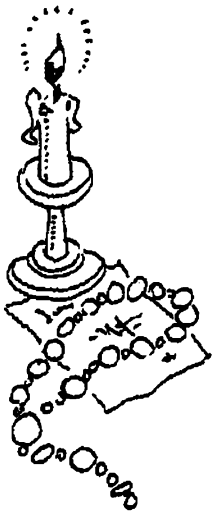
принимавший участие в битве под именем шевалье де Сен-Жорж. Утром союзная армия нанесла новый удар и обратила отступавших французов в беспорядочное бегство.

Союзники потеряли 3000 человек. Потери французов составили 6000 убитыми, 9000 было взято в плен. Когда известие о поражении достигло Версаля, Людовик XIV обедал и в гневе снес со стола все блюда.

Артур Мейнваринг в письме герцогине Мальборо после этой битвы заметил: «Герцог побил всех генералов Франции, исключая маршала Виллара». Сам же Мальборо писал, что победой союзники обязаны Евгению Савойскому. Схожим было мнение и графа Вратислава: «Если бы Евгений не прибыл в Нидерланды, то... мы были бы вынуждены заключить плохой мир». Но, похоже, многие в Англии уже мечтали о мире — пусть даже и не самом выгодным для страны, которая начала уставать от войны. Первая реакция королевы Анны при известии о победе выразилась во фразе: «О Боже, когда эта кровавая бойня прекратится!»

В том же году значительные военные успехи были достигнуты Великим союзом в Италии, произошло вторжение в Бургундию, а прусские полки обосновались в Седане. Казна Людовика XIV была истощена, а его армия — почти деморализована. Мальборо, чья депрессия сменилась излишним оптимизмом, сказал Евгению: «Мы пойдем на Париж!» Но принц думал иначе: «Если мы сейчас пойдем на Париж, милорд, позади у нас останутся Вандом и Бервик. Солдаты Вандома в плохом состоянии, а у Бервика еще есть свежие силы, и если они объединятся, то нам в тыл может ударить 100-тысячная армия. И кроме того, у нас есть нерешенная проблема: маршал Буффлер удерживает Лилль».

Лилль был сильнейшей крепостью французов в Европе, и идти на Париж, оставив его за спиной, было бы безумием. 13 августа город был окружен союзными войсками численностью почти 80 тысяч человек. «Я инвестировал свой моральный капитал в Лилль и прошу Бога проявить понимание», — писал Джон Саре. Осада продолжалась три месяца. Лилль пал 9 декабря, и это открыло союзникам путь к овладению всей Фландрией. «Кампания завершилась так, как желало мое сердце», — написал Годолфину Мальборо.



К началу 1709 года Великий союз почти достиг своих геополитических целей. Особенно это касается Вены. На юге под ее полный контроль попала Италия, на востоке снизилась угроза вторжения турок, на западе была обеспечена прочная защита от вторжения из Франции. Оставалась Испания. Развязать испанский узел могли переговоры с надломленной войной Францией. Так же считали в Лондоне и Гааге. Только там были иные представления о мире.

Победы 1708 года во Фландрии стали последними триумфами в жизни Джона Мальборо. Но он об этом еще не знал, его опять встречали в Лондоне как героя. Но критика в его адрес не утихала — напротив, ее огонь только разгорался. Англия не понимала, чем ему обязана.

28 октября 1708 года в Виндзоре скончался супруг королевы — единственный мужчина, которого она любила. Спустя месяц после этого Джон писал Саре: «Я желаю всем сердцем, чтобы дела разрешились к общей пользе, ибо уверен, что Англия не должна страдать от непонимания между королевой и вигами. Лорд-канцлер имеет все причины полагать, что некоторые виги делают реверансы миссис Мэшем. Я надеюсь, ты меня понимаешь, что когда Англия страдает, нет лучшего органа управления, чем я сам». Что скрывалось за этими словами? Стремление к личной диктатуре, в чем его очень скоро будут обвинять?

Х. Восточные горизонты

Участвовать в низложении Филиппа из-за неприязни к Людовику XIV было бы решением, достойным Карла XII, который принес в жертву мщению свою страну, свой народ и, в конце концов, самого себя.

Генри Болингброк

— **В** этом году я больше дипломат, чем генерал, — недовольно ворчал Мальборо накануне вояжа в Саксонию. — Сейчас мне придется сталкивать лбами двух диких львов.

— Ничего, ваша светлость, вы, как обычно, справитесь. Дикость всегда поддается цивилизации, и, кроме того, вы будете иметь дело только с одним львом, — отвечал ему Хэа.

Под «дикими львами», как можно догадаться, Мальборо подразумевал двух европейских правителей, вот уже семь лет борющихся друг с другом за преобладание на Балтике, — шведского короля Карла XII и русского царя Петра I. Английский полководец не мог предвидеть, что он продлит войну между Швецией и Россией еще на четырнадцать лет.

Существовала ли серьезная взаимосвязь между Войной за испанское наследство и Северной войной? Было ли возможным их объединение в одну крупномасштабную войну? Скорее всего, да. Дипломатические дискуссии 1706–1707 годов в саксонском городке Альтранштедте в нескольких километрах от Лейпцига, где тогда, пройдя с боями всю Польшу, находился шведский король, доказывают это. От того, каковы будут дальнейшие планы «северного Александра», куда он повернет — на Запад или на Восток, — во многом зависели итоги военных действий и расстановка сил во всей Европе. Как суверен и одновременно князь Империи, Карл XII являлся важным звеном в политических расчетах Великого союза и особенно Британии и Нидерландов. Договариваться с ним было очень сложно, в переговоры приходилось вступать самым высокопоставленным политикам. На упрямого Карла мог повлиять только самый авторитетный политический лидер в Европе, а еще лучше — выдающийся военный. Таковым на тот момент являлся Джон Мальборо.

Главными фигурами Северной войны были Россия, Швеция и Речь Посполитая. Ее участниками и «заинтересованными лицами» — Дания и Пруссия. До воинственного начала века Просвещения эти страны занимали определенное место в европейской системе государств и были опутаны крепкой паутиной дипломатических, военных и торговых связей друг с другом. Если смотреть с запада, то, казалось, что серьезных изменений в этом регионе не происходило. На самом деле бомба, подобная испанскому наследству, была заложена и здесь. Она тоже была в некотором роде связана со сменой монархов на престолах — Петра I в России и Карла XII в Швеции, по-своему отразивших развитие своих государств.



Территориальный рост Шведской империи был исключительно быстрым. Меньше сорока лет разделяет захват Риги в 1621 году и мир в Оливе 1660 года. Столь же быстро происходил ее распад. Можно сказать, что он начался в 1702 году, когда царь Петр захватил Нотебург (будущий Шлиссельбург), и закончился шестнадцатью годами позже, в 1718 году, когда пуля врага (или, возможно, шведа) положила конец жизни Карла XII. В 1697 году, в момент вступления на престол Карла XII, Швеция находилась на вершине своего могущества и достигла высшей точки влияния в международных делах. У нее была большая постоянная армия (60 тысяч человек) и первоклассный флот (42 линейных корабля и 12 фрегатов). Ежегодный доход королевства достигал более 6 миллионов серебряных талеров. Юный Карл унаследовал от отца, Карла XI, сильное и влиятельное государство. Впрочем, не все выглядело столь безоблачно.

Смутную тревогу у шведских политиков вызывала сама личность молодого короля. Тонко осязавший свою эпоху Вольтер писал, что Карл был человеком, который довел свои добродетели до их противоположностей. Каких результатов в политике в век изощенной дипломатии можно было ждать от правителя, не выказывавшего сочувствия к людям? Его называли жестоким, бесчувственным и холодным, как лед. Он действовал и мыслил непредсказуемо и постоянно ставил свое окружение в тупик. Зимой 1701 года один из его приближенных заметил, что «король не думает ни о чем другом, кроме войны. Он не обращает никакого внимания на советы других людей, и создается впечатление, что он действует по указанию самого Господа Бога...». Французский посол де Жискар в том же году докладывал в Париж: «Я серьезно думаю, что король Швеции боится остаться без врагов, если он заключит мир с Августом (польским королем. — *Л. И.*). От его предрассудков может вылечить только беда». Одно было ясно — шведский король чрезвычайно воинственный и безумно храбрый человек. В восемнадцать лет он вошел в походный шатер, как монах входит в келью для того, чтобы больше не покидать ее.

Скандинавия органично входила в круг дипломатии противников в Войне за испанское наследство. Тревоги Лондона по поводу поведения шведского короля отчетливо отразились

в переписке между Мальборо и Годолфином. Получив новости, что французы выделили 600 тысяч крон для подкупа министров Карла XII, Джон немедленно начал консультации со шведским послом в Лондоне Лиллиенротом. В октябре 1701 года Англия и Голландия пообещали безвозмездно передать Швеции 100 тысяч имперских талеров, а Голландия обещала еще дать 300 тысяч талеров под заем. Мальборо надеялся, что Швеция станет союзником Морских держав и отправит в их армию своих солдат. Дабы ускорить этот процесс, с подачи герцога в 1702 году в Швецию на английских кораблях было доставлено 2000 баррелей пороха.

И все же англо-голландские усилия заполучить Стокгольм в союзники против Версаля провалились. В конце 1703 года западные державы поняли, что Карл поставил целью лишить Августа II короны. Он ненавидел польского короля, наиболее ярко в Европе копировавшего Версаль, и писал о нем Людовику XIV: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщения от Бога и презрения всех благомыслящих людей».

Тем временем укрепившийся на российском троне Петр I сам искал союзников в Европе, которые помогли бы ему в войне с турками. Но его Великое посольство 1697 года не достигло желаемых результатов. Европейские державы были увлечены борьбой между собой и Россию всерьез не принимали. Тут следует сказать, что традиционное мнение отечественных авторов о том, будто англичане «симулировали дружелюбие» по отношению к Петру I, кажется не совсем убедительным хотя бы потому, что Англии приходилось лавировать и хитрить на всех дипломатических фронтах — это удел дипломатии любого государства и в любое время.

Но почему в начале Войны за испанское наследство Альбион предпочел иметь своим союзником Швецию, а не Россию, желавшую такого союза? Ведь еще Вильгельм III, встретившись осенью 1700 года в Гааге с русским послом Андреем Матвеевым, с похвалой отзывался о Петре. Ответ прост. Во-первых, Карл XII уже одержал внушительные победы. В 1699 году он с помощью англо-голландской эскадры нанес поражение датскому королю Фредерику IV, а в ноябре 1700 года — русской армии под Нарвой. Во-вторых, из двух «диких львов» русский



царь был, по мнению Мальборо, более диким и в перспективе более опасным. Стоит только вспомнить поведение Петра и его людей, шокировавшее Европу во время Великого посольства! Перспективу возвышения России в Европе герцог предвидел точно. И, в-третьих, Карл находился ближе и мог бы быстро ударить по Франции.

Но предпочтение Карла Петру в Лондоне не было абсолютным. Об этом говорит следующий инцидент. 3 июля 1704 года шведский посол пожаловался Харли на то, что царь рекрутирует на службу большое число голландских моряков, а русские корабли курсируют в Северном море и Канале. Эти корабли, говорил посол, следует арестовать, как пиратские, потому что «царь не владеет частью этих морей и никогда не имел там кораблей, равно как и флота вообще». Но на фоне небольших успехов русских на Балтике в 1703 — начале 1704 года и особенно в условиях марша союзной армии на Дунай королева Анна дала уклончивый ответ: она не может рассматривать «царя Московии иначе, чем государя, который состоит с ней в дружбе и с которым она договаривается отдельно».

В такой ситуации в Россию прибыл английский посол Чарльз Уитворт. Петр тут же поставил перед ним вопрос о вступлении его страны в Великий союз и о посредничестве Англии в войне между ним и Карлом. Прямого ответа царь, как и следовало ожидать, не получил.

В то же время постепенно обострялись отношения Карла XII с Морскими державами. Причиной этого были непрекращавшиеся переговоры шведов с Францией. Сюда также примешивались экономические интересы в северном морском пространстве. Поэтому когда в августе 1700 года шведский король высадился на острове Зеландия и подошел к Копенгагену, Англия и Голландия вынудили его не овладевать столицей Дании и не захватывать датский флот, который, кстати, в дальнейшем постоянно угрожал шведским коммуникациям. А Мальборо совершил свой вояж в Берлин в 1704 году не только для того, чтобы пополнить в свою армию несколько тысяч прусских солдат, но и для того, чтобы исключить поддержку Карла со стороны Фридриха I. Со своей стороны, Харли предостерегал Стокгольм от возможного вторжения в Прус-

сию. Так что неудивительно, что у шведского короля возникла мысль высадиться в Шотландии, чтобы восстановить на английском престоле Якова III Стюарта, а часть якобитов участвовала в кампаниях Карла XII.

Постепенно, несмотря на военные успехи и восхищение европейцев ее королем, Швеция стала терять политические позиции на Западе. Стороны, принимавшие участие в Войне за испанское наследство, были не прочь потуже завязать узел противоречий на Балтике и востоке Европы, дабы исключить непредвиденное вмешательство Швеции и России в дележ испанской добычи.

Нельзя обойти вниманием и Польшу. В первой четверти XVIII столетия Речь Посполитая вступила в полосу кризиса и стала «яблоком раздора» для ряда сильных держав. В конце 1703 года в письме к Польскому сейму Карл XII назвал удобную ему кандидатуру на польский трон — Якоба Собеского, сына знаменитого короля Яна Собеского, прославившегося при осаде Вены турками в 1683 году. В ответ на это тогдашний король Речи Посполитой и саксонский курфюрст Август II немедленно арестовал Якоба и отправил в Саксонию. Карл не особенно огорчился, заметив: «Ничего, мы состряпаем полякам другого короля», и предложил престол брату Якоба — Александру. Тот отказался от столь сомнительной чести. Наконец, 2 июля 1704 года Карл назначил королем молодого шляхтича из Познани Станислава Лещинского. Станислав отличался, по словам современников, «уступчивостью и мягкостью». Он просидел на троне пять лет и отказался от короны после Полтавского сражения, поскольку этого желал Петр I.

В сущности, именно польские события привели две европейские войны к высшей точке соприкосновения в 1606—1607 годах.

3 февраля 1706 года 12 тысяч шведов нанесли поражение у Фрауштадта 30-тысячной саксонской армии. Дорога в Саксонию, бывшую частью Священной Римской империи, для Карла XII была открыта. Еще не переступив саксонских границ, он дал понять послам Морских держав, что не намерен выступать против Великого союза. Но чем дольше находились шведы в Саксонии, тем больше Морские державы опасались,



что Карл повернет оружие против них. «Я надеюсь, что новости о марше короля Швеции в направлении Венгрии не являются правдой», — писал озабоченный Мальборо Хейнсиусу 5 августа 1706 года. Тот отвечал 6 сентября: «Если это так, нам будет худо. Все министры Империи в страхе...» Опять Мальборо, 11 сентября: «Боюсь, что шведы создадут нам огромные трудности. У их короля непредсказуемый темперамент». Вена в те дни даже изъявляла готовность заключить союз против Швеции с Россией.

15 сентября герцог заметил Хейнсиусу, что «болезненный эффект от этого марша можно устранить скорее дружественными переговорами со Швецией, нежели угрозами». Затем он написал Годолфину: «Опасаясь, что марш короля Швеции усилит ту партию в Голландии, которая уже готова пойти на мир с Францией... черните шведского короля в их глазах, используя весь ваш юмор...» Еще одно замечание Годолфину в письме от 18 сентября: «Королеве и голландцам надо сделать все возможное, чтобы удержать 10 000 прусских солдат во Фландрии...» Мальборо опасался, что Берлин отреагирует на саксонский поход шведского короля и отзовет своих солдат.

Все усилия английского посла Робинсона, посланного Харли в Альтранштедт, уговорить шведского короля покинуть Саксонию ни к чему не приводили. Он отказывался сделать это, пока Август остается королем. В этих условиях Лондон, Гаага и Вена стали ненавязчиво советовать Августу отказаться от польской короны. Август располагал значительной военной силой, но, очевидно, он был сломлен, напуган напором молодого шведского короля.

13 октября 1706 года уполномоченными Августа и представителями Карла в Альтранштедте был подписан договор о мире между Швецией и Польшей, означавший полную капитуляцию Августа. Он отрекся от польской короны в пользу Станислава Лещинского, брал обязательство выйти из всех союзов против шведов, освободить плененных им членов «шведской партии» в Польше, расквартировать шведских солдат на зимние квартиры в Саксонии, а также выдать шведам содержавшегося в саксонском замке под арестом Иоганна Рейнгольда Паткуля, дипломата на службе русского царя.

Альтранштедтский мир, с одной стороны, зафиксировал промужуточные итоги Северной войны. С другой стороны, он обострил ранее существовавшие противоречия в европейской политике. Первой реакцией на него стало предложение Пруссии создать Четверной союз в составе Австрийского дома, Нидерландов, Британии и Речи Посполитой в лице Августа II против Швеции. Но оно повисло в воздухе. 18 октября Мальборо в письме к Хейнсиусу высказывал опасение, что к весне 1707 года шведская армия достигнет 50 тысяч человек и у Карла возникнет соблазн вступить в пределы Империи; тогда Великий союз будет вынужден вести войну на два фронта, а это может обернуться катастрофой. Пусть король Фридрих поймет это — так он инструктировал английского посла в Пруссии лорда Раби. А Годолфин уговаривал королеву отправить англо-голландскую миссию в Альтранштедт для консультаций с Карлом.

Примечательно, что Мальборо и Годолфин считали отречение Августа от польского трона игрой и оказались правы. Саксонский курфюрст, поздравив по настоянию шведского короля Станислава Лещинского с вступлением на польский престол, не стал отзывать своих солдат из армии Петра. Уже после ратификации тайного договора между Карлом и Августом, 18 октября, русско-саксонские части под командованием Меншикова разбили под Калишем шведов. В результате отрекшийся от польской короны и заключивший мир Август де-факто по-прежнему воевал со Швецией. Пытаясь оправдаться, он написал письмо Карлу о том, что «равнодушен» к короне и ищет его поддержки в столь тяжелый момент. Скоро он получил высокомерный ответ: пока солдаты курфюрста воюют со шведами, ни о каком благожелательном отношении к нему речи быть не может.

Герцог узнал об итогах битвы при Калише 19 октября и заметил Годолфину: «Если эта новость — правда, то голландские миролюбцы могут потерять аргумент в пользу мира с королем Людовиком». У Швеции есть противник, который отвлечет ее от помощи Франции. Лорду Раби Джон признался: «Я удивлен итогом сражения у Калиша, но поражение шведов может заставить их короля быть более сговорчивым». Морские державы стали надеяться, что после Калиша Карл задумается



о переговорах с ними. Вместе с тем англичане и император опасались, что к союзу со Швецией повернется Берлин, а это могло исключить участие Пруссии в Великом союзе. И как вскоре выяснилось, опасались не зря.

В ноябре Фридрих I заявил, что признает польским королем Станислава Лещинского и заключит с ним оборонительный союз, если Стокгольм пообещает ему территорию между Померанией и Восточной Пруссией и признает его королевское достоинство. Карл готов был пойти на переговоры на этих условиях, но Станислав боялся, что «нация» будет против уступок Пруссии. Поэтому Фридрих получил ответ, что Карл желает компромисса в Польше и соглашения с ним пока заключать не будет. Шведско-пруссские переговоры до и после Альтранштедтского мира отразили как неустойчивость позиций Карла XII в Речи Посполитой, так и конкуренцию между Швецией и Пруссией в их претензиях на часть польских земель.

Казалось, шведский король надолго поселился в Саксонии. Европейские политики терялись в догадках, какие планы он вынашивает на следующий год, прекрасно понимая, что от них во многом зависит исход Войны за испанское наследство.

Вопрос, куда направит Карл свою неукротимую энергию, очень беспокоил Мальборо. И герцог решил сам отправиться в Саксонию, поскольку получил известие, будто Торси уже почти добился обещания Карла XII вторгнуться в наследственные владения императора. Переписка Мальборо полна серьезных опасений на сей счет. «Христианский мир может стать жертвой его меча», — писал он Саре. И чтобы этого не произошло, меч следовало направить в иную сторону. Туда, где он может застрять. На восток. На царя Петра.

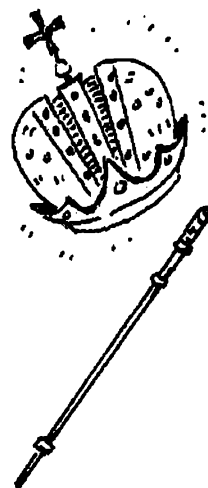
Но существовал и другой вариант — принять Россию в Великий союз. К весне 1707 года русские уже готовы были отправить на запад 25 тысяч русских воинов при условии, что Англия и Голландия обеспечат России мир со Швецией. Но 19 апреля Уитворт написал Харли из России: «Проблема состоит в том, есть ли хорошие аргументы обязать его (то есть Карла. — *Л. И.*) принять мир с москвитами или лучше найти для него мотивы отправиться в эти отдаленные пустыни, где он не сможет сделать союзникам ничего дурного». Полити-

ка Британии здесь отражена наиболее ясно. Уитворт на месте оценил ситуацию и понял, что шведский король, если не погибнет, то основательно застрянет на русских просторах! Таким образом, Мальборо, отправляясь в Саксонию, четко представлял, что ему делать.

Правда, информация о том, что шведский король намерен, словами Мальборо, «вести войну против московитов», просочилась на Альбион уже в конце 1706 года, о чем Джон сообщал имперскому представителю в Гааге графу Зинцендорфу. Хейнсиусу он тогда подробно описал, как прошла аудиенция его послов у Карла и их конфиденциальные переговоры с министром иностранных дел графом Пипером. «Король Швеции будет вести войну против царя. Если это так... мы должны сделать все, чтобы одобрить эту кампанию». А беседа 27 января 1707 года с пребывавшим тогда в Лондоне графом Вратиславом, герцог заметил: «Король Швеции засыпал нас уверениями, что не сделает ничего плохого Империи, и поэтому Англия будет... учитывать, что его принципиальными целями являются поддержка этой марионетки короля Станислава и решение проблемы с московитами».

До Петра информация доходила медленнее. Об Альтраншtedтском договоре и измене Августа он узнал 21 декабря 1706 года — на два дня позже, чем Мальборо. Неделей позже в своей штаб-квартире в Жолкве около Львова он созвал Военный совет. Было решено изводить противника мелкими операциями, но главное — добиваться мира. Миссия Андрея Матвеева в Париж с целью добиться посредничества французов успеха не принесла. У Людовика на Карла были свои виды. Поэтому Петр направил острие своей дипломатии в Британию, справедливо рассматривая ее как самого влиятельного члена Великого союза.

11 апреля в Гааге Матвеев передал Мальборо письмо с просьбой царя об английском посредничестве. К письму прилагался портрет Петра, усыпанный бриллиантами. Джон принял подарок, хотя и неохотно. Есть сведения, что ему от имени Петра предлагали 50 тысяч талеров серебром и стать владетельным князем в России подобно тому, как он стал князем Империи и получил от Леопольда Миндельхайм. Выбор был неплох — Киев, Владимир или любые территории в Сибири. Но пресло-



вутая алчность Мальборо, о которой столь любили рассуждать его политические противники, здесь никак не проявилась. Впрочем, он знал, что не станет выполнять просьбу Петра, поскольку уже готовился к встрече с Карлом, на которой надеялся подтолкнуть короля идти в Россию. 12 апреля Харли сообщал Робинсону, еще находившемуся у Карла: «Ее величество решила послать герцога Мальборо к королю Швеции». Матвеева, впрочем, герцог обнадежил, обещая, по словам русского посла, «крепко поговорить со шведом», а Петру написал письмо, полное выражений благодарности и намерений представить дело перед королевой в лучшем свете. То были общие, хотя и любезные слова.

В мае 1707 года Матвееву предстояло отправиться в Лондон для дальнейших переговоров об английском посредничестве. Неудача его миссии была предрешена, хотя знать он об этом, конечно же, не мог. Перед отъездом в Альтранштедт герцог, имея в виду Матвеева, заметил лорду Сиднею: «На переговорах вы будете не в состоянии удовлетворить его». Ведь поездка самого Мальборо в Саксонию преследовала прямо противоположную цель. Параллельно Уитворт кормил царя уверениями в добрых намерениях Лондона, но в то же время ссылался на то, что «король Швеции твердо намерен вести войну с вами». О том же можно прочесть в письмах Петру королевы Анны.

Мальборо основательно готовился к своему вояжу. Когда в январе 1707 года Фридрих I послал к нему генерала Грумбкова, герцог попросил его побывать в Альтранштедте. Грумбков просьбу выполнил. В его докладе Мальборо содержатся слова графа Пипера: «Московиты будут платить разбитыми горшками, а мы будем договариваться с царем в манере, в которую потомству будет трудно поверить». В итоге Грумбков заключил: «Шведы намереваются атаковать московитов и лишить царя трона, заставив их разогнать армию и выплатить несколько миллионов компенсации». Одновременно имперские и ганноверские послы в Альтранштедте сообщали Мальборо, что Карл «создал армию сильнее, чем любой из его предшественников» и поэтому способен «достичь сердца Московии» в короткой войне.

Были и другие новости. Карл XII не собирался покидать Саксонию прежде, чем Альтранштедтский мир «не будет пол-

ностью исполнен», и давил на Морские державы, прося обеспечить его гарантии. При этом он обещал не вмешиваться в войну между Людовиком XIV и Великим союзом, но Мальборо не доверял ему, как, собственно, не доверял бы в такой ситуации любому государю.

Мальборо покинул Гаагу 20 апреля, прибыл в Альтранштедт 26-го и 28-го через Пипера получил аудиенцию у короля. Он пребывал в отличном настроении — в Саксонии было тепло, и, как герцог сообщал Саре, он был «любезно принят Пипером и королем». 27 апреля полководца посетил французский посол Безенваль, который на следующий день отчитался маркизу де Торси: «Цель Морских держав — не унижать Францию слишком сильно... Они заинтересованы, чтобы Франция по своему могуществу равнялась Австрии, но не превосходила ее. Равновесие — принципиальная цель союзников, и особенно Англии. Королева готова признать Станислава и гарантировать мир в Альтранштедте».

Робинсон составил для Харли краткий отчет о визите герцога к королю Швеции. Он сообщает, что Мальборо сделал Карлу короткий комплимент на английском, после чего «беседа продолжалась около часа». После обеда Карл и герцог беседовали в отдельной комнате в присутствии только шведских министров и Робинсона. «Его Светлость больше говорил, а Его Величество слушал с превеликим вниманием... Говорили о военных делах около полутора часов». 29 апреля после встречи с другими шведскими официальными лицами Мальборо получил прощальную аудиенцию у короля и ночью покинул Альтранштедт.

Сара Мальборо со слов супруга оставила более подробную информацию о его встрече с Карлом. Поприветствовав короля от имени королевы Анны, Мальборо сказал: «Только помешал Ее Величеству пересечь море и посетить Государя, которым восхищается весь мир. Я несравненно более счастлив, чем королева, и я могу только мечтать служить под началом такого генерала, как Ваше Величество, чтобы научиться тому, чего я еще не познал в искусстве войны». Слова прославленного полководца не могли не тронуть железного вояку Карла.

Во время переговоров король обещал считаться с интересами Союза. Более того, он заговорил о желании присоеди-



ниться к союзникам и предложил заключить секретное соглашение с Лондоном для защиты европейских протестантов. Герцог деликатно заметил, что Англия всегда была страной протестантского интереса и ныне также его защищает, но в условиях войны с Людовиком ей не стоит нарушать единство рядов Великого союза. Тем не менее он обсудит это со своей королевой. Позже, в письмах из Турции после поражения под Полтавой, Карл писал, что он обещал Мальборо оставаться нейтральным в Войне за испанское наследство, если союзники не будут препятствовать его войне против Петра.

Кстати, герцог заметил, что, когда он произнес имя русского царя, глаза Карла налились кровью. А затем Карл выложил на стол карту Московии, и Джон более не нуждался в доказательствах его намерений. Король Швеции желал лишить Петра трона так же, как он лишил трона Августа. Герцог был весьма доволен: цель поездки была достигнута. Главное теперь было не мешать Карлу следовать своим намерениям. На всякий случай за содействие английским планам некоторые министры Карла XII получили от Мальборо взятки.

Оставалось только «удовлетворить» шведского короля в Саксонии. По совету герцога от имени Иосифа I граф Вратислав заключил со шведами договор, гарантировавший протестантам Силезии свободу вероисповедания, а Карл получил право рекрутировать там солдат. Это единственное, что удалось шведскому монарху сделать для европейских протестантов, которые накануне Войны за испанское наследство видели в нем главного защитника. Император также признал Станислава Лещинского королем Польши.

Истинный дипломат часто ведет двойную игру. Перед отъездом из Саксонии Мальборо посетил бывшего короля Речи Посполитой. 6 мая он писал Годолфину: «Днем раньше я имел дружественную аудиенцию у короля Августа в Лейпциге: он был несказанно рад этому и выразил свое глубочайшее уважение нашей королеве... Он жаловался, как пострадал от шведов, которые его обманули, навязав ему унижительный договор. Я его успокоил и заметил, что надо надеяться на лучшее». А Сара получила такое послание: «Эта поездка дала мне возможность увидеть четырех королей (королей Швеции, Пруссии и двух королей Польши. — *Л. И.*), троих из которых я

никогда раньше не видел. И если бы мне пришлось выбирать из них, то я бы сделал выбор в пользу короля Швеции».

Нельзя сказать, что визит Мальборо к Карлу в корне изменил ситуацию. Он лишь подтолкнул шведского короля к тому, чего тот сильно желал. Во вмешательстве в Войну за испанское наследство на стороне Франции Карл не видел для себя никаких выгод. Поддержка Людовиком Ракоци и турок, чьи интересы в Польше расходились с интересами Карла, лишила смысла предложение французов о союзе. Старая дружба Стокгольма и Версаля, имевшая прочную антигабсбургскую основу, не возобновилась.

Швеция в первую очередь рассматривалась маркизом де Торси как союзник в западноевропейском конфликте — конфликт на Балтике его мало волновал. Согласись Карл XII направить свой удар против Империи, Франция, вероятно, вышла бы победителем в войне и стала абсолютным гегемоном в Европе. Шведский король не мог желать этого. Поэтому в Альтранштедте выиграл в итоге не Версаль, устами маркиза Безенваля уговаривавший шведов идти на запад, а Мальборо, одоббивший их восточные намерения.

Впрочем, даже после поездки в Альтранштедт Мальборо опасался французской дипломатии, считавшейся самой эффективной в XVIII веке. Торси и в самом деле не сложил оружия и предложил свою стратегию разрешения европейских конфликтов: Швеция, как в Рисвике в 1697 году, должна посредничать между Францией и Великим союзом, тогда как Версаль попытается примирить Петра и Карла. Эмиссары Людовика тут же отправились к шведам. Одновременно французы через польского генерала Синявского намекнули царю на возможное посредничество Франции в заключении выгодного для России мира со Швецией, а Петр в таком случае должен был выступить против Великого союза или хотя бы вместе с турками против одной Вены. Еще Россия должна была признать Лещинского, а следовательно, и шведские завоевания в Польше. С другой стороны, французская дипломатия активно направляла против Вены Ракоци. Безусловно, Петру все это не подходило.

Надо сказать, под впечатлением отказа Августа от трона на компромисс с Лещинским пошли многие члены Сандо-



мирской конфедерации¹. В такой ситуации весной 1707 года Петр I в качестве кандидатуры на польский трон предлагал поочередно Александра Меншикова, своего сына Алексея, Якоба Собеского, литовского генерала Михаила Вишневецкого, польского генерала Синявского, принца Евгения и даже Ракоци. Первые две кандидатуры польские магнаты сразу отвергли, а Вишневецкий летом 1707 года перешел на сторону Лещинского. Принц Евгений от такой чести отказался. Ракоци о предложении Петра задумался, но он медлил, опасаясь, что претензии на польскую корону приведут его к разрыву с Людовиком. Планы Версаля основывались на признании королем Лещинского и с новыми выборами короля в Речи Посполитой, даже если будет выбран союзник Франции, не состыковывались.

К сентябрю 1707 года обоюдные интересы привели к соглашению между Петром I и Ракоци. Последний обязывался принять польскую корону на выборах, назначенных на начало 1708 года, если Людовик вынудит Карла пойти на мир с Россией. Но царь и князь недолго питали надежды на разрешение конфликта. Через несколько дней после этого шведский король объявил, что выступает на восток.

Тем временем Андрей Матвеев пытался выполнить свою миссию в Лондоне, надеясь на посредничество Англии в войне со шведами с признанием последних завоеваний Петра и последующее вступление России в Великий союз. Королева Анна и Харли приняли русского посла уважительно, но курс в отношении востока был уже принят и не подлежал изменению. Мальборо инструктировал Харли: «Старайтесь не оскорблять царя, но в любом случае его нельзя принять в Великий союз».

Матвеев проявил завидное упорство, представив Харли меморандум Петра, в котором говорилось, что царь предпринял все шаги для укрепления связей с Англией и за разрыв, если он произойдет, будут ответственны англичане. После этого государственный секретарь, посоветовавшись с Мальборо, за-

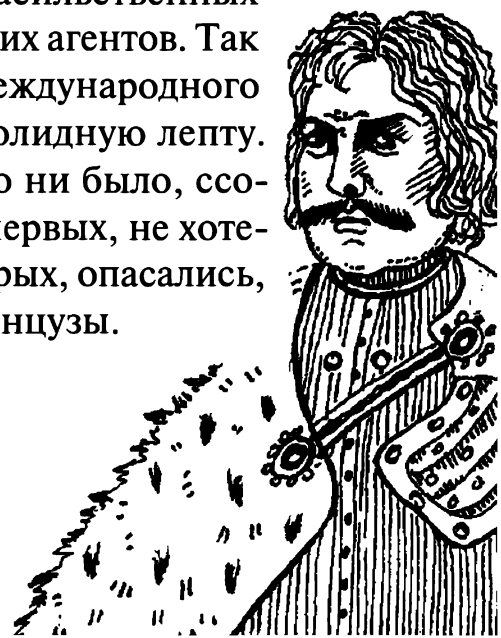
¹ Сандомирская конфедерация объединяла шляхту южных воеводств, поддерживающую Августа Сильного.

явил о согласии Анны заключить с царем союз. Но при этом англичане всеми силами затягивали дело.

Мальборо и Харли, несмотря на все противоречия между ними, дружно разыгрывали спектакль перед русским послом. Перед отъездом в Гаагу в апреле 1708 года Мальборо посетил Матвеева и сказал ему, что будет способствовать русским интересам. Но чуть позже вместе с принцем Евгением и Хейнсиусом они заключили: «Что касается московитов, то надо решить проблему, не огорчая царя, но и не принимая его в Великий союз. Дела короля Августа и всей Польши оставить без изменений, дабы не ссориться с королем Швеции». В это же время Анна признала Станислава Лещинского королем Польши. Герцог писал 9 мая новому государственному секретарю Бойлу: «Составьте наилучший план, как развлечь русского царя... Мы не должны окончательно рассориться с ним».

Матвеев уже провел в Лондоне четырнадцать месяцев, но так ничего и не добился. Это стало ему порядком надоедать. Раздражения ему добавляла английская пресса, прямо писавшая, что Карл намерен низложить Петра, посадить на русский трон царевича Алексея и учредить в России конституцию. Многим в Англии это казалось возможным.

Масла в огонь подлил странный инцидент, случившийся с Матвеевым 21 июля 1708 года. Карету посла остановили прямо на улице и отвезли его в тюрьму, обвинив в неуплате торговцам 50 фунтов. Узнав об этом, Бойл распорядился освободить Матвеева и принес извинения. Он назвал это дело «несчастливым случаем» и «вопиющей дерзостью» и проинструктировал Уитворта уверить царя, что королева испытывает «глубокое сожаление» в связи с происшедшим. 23 июля государственному секретарю пообещал Матвееву, что на осенней сессии парламента будет принят билль о недопустимости насильственных действий в отношении послов и дипломатических агентов. Так на практике вырабатывалась важная норма международного права. Случай с Матвеевым внес в это дело солидную лепту. 29 июля Матвеев покинул Альбион. Как бы то ни было, ссориться с Московией англичане не хотели: во-первых, не хотели лишаться выгодной с ней торговли, а во-вторых, опасались, что этим воспользуются в своих интересах французы.



Только 17 сентября Петр, занятый войной со шведами, выразил свой протест английской королеве по поводу оскорбления посла и потребовал наказать виновных. Ничего этого не произошло, поскольку парламент не нашел в поведении английских должностных лиц ничего предосудительного. Конфликт завершился лишь в феврале 1710 года, уже после разгрома шведов под Полтавой, когда англичане вновь стали искать расположения русских и Уитворт от имени королевы принес Петру I официальные извинения по этому делу. Петр был удовлетворен и больше о деле Матвеева не вспоминал.

После Полтавской битвы исход Северной войны был фактически предрешен, но Шведская империя не без помощи английских, французских и имперских дипломатов предпочла вместо заключения мира агонизировать, теряя последние клочки балтийской территории. «Шведы навсегда останутся в истории... А царь приобрел в Европе значение и будет играть большую роль в общих делах» — так «похоронил» Швецию Лейбниц в письме русскому послу в Вене Урбиху.

Неопределенность в войне и во внутрианглийских делах не помешала Мальборо отреагировать на победу русских. Он узнал о ней спустя двенадцать дней — в лагерь под Турне прибыл посланец с письмом от Александра Меншикова. «Победа царя настолько значительна, что в ее последствиях не стоит сомневаться уже сейчас. Те северные государи, которые много лет благоговели перед королем Швеции, сейчас будут очень беспокоиться, если Англия и Голландия вовремя не примут меры, дабы помешать возможным изменениям на этих территориях», — писал герцог Годолфину в августе 1709 года. И о том же Хейнсиусу: «Надо подумать, как удержать баланс сил на севере». В письме Саре он посетовал: «Если бы несчастный король заключил, как ему советовали, мир с царем в начале лета, он мог бы... влиять на отношения между нами и Францией и сделал бы свое королевство счастливым, в то время как сейчас он во власти своих соседей». Тогда же Мальборо оценил мощь русского государя и в общих чертах определил будущую западную политику «сдерживания» России.

Анна Стюарт сочла необходимым поздравить Петра: «Я с удовлетворением восприняла весть о победе Вашего Ве-

личества и поздравляю Вас с успехом Вашей армии... Примите заверения в моей искренней дружбе...»

Битва под Полтавой стала самым решающим сражением двух европейских войн. Она не только определила исход Северной войны, судьбу Карла и распад Шведской империи, но и наметила вступление России в недалеком будущем в разряд великих держав. Начавшиеся в мае 1718 года на Аландских островах мирные переговоры между Швецией и Россией уже не могли кардинально ничего изменить.

В 1722 году Петр I, просматривая начатую дипломатом и вице-президентом Коллегии иностранных дел Петром Шафировым «Историю шведской войны», строго заметил, что в ней обязательно надо упомянуть «визит Мальбрука в Саксонию». Они — Петр и Мальборо — так никогда и не встретились, но ясно понимали ту роль, которую каждый из них играет в истории.



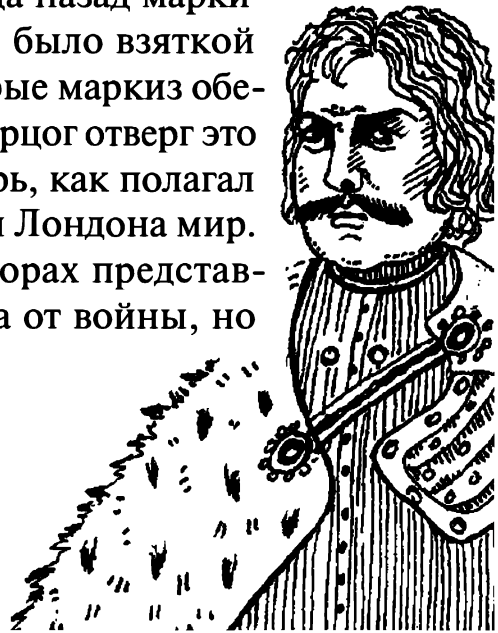
XI. Осень жизни: дипломатия и Мальплаке

Я боюсь, что если война продлится дольше, наши союзники станут для нас более опасными, чем враги.

Иоганн Леопольд, князь Траутсон

Еще во время осады Лилля Мальборо начал переписываться со своим племянником герцогом Бервиком. Франция, потерпевшая поражение в трех больших битвах, находилась в отчаянном состоянии. Джон, затеявший переписку, уверял племянника, что желает мира, но напоминал о «доказательстве доброй воли», обещанном ему два года назад маркизом д'Аллегре. Это «доказательство», по сути, было взяткой в 2 миллиона ливров (150 тысяч фунтов), которые маркиз обещал Мальборо от имени Людовика XIV. Тогда герцог отверг это предложение, но ситуация изменилась, и теперь, как полагал он, можно будет заключить благоприятный для Лондона мир.

Позиция Британии на возможных переговорах представлялась исключительно сильной. Страна устала от войны, но



парламент тем не менее проголосовал за увеличение армии на 10 тысяч человек. Налоги были высоки, но правительственный кредит был отличным. В Английском банке можно было взять заем всего под 6 процентов. Для имперского посла в Лондоне фон Хоффмана такая ситуация казалась невероятной — финансы рекой лились в казну, и все это основывалось на бумажных деньгах и пунктуальной оплате своего интереса! «Подобного не увидишь ни в одной стране», — сказал как-то Сандерленд тестю. «Не обольщайтесь, дорогой зять, когда-нибудь за это придется расплатиться», — отвечал ему Мальборо.

Он, опытный человек, разбиравшийся в финансах, знал слабости безудержного кредита. К тому же Джон ощущал себя не в своей политической тарелке. Он, тори из семьи тори, пострадавшей во время смуты середины прошлого века, сейчас зависел от вигского большинства в палате общин.

Но самым непредсказуемым элементом ситуации являлась королева. Тори атаковали ее с предложением принять ганноверскую курфюрстину, которую она никогда не видела и которую не выносила. Виги пошли дальше. Проявив отсутствие элементарной чуткости, они заявили в парламенте, что королеве надо найти нового мужа. Это касалось больной женщины 45 лет, перенесшей семнадцать выкидышей и лишившейся единственного сына! Партийной политике явно не хватало хороших манер. Неудивительно, что в декабре 1708 года Годолфин писал Мальборо в Брюссель: «Парламент поддержал войну, но королева симпатизирует нашим противникам... Я ничего не могу изменить, пока вы не появитесь здесь». Находившийся в Англии лорд Сидней острее чувствовал ситуацию. Но Джон не сомневался, что все держит в своих руках. В это же время он писал жене: «Я нахожу, что миссис Мэшем совсем не думает о том, что худо предпринимать любые меры против Мальборо и тех, кого он любит...»

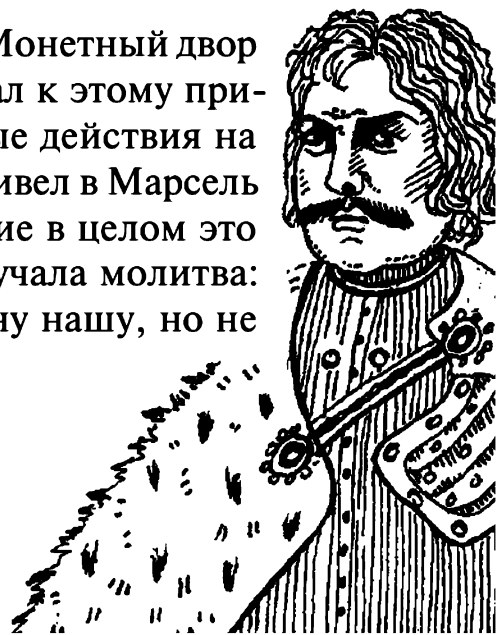
После потери Лилля Людовик увеличил свое «предложение» до 4 миллионов ливров. Такую сумму трудно было проигнорировать. Эти деньги были обещаны герцогу, если англичане согласятся отдать Филиппу вместо испанского трона Неаполь и Сицилию. Тогда же «второй» король Испании опять предложил Мальборо вице-королевство в Нижних Нидерландах. Одновременно Мальборо узнал, что Людовик зондирует почву

для мира в Голландии. Душа полководца, желавшего «закончить свои дни в покое и на хорошем посту», пришла в смятение. Он отклонил предложение «второго» короля, а в остальном колебался.

Несчастья Франции усугубила лютая зима 1708/1709 года, которая прервала все военные действия вплоть до середины марта 1709 года. «Невозможно выразить, как я страдал от исключительно холодной погоды по пути из Брюсселя в Гаагу. Путь занял 5 дней, тогда как в другое время его можно было совершить за 2 дня», — жаловался Мальборо герцогине в середине января. Удивление современников вызывали ледяные каналы Венеции и засыпанный снегом Рейн. Но самые страшные холода наблюдались именно во Франции. Мороз достигал 20 градусов. «Этот холод, — писала герцогиня Орлеанская курфюрстине Ганноверской Софии, — столь ужасающ, что слова замерзают у меня на языке. Я сижу напротив яркого огня, моя шея закутана в меховую накидку, на моих ногах медвежья шкура, а я все равно трясусь от холода». Вино в бочках превращалось в лед. Когда гвардейцы в Версале стали умирать от холода на посту, король сократил их дежурство до пятнадцати минут. Жизнь в Париже приостановилась: спектакли не шли, об играх и увеселениях никто не помышлял, рыночная площадь опустела. Даже парижский парламент, собиравшийся с завидной регулярностью, ушел на незапланированные каникулы. По утрам столицу убирали от трупов замерзших людей. За один февраль в Париже умерли 24 тысячи человек.

Все посевы погибли на корню, а импорт зерна из Леванта и Африки сократился из-за блокады британским флотом зимнего порта Маон на юге Франции. Весной в стране начался голод. Ужесточились законы против спекулянтов, зерно разрешали продавать только на рынке, для нищих и бродяг открыли работные дома.

Людовик нервничал. В июне он отослал на Монетный двор свой золотой сервиз, тарелки, блюда и призвал к этому придворных. Немного взбодрили Версаль удачные действия на море — бывший пират капитан Жак Кассар привел в Марсель 25 кораблей с зерном из Туниса, но положение в целом это спасти не могло. Во французских церквях звучала молитва: «Отец наш, прости врагам, разорившим страну нашу, но не



генералам, что допустили их до этого...» Чаще всего главную причину своих бед французы усматривали в мадам де Ментенон, которая, по их мнению, втянула короля в войну. Но сама Ментенон с конца 1706 года уговаривала Людовика пойти на компромисс с Великим союзом, а спустя два года ее поддержал даже воинственный Виллар: «Нам нужен мир любой ценой».

Секретные переговоры во время Войны за испанское наследство велись практически постоянно. Разумеется, тайные дипломатические манипуляции, неустанная работа агентов и шпионов имели место и раньше, но, пожалуй, впервые они приобрели некое международно-правовое обоснование и не осуждались в европейском обществе. Чем дольше длилась война, тем сильнее сказывались противоречия между союзниками, которые надо было периодически гасить. Великий союз сформировался в ответ на растущую французскую гегемонию. Но каждая победа сокращала угрозу, исходившую от Людовика XIV, и вместе с этим возникали сомнения в необходимости продолжать войну.

С самого начала своего правления Иосиф I неохотно шел навстречу пожеланиям союзников. Отношения с Пруссией и Савойей были напряженными из-за его нежелания удовлетворить их территориальные и финансовые претензии. Оба государства держались за Великий союз благодаря англо-голландским субсидиям и надежде, что Морские державы прислушаются к их пожеланиям. В свою очередь, Британия и Соединенные провинции не радовались завоеваниям Иосифа в Италии и Венгрии. Лондон опасался проникновения Вены в Испанскую Америку, а многие голландские политики после завоевания Нижних Нидерландов склонялись к тому, что Франция больше не представляет угрозы. Обо всех этих противоречиях знали Людовик XIV и Торси и, разумеется, пытались их использовать.

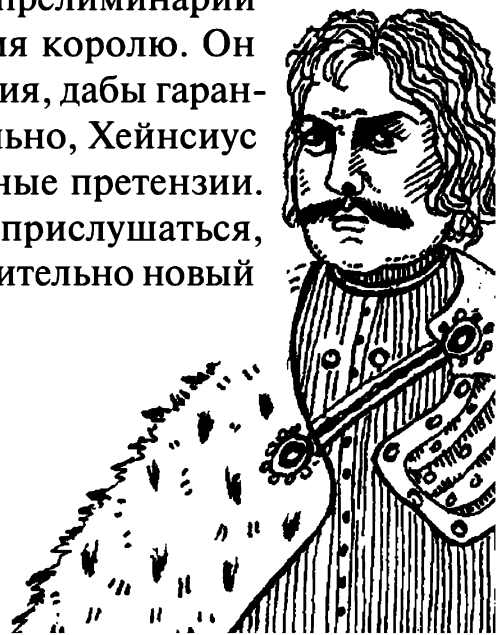
В декабре 1708 года Торси возобновил секретные переговоры с Голландией. Хейнсиус информировал об этом Мальборо, надеясь подтолкнуть англичан к компромиссу. Но об этих переговорах также узнал посол Иосифа в Гааге барон Хемс и сообщил о них в Вену. Император пришел в негодование, и в результате консультации голландцев с французами бы-

ли заморожены. Это, впрочем, было на руку и англичанам, которые не хотели, чтобы Гаага и Версаль договаривались сепаратно.

Новое прощупывание почвы для переговоров началось весной 1709 года. 27 апреля представлявший французскую сторону президент парижского парламента герцог Пьер Руайль де Марбеф получил перечень требований союзников и отправился в Версаль за инструкциями. Читая рапорт посла, Людовик XIV заплакал — по сути, это были условия капитуляции. Но что, казалось, оставалось делать, когда его армия и все подданные находились на грани отчаяния? Лучи «короля-солнца» уже не согревали Францию, как раньше.

В такой обстановке Торси решил лично — в обстановке величайшей секретности — посетить Гаагу в надежде сократить аппетиты союзников. 20 мая состоялись переговоры, главными действующими лицами которых были, с одной стороны, триумvirат в составе Мальборо, Евгения Савойского и Хейнсиуса, а с другой — Торси и Руайль. Требование принца Евгения, чтобы все испанское наследство досталось эрцгерцогу, было встречено Торси без особых возражений. Однако он отказался отдавать Империи Эльзас, а Савоие — крепости в Дофине. На самом деле маркиз мог принять и эти пункты, но полагал, что в случае его абсолютной покорности триумvirат потребует еще больше. Будто бы испытывая возмущение, Торси внезапно прервал переговоры, на что Мальборо заметил Евгению, что он блефует. Когда на следующий вечер французы вернулись за стол переговоров, им выставили те же условия, что и накануне. Мальборо был полон оптимизма, когда писал Саре 21 мая: «Ты должна надеяться, что добрый мир будет заключен...»

Но Торси, не предвидя уступок, 22 мая известил Хейнсиуса, что покидает Гаагу, и попросил составить прелиминарии (предварительные условия) для представления королю. Он надеялся, что союзники смягчат свои требования, дабы гарантировать их принятие Людовиком. Действительно, Хейнсиус предложил Империи сократить территориальные претензии. Похоже, принц Евгений был склонен к нему прислушаться, но тут в Гаагу прибыл настроенный весьма решительно новый посол Вены князь Зинцендорф.



В результате документ, который увез с собой Торси, содержал следующие условия. Эрцгерцог Карл получал все наследство Карла Испанского, кроме территорий, занятых союзниками. Голландский «барьер» включал восемь крепостей — Фурне, Кнок, Конде, Ипр, Менин, Турне, Лилль и Мабейж, — и оговаривалось, что Карл позже наградит голландцев крепостями в Бельгии, контроль над которой Генеральные штаты будут сохранять до окончательного соглашения. Король Франции должен был признать протестантское престолонаследие в Англии, передать ей права на Ньюфаундленд и разрушить укрепления Дюнкерка. Также он должен был признать корону Пруссии за Фридрихом Гогенцоллерном и курфюршеское достоинство правителей Ганновера и предоставить коммерческие привилегии Морским державам и Португалии. Империи доставалась только часть Эльзаса, но Франция была обязана разрушить крепости, возведенные в Эльзасе после заключения Вестфальского мира 1648 года. Статья 4 прелиминарий обязывала Францию в течение двух месяцев отозвать войска из Испании и способствовать отречению Филиппа от испанского престола. Если же Филипп откажется, то, согласно статье 37, Людовик по прошествии этих двух месяцев должен был объединиться с союзниками для войны с ним.

Эти предложения были заведомо неприемлемы для Франции. Мальборо, несмотря на обещанную ему фантастическую взятку, при всем своем желании не мог обеспечить Филиппу V Неаполь и Сицилию. Он просто не мог стать в оппозицию своему другу Евгению Савойскому, принимавшему участие в переговорах лорду Таунсенду, военной партии в Голландии, в пользу которой сам недавно выступал в Гааге, и непримиримо настроенному императору. Он был недоволен происшедшим и писал жене: «Условия, представленные Франции таковы, что она вправе не принять их...»

Торси покинул Гаагу 28 мая, Руайль остался до получения королевского ответа. А дипломаты Великого союза продолжали верить (или только делали вид, будто верят), что Людовик XIV примет их условия.

2 июня на заседании Государственного совета в Версале требования Великого союза были отвергнуты. После этого Мальборо и принц Евгений запоздало пришли к мнению, что

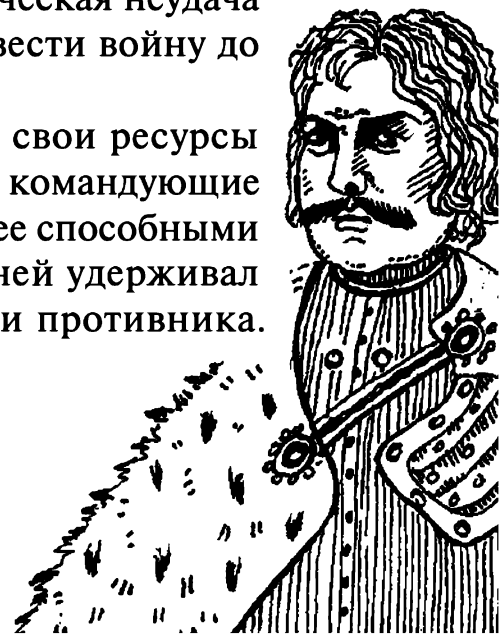
включать в документ требование о том, чтобы Людовик начал военные действия против своего внука, было ошибкой.

Накануне своего шестидесятилетия герцог, как свидетельствуют его письма Саре и Годолфину, очень хотел заключить мир и вернуться в Лондон триумфатором, но понимал, что французский король никогда не подпишет такой договор. Тогда же Джон стал осознавать, что виги постепенно оттесняют его от центра политики и дипломатии. Ему казалось, что Таунсенд специально прибыл в Гаагу, чтобы присматривать за ним и контролировать переговоры.

Как бы ни было, Великий союз упустил возможность заключить в 1709 году договор гораздо более выгодный, нежели это случилось позже — в 1713–1714 годах. Дело в том, что Лондон, Гаага и Вена не учли одно важное обстоятельство: они полагали, что ведут одну войну — войну против Людовика XIV, из которой они при любых условиях выйдут победителями. На самом же деле войны было две — одна, бóльшая, против Франции, и другая, меньшая, против Испании. В 1702 году Людовик мог удалить своего внука из Испании одним словом, в середине войны это слово еще могло возыметь какой-то эффект, но спустя несколько лет уже ни один приказ из Версаля, как и нажим всей Европы, не заставил бы Филиппа отказаться от короны, а испанцев принять короля Карла. Довольно скоро после переговоров в Гааге Морские державы и Империя вынуждены были признать, что испанский вопрос невозможно решить, договорившись только с Францией.

После того как прелиминарии были отвергнуты, война возобновилась. Раздосадованный тем, что его планы рухнули, 12 июня Мальборо заметил Хейнсиусу: «На месте короля Франции я скорее пожертвовал бы всеми ресурсами страны, чтобы... вновь атаковать противника. Я буду работать день и ночь, чтобы достойно сражаться с ним». Дипломатическая неудача требовала компенсации. Он намеревался довести войну до победного конца.

Франция тем временем мобилизовала все свои ресурсы и собрала внушительную армию. Неудачливые командующие Вильруа, Фейяд и Марсен были заменены более способными военачальниками. Маркиз де Сюрвиль 57 дней удерживал Турне, осажденный превосходящими силами противника.



В августе и сентябре герцог де Ноай одержал несколько побед в Каталонии. Также в августе графу дю Буржу улыбнулась удача при Румерштейне, которая оставила за французами Верхний Эльзас. Через два дня генерал Дийон овладел Бриансоном.

Активизация военных усилий противника заставляла Мальборо плохо спать по ночам. Новости из Лондона о том, что в окружении королевы говорят о его отставке, не добавляли энтузиазма. «Лорд-канцлер, я и ты не имеем реального доверия королевы, и если не будут приняты меры, станет еще хуже... Буду надеяться, что эта зима положит конец войне и что мир продлится так долго, сколько мы будем еще жить...» — писал Джон Саре в августе 1709 года. Поведение некоторых союзников после победы Петра под Полтавой тоже внушало беспокойство, которым он делился с Годолфином. «У меня есть причины опасаться, что договор, заключенный недавно тремя королями в Берлине о совместных операциях против Швеции, будет иметь большие последствия. Мы можем лишиться войск из Пруссии и Брауншвейг-Гольштейна, а это 60 тысяч солдат. Я уже не говорю, какие выгоды от этого получит Франция. Надо... не потерять эти полки. Пенсионарий сомной согласен, и мы обязываем этих правителей не отзывать своих солдат...» Беспокоило Мальборо и то, что ему противостоял Виллар, которого он ценил больше других французских полководцев.

Когда в начале сентября Мальборо двинул армию к крепости Монс, Виллар поспешил ему навстречу и хотел атаковать, но затем решил не рисковать, занял выгодную позицию недалеко от деревни Мальплаке севернее Монса между Ланьерским и Теньерским лесами и стал укреплять ее.

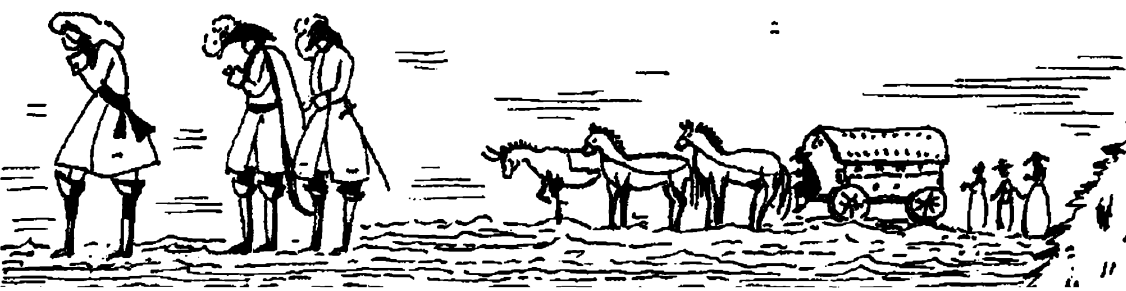
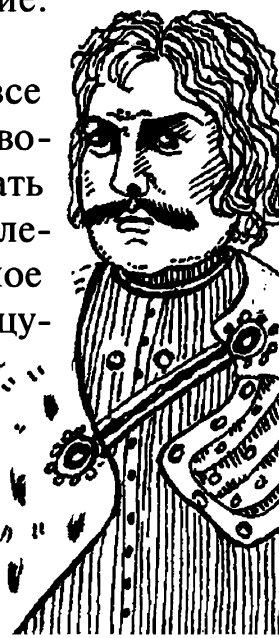
Поле между лесами имело спуск к деревне Онуа, перед которой французы устроили линию окопов с батареями, которые могли обстреливать перекрестным огнем пространство впереди. В тылу у них лежали деревни Мальплаке и Тенье. Правым крылом французов командовал генерал д'Артаньян, занявший Ланьерский лес и укрепившийся на равнине; левое крыло генерала Лагеля стояло впереди Тенье; центром командовал сам Виллар. Общий резерв составляла конница, часть которой находилась за левым флангом.

Войска союзников примыкали левым крылом к Ланьерскому лесу, а правым — к селу Сар. Конница располагалась за пехотой. Евгений Савойский командовал правым крылом, а герцог Мальборо — левым крылом и центром. План, разработанный полководцами союзников, заключался в том, чтобы, угрожая правому крылу и центру французов, одновременно ударить по их левому флангу, обойти его и выйти противнику в тыл. Затем в атаку должны перейти центр и левый фланг. Виллар, по задумке Мальборо и принца Евгения, должен был попасть в клещи, или, как тогда говорили, «поставлен между двух огней». Силы союзников превосходили противника — 110 тысяч против 95 тысяч. Приводятся и другие данные, но они подтверждают численный перевес союзной армии.

Сражение, одно из самых кровопролитных в XVIII веке, произошло 11 сентября 1709 года. Накануне, согласно воспоминаниям английского капитана Блекадера, «случилась исключительная вещь: наши и французские офицеры ходили между лагерями и общались как друзья... Но скоро это было нарушено генералами с обеих сторон».

Под прикрытием густого тумана в 3 часа утра войска союзников заняли свои места. В половине восьмого туман рассеялся, и обе стороны начали палить из пушек. Затем союзная армия начала движение тремя колоннами: первая наступала на правое крыло противника, вторая — против центра, третья — к Сарскому лесу. Пятнадцать батальонов пехоты следовали в резерве. Французы успешно отбили три атаки третьей колонны. В это время первая колонна начала атаку в центре. Несмотря на сильный огонь французских пушек, союзники овладели бруствером, но были выбиты оттуда. Позиции эти еще несколько раз переходили из рук в руки, но в конце концов остались за французами, и только удар союзной кавалерии помешал им развить успех и перейти в общее наступление. Треть армии Великого союза была уничтожена.

На левом фланге французов союзники, несмотря на все усилия, не смогли совершить обходной маневр, так как вовремя понявший их намерения Виллар бросил в бой тридцать батальонов, прежде бывших в центре. Исход сражения на левом фланге еще не был ясен, когда Виллар получил серьезное ранение в ногу. Это вызвало замешательство в рядах францу-



зов, чем воспользовался принц Савойский, который врезался в центр их позиций, ослабленный переброской сил на левый фланг, и овладел опушкой Теньерского леса.

Примерно в эти минуты Мальборо атаковал правое крыло французов, двинув туда пятнадцать батальонов пехоты и конницу. Французы оборонялись отчаянно, бросив в битву старые полки и швейцарскую гвардию, и все-таки вынуждены были на исходе дня отступить к Валансьенну. Маршал Буффлер, заменивший раненого Виллара, отвел полки с поля боя в полном порядке. На следующий день в четырех лье от Мальплаке французы приготовились продолжить сражение, но Мальборо и Евгений не осмелились их атаковать.

Сразу после битвы Джон написал Саре: «Я настолько устал, что у меня нет сил подробно рассказать тебе о сегодняшней кровавой баталии... Бог нам благоприятствовал. Сейчас в нашей власти сделать мир таким, каким мы хотим, и я почти уверен, что больше сражений не понадобится». День спустя в письме Таунсенду он обошелся без восторгов: «Обе стороны потеряли сейчас больше убитых, чем во всех сражениях этой войны». По одним данным, союзники потеряли 25 тысяч, французы — 15 тысяч человек, по другим — не менее 30 тысяч и 12 тысяч. Часто утверждается, что у Мальплаке пал каждый четвертый в армии союзников и каждый шестой французский солдат.

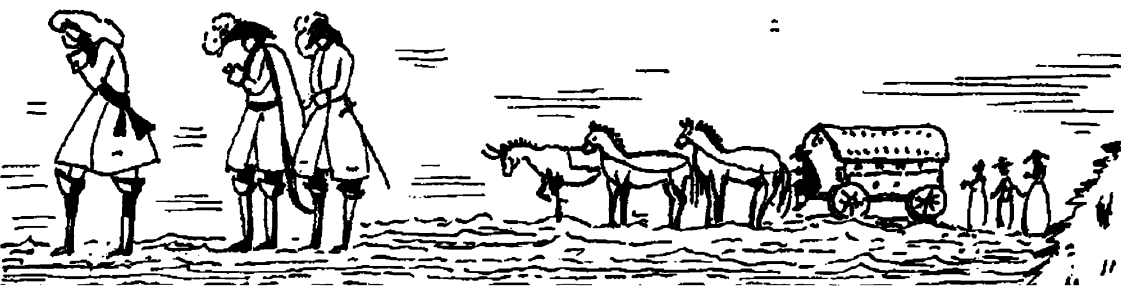
Союзники посчитали себя победителями. Но большинство французских биографов «короля-солнце» считают, что битва при Мальплаке «знаменовала конец победоносной стратегии непобедимого до сих пор Мальборо». В целом можно сказать, что формально это сражение закончилось победой союзной армии, но со стратегической точки зрения победителями оказались французы. «Если Господь нам окажет милость проиграть еще одну такую битву, Ваше Величество может считать, что противник уничтожен», — гордо заметил на пышной аудиенции в его честь у Людовика торжественно прибывший в Версаль на носилках Виллар. Своеобразным эхом его слов стало замечание Сент-Джона: «Положение нашего государства немногим лучше, чем у противника. Мир в интересах всех». «Вы сохранили честь Франции», — подвел итоги Мальплаке Людовик XIV в письме Виллару от 20 сентября. Король пони-

мал, что он восстановил и свою собственную честь. Виллару при дворе и во всей Франции были оказаны невиданные почести. Мальборо же — не как полководец, а как политик — был близок к падению.

Мальборо был поражен количеством погибших. «С 11 сентября я каждую минуту считаю убитых и раненых, что терзает мое сердце... В этой битве французы были более беспощадны, чем когда-либо раньше... Я надеюсь, что эта битва будет последней из тех, что я видел, и думаю, что французы не смогут продолжать войну...» — писал он Саре 13 сентября. На людях он говорил иное: «Мальплаке уничтожил французский дух, и теперь можно уничтожить саму Францию».

Среди английских офицеров ходили разговоры, что при Мальплаке было много неоправданных жертв. Позже в их мемуарах можно было прочесть: «Оба наших генерала виновны в гибели множества храбрых солдат, хотя этого можно было избежать... герцог Мальборо... поступил опрометчиво, находясь под давлением принца Евгения. Таково общее мнение...» Но были и другие точки зрения. Лорд Галифакс написал герцогине Мальборо: «Ни один человек не являет собой образец такого мужества и замечательного успеха, как милорд Мальборо, жизнь которого была цепью проявлений исключительных способностей и совести. Я надеюсь, мадам, вы скоро увидите его возвратившимся с миром и победой... и будет счастлива королева и вся нация, которую он спас...»

Тем не менее Мальплаке укрепил тори в стремлении заключить мир с Францией и породил резкую критику Мальборо как «мясника» и «второго Кромвеля». Сара жаловалась, что королева не сказала ни одного доброго слова по поводу победы. Напротив, император Иосиф I наградил Евгения поместьем в Венгрии стоимостью 300 тысяч гульденов (полководец от поместья отказался и предпочел получить эту сумму наличными). Положение министра или придворного, зависящего от расположения императора, нельзя было сравнить с положением политика в Британии. Борьба партий могла смести его даже за малейший промах, а «подарки», считавшиеся в Вене обычным делом, в Лондоне рассматривались как взятки. Принц Евгений получил за свои победы больше, чем Мальборо, но никто не ставил ему это в вину.



Что же до Мальборо, то Харли не только обвинил его в коррупции, но и заявил, что именно он ответствен за провал переговоров в Гааге. При этом королева почти не скрывала своего расположения к Харли и другим тори. Влияние на нее Сары окончательно ушло в прошлое. Более того, при дворе на герцогиню бросили тень, распуслав слух, что в отсутствие супруга она стала метрессой его друга Сиднея Годолфина. Сам Джон ни на йоту не верил в неверность Сары, но понимал, к чему это ведет. Он попытался убедить королеву, что та незаслуженно отдала от себя герцогиню. «Вы не удовлетворены моим отношением к герцогине Мальборо... но никто не был таким другом для нее, как я...» — только и ответила Анна.

Несмотря на нападки, Мальборо настойчиво добивался пожизненного командования армией. В сентябре—октябре 1709 года он не раз писал королеве по этому поводу и получал отказ за отказом. В апологетических сочинениях о герцоге присутствует мнение, что его амбиции не шли дальше желания установления мира. Отчасти это верно: Мальборо жаждал мира в стране и за ее пределами, но только при условии, что сам он будет на посту, соответствующем его заслугам. Вот слова из его сентябрьского письма жене: «...Королева сделалась ревнивой к моей власти, и поэтому я решил убедить ее и весь мир, что не имею амбиций Бога. Но в то же время я не намерен быть ни во власти вилланов (тори. — *Л. И.*), ни даже самой королевы. Я убежден в своей правоте, и со стороны трудно понять, что руководит моим поведением, но ты и я знаем правду».

У англичан появились опасения, что голландцы, понесшие в битве при Мальплаке наибольшие потери, заключат сепаратный договор с Францией. В определенном смысле этому способствовало то, что начавшиеся в апреле между Мальборо и голландцами переговоры по поводу «барьера» затянулись. Джон упорно защищал политические и торговые интересы Англии на континенте, и чем тверже становилась его позиция, тем, по словам Хейнсиуса, у голландцев меньше было желания воевать.

Наконец 29 октября в Гааге был подписан так называемый договор Таунсенда. Мальборо сознательно уступил Таунсенду роль главного переговорщика и отказался поставить под до-

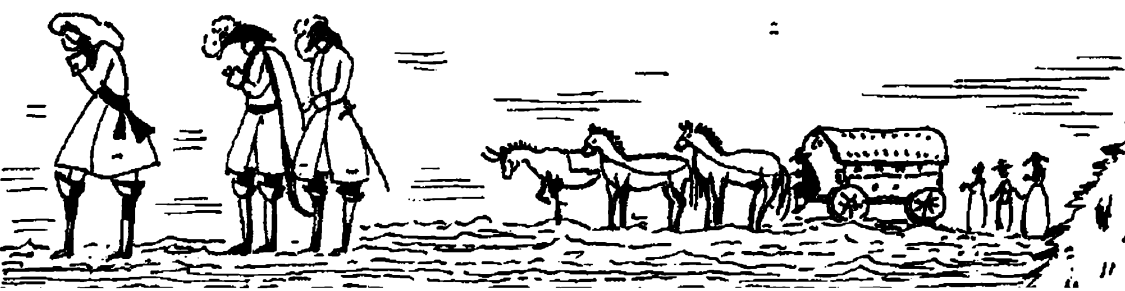
говором свою подпись, так как понимал, что в Англии далеко не все будут от него в восторге, и опасался нападков. Договор этот наносил удар по влиянию Габсбургов в Нижних Нидерландах. Тринадцать бельгийских городов-крепостей получали автономию от Брюсселя, и в них располагались голландские гарнизоны, и еще несколько могли перейти к голландцам в случае угрозы с любого направления; кроме того, семь городов во французской Фландрии передавались Голландии в полное владение. В итоге почти вся Бельгия превращалась в голландскую крепость.

Англичане также получили для себя немалые выгоды: Соединенные провинции гарантировали демилитаризацию Дюнкерка и исключили Остенде из крепостей барьера, получив взамен торговый город Дендермонде. Голландия обязалась защищать принцип протестантского престолонаследия в Британии и не изменять Великому союзу. Договор также обозначил привилегии Морских держав в Испанской Америке.

Пока было возможно, Лондон держал его в тайне от императора и «второго» испанского короля. Будучи в неведении, 14 сентября император подтвердил наследование тремя дочерьми Мальборо имения Миндельхайм, несмотря на действовавший в Империи закон, разрешавший передавать наследство лишь по мужской линии. Еще спустя четыре дня Иосиф I лично попросил герцога пресечь голландские амбиции. В общем, в Вене не имели представления ни о британской политике, ни о шатком положении герцога.

В конце ноября Мальборо, стремясь сохранить лицо, посетил Евгения и Зинцендорфа в Гааге и сообщил им содержание англо-голландского договора. Можно представить, как в Вене были раздосадованы происшедшим!

Вернувшись на Альбион, Мальборо провел при дворе, ставшим для него враждебным и неудобным, совсем немного времени. Вместе с женой и Годолфином он уехал в Бленхайм, дабы посмотреть, как идет строительство дворца, и заодно просчитать свои дальнейшие шаги. Дуумвират находился под непрерывным огнем тори и вигов-экстремистов, а его влияние на королеву, которая предпочитала слушать Харли и миссис Мэшем, становилось все меньше.



Сара в эти дни написала бывшей подруге письмо такого содержания: «Сейчас вы под влиянием фаворитов (себя фавориткой Сара не считала. — *Л. И.*) поступаете не в ваших собственных интересах и безопасности... Каждый день доказывает, что вы не слушаете ни Милорда Мальборо, ни лорда Годолфина, как обычно, и мне тяжело представить, что другим людям вы доверяете больше, чем им... И сейчас я молю Бога, чтобы он открыл вам глаза... Вам лучше советоваться с вашими главными слугами, и убедить мир, что эта леди (то есть Мэшем) — не что иное, как просто фрейлина...» Анне не могло понравиться это нравоучительное послание. «Фрейлина спальных покоев — ближайшая из моих слуг, и, кроме того, я держу около себя человека, согласного со мной», — отвечала она герцогине.

5 ноября 1709 года в соборе Святого Павла священник Генри Сэчверелл в неистовой речи критиковал терпимость правительства к диссидентам, осуждал Славную революцию и политику вигов. Лорд-мэр Сэмюэл Джерард способствовал публикации этой речи, ставшей, по мнению тори, образцом ораторского искусства. В свою очередь, сын архиепископа Йоркского Долбен назвал ее в палате общин напыщенным пустозвонством, клеветой и подстрекательством к мятежу. В конце концов проповедника арестовали и призвали к ответу перед палатой общин, которая постановила лишить Сэчверелла сана и, обвинив его в государственной измене, передала дело на суд палаты лордов. Обвинителем назначили Долбена.

Суд в Вестминстере длился три недели. Анна каждый день присутствовала в зале, где он заседал как частный наблюдатель. Огромная толпа громкими возгласами приветствовала обвиняемого, когда его вели на суд и обратно. Сторонники Сэчверелла устраивали беспорядки в Лондоне, вину за которые, однако, королева возлагала на вигов.

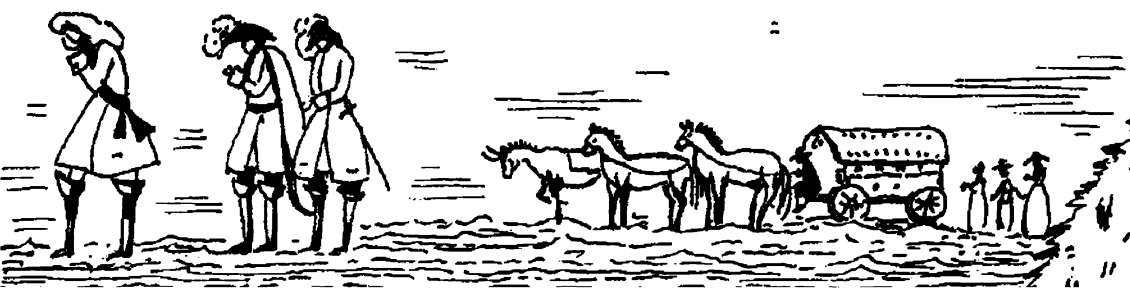
Защитительная речь Сэчверелла явно была подготовлена торийским адвокатом. Теперь он клялся в преданности королеве и ее правительству, почтительно отзывался о Славной революции и наследовании короны протестантом, отстаивал доктрину непротивления как основной догмат церкви. Его

признали виновным, но приговор был удивительно мягок и свелся к тому, что Сэчвереллу запретили выступать с проповедями три года, а брошюру с его речью торжественно предали огню. Мягкость приговора тори расценили как свой триумф. В глазах уставших от войны англичан Сэчверелл предстал мучеником и жертвой злоупотреблений вигов.

Мальборо во время этих событий находился в Гааге, но он не мог не понимать, что они создают крайне неблагоприятный фон для его деятельности. 10 января 1710 года на вакантный пост констебля Тауэра Харли предложил лорда Риверса. Мальборо выступил против. Риверс обратился к королеве, и та утвердила это назначение, хотя обычно в том, что касалось военных постов, соглашалась с герцогом. Более того, без согласования с ним она назначила капитаном оксфордских драгун Джека Хилла, брата Абигаиль Мэшем. Мальборо попросил ее отменить эти назначения, но получил отказ. Шокированный донельзя, он 15 января уехал в Виндзор и написал письмо королеве с требованием удалить либо миссис Мэшем, либо его самого. Правда, в первоначальном, довольно резком, варианте оно не достигло адресата. Годолфин стал уговаривать Джона вернуться в Лондон и предстать перед Анной, тот, чувствуя себя оскорбленным, отказывался. Начался период интенсивных переговоров, в которых сторону герцога представляли Годолфин, Сандерленд и другие его сторонники. Кризис остался неразрешенным, разве что королева согласилась пересмотреть назначение Хилла, «чтобы утешить герцога». Но через несколько месяцев Мэшем и Хилл получили должности бригадных генералов.

Тогда же Мальборо представил парламенту письмо с требованием для себя пожизненно поста командующего вооруженными силами. Но Анна сделала все, что могла, чтобы этого не случилось. Последовательный противник Мальборо герцог Аргайл писал позже: «Она заявляла, что надо отстранить герцога от командования армией и гнать его прочь, будь он жив или мертв». Мальборо был вынужден отступить, чтобы сохранить хоть часть своего политического влияния.

В конце февраля он отбыл в Гаагу. «Я любим в Голландии и желаю быть столь же любимым в Англии... И еще я хотел бы услышать мнение Сандерленда и других друзей, может, я



сделал неверный шаг...» — писал герцог жене из дипломатической столицы Европы. Но звезда вигов уже закатывалась. Понимали ли это Мальборо и его сторонники? Скорее всего, да.

Война тем не менее продолжалась. В этом были заинтересованы многие политики и дельцы, преследующие личные цели. Не исключено, что мысли о потере удобных возможностей для личного обогащения были не последними и для Мальборо. Но он и так обладал огромным состоянием. Может быть, война отвечала честолюбивым устремлениям герцога, желавшего сохранять роль вечного триумфатора? Возможно. А может, он просто не мог завершить войну, не добившись поставленной цели — полной победы над Францией? Скорее всего. Он слишком долго был первым человеком на континенте, на равных общался с коронованными особами и диктовал им свои условия. Кем станет он, окончательно возвратившись в Лондон, когда установится мир?

Важно не упустить еще один момент. Мальборо принял перемены, произошедшие в Англии после 1688 года. Точнее, он смирился с ними — ради себя и своей семьи. Проведший большую часть жизни в придворном обществе, сделавший там карьеру и соблюдавший его правила, он ненавидел английские партийные склоки. Сам тори, он фактически оказался вне партий.

Конец 1709 и 1710 год принесли много нового. Опять появилась угроза шведского вторжения в Империю, на сей раз из Порты. Распространялись слухи, что султан дал Карлу XII 50 тысяч конницы для его возвращения домой через имперские земли. Когда они достигли Вены, император запретил Карлу XII появляться в своих владениях, отказался предоставить убежище казакам гетмана Мазепы и вновь признал Августа II королем Польши. В декабре 1709 года Вена декларировала свой нейтралитет в отношении Швеции, а 31 марта 1710 года к ней присоединились Англия и Голландия.

Некоторые государства уже не видели необходимости вести войну против Франции и подняли вопрос о цене своего участия в Великом союзе. Ведь пока только голландцы получили от англичан компенсацию по «договору Таунсенда».

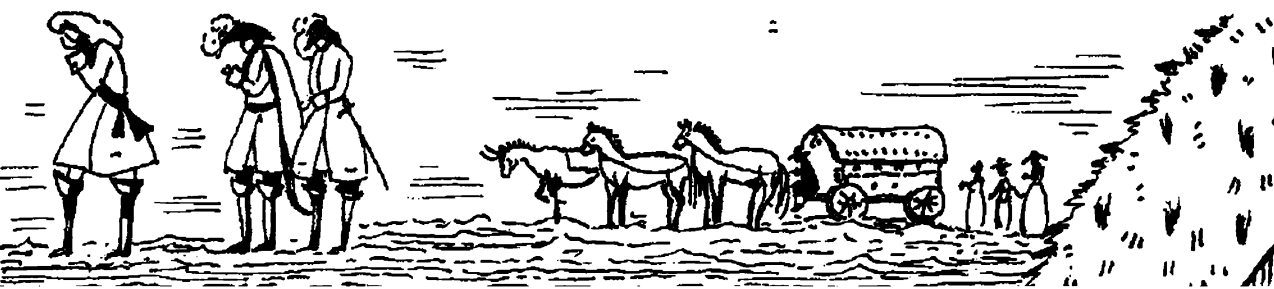
Того же хотели и другие члены коалиции — Савойя, Пруссия, Майнц...

В таких условиях начались новые переговоры о мире между Францией и союзниками в голландском городе Гертруденберге. В декабре 1709 года французская дипломатия отвергла предложения союзников возобновить переговоры на основе Гаагских прелиминарий, но уже в январе Торси уступил и отправил на переговоры в Голландию аббата Полиньяка и маршала д'Юкселя. Им были даны инструкции требовать компенсацию для Филиппа, если он откажется от испанского престола, и настаивать на отмене статей 4 и 37.

Голландцы соглашались отдать Филиппу Сицилию, но выступали за включение в договор статей 4 и 37. Император считал, что Филипп ничего не должен получить и «особенно ничего в Италии». Мальборо полагал, что достаточно обеспечить нейтралитет Франции, чтобы Великий союз завоевал Испанию. Но ему казалось, что французы сейчас, поскольку обстановка начала меняться в их пользу, не заинтересованы в мире. Поэтому он предложил соглашение с Версалем без статей 4 и 37. 27 марта о готовности заключить мир с Людовиком без этих статей сообщил королеве Анне и Генеральным штатам и император Иосиф. Но 4 апреля он получил депешу, что Версаль не примет мира, если Филипп не получит территориальной компенсации.

Правда, несколько недель спустя, когда Евгений и Мальборо осадили крепость Дуэ, французский король пересмотрел свое решение. 17 июня д'Юксель и Полиньяк попросили Великий союз дать Людовику четыре месяца, чтобы уговорить внука отречься от трона. Если эти усилия ни к чему не приведут, Людовик обещал финансировать операции союзников на Пиренейском полуострове. Мальборо не сомневался, что французы разыгрывают двойную карту, соглашаясь на мир и одновременно готовясь к продолжению войны.

Тем временем неожиданно для Филиппа V Версаль объявил о выводе французских войск из Испании, сохранив, впрочем, гарнизоны на севере страны — в Памплоне и Бискайе. Дело выглядело так, будто ради спасения королевства «король-солнце» готов поступиться интересами внука. Это решение вызвало восторг у союзников и бурю отрицательных эмоций



в Мадриде и в испанских войсках. Антифранцузские чувства выливались в кровавые драки.

Филипп тем не менее был намерен бороться за трон до конца. В какой-то мере его решимости способствовал и французский король, который союзникам говорил одно, а ему другое, обещая защищать интересы Испании. Но удача не сопутствовала испанским войскам: сначала они потерпели 27 июля поражение близ Альменары, а затем, 20 августа, у Сарагосы. После этого бóльшая часть Арагона перешла под контроль союзников.

Мальборо вдохновился этими известиями. «Бог, который управляет всеми событиями, я надеюсь, приведет нас к доброму концу. Я никогда так, как сейчас, не желал мира — ничего, кроме побед в Испании, не может быть лучше для всех» — так выразил он свои чувства в письме Годолфину в августе 1710 года. Мир, которого так добивался герцог на переговорах, не мог быть просто миром. Задачу свою он видел в том, чтобы Людовик был сломлен.

Казалось, что этот момент вот-вот наступит. Но французы думали иначе. Торси затягивал переговоры, чтобы подготовиться к новому витку борьбы. Разумеется, это происходило с санкции Людовика, который заявил, что если уж ему придется вести войну, он предпочтет вести ее против своих врагов, а не детей.

16 июля представители Великого союза на переговорах с Францией, по сути, предъявили Людовику ультиматум, заявив, что их державы возобновят войну на всех фронтах, если французский король безоговорочно не обяжет внука передать Испанию и ее владения в руки эрцгерцога в течение двух месяцев. Понимая, что пространства для маневра больше нет, 25 июля французские послы покинули Голландию.

Морские державы, Империя и прочие участники Великого союза были единодушны в намерении продолжать войну. Все были полны оптимизма благодаря победам в Испании. Но продолжалось это недолго. В конце лета курфюрст Георг Людвиг увел ганноверские войска с Верхнего Рейна, а в августе переговоры о сепаратном мире с Францией начал герцог Савойи Виктор Амадей. Войска союзников ничего не могли поделаться с французами во Фландрии, а вскоре выяснилось, что

окончательная победа в Испании не так уж и близка. Но главный удар по Великому союзу нанесла Великобритания. Этот удар отправил в нокаут и Джона Мальборо, бывшего душой антифранцузской коалиции.

XII. Дела Туманного Альбиона и последний раунд войны

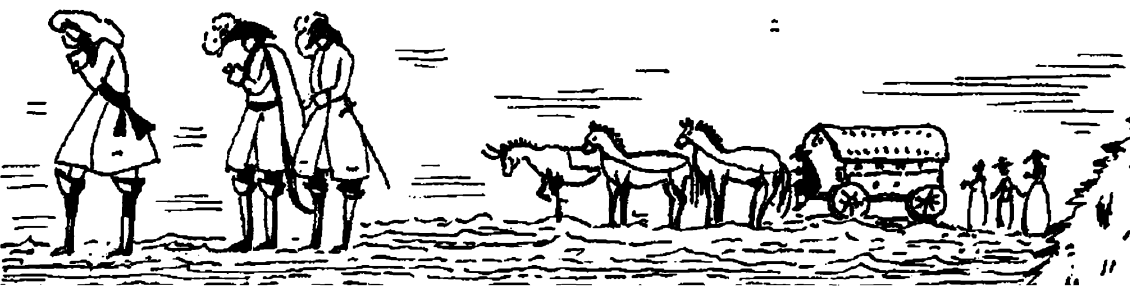
Единственные усилия, с помощью которых должно было совершиться великое событие — низложение Филиппа, предпринимались герцогом Мальборо.

Генри Болингброк

Втором английской «министерской революции» в 1710 году был Роберт Харли — исключительно ловкий политик, умевший приспособливаться к обстоятельствам. Он был умен, честолюбив и абсолютно беспринципен. Интеллигентного, сочувствующего якобитам Генри Сент-Джона коробили эти качества, и он без сожаления отдал первую скрипку Харли в их оппозиционном дуэте.

Парламентское правление устанавливалось в Англии временами грубо, в постоянных склоках, в судебных разбирательствах. Новое государство делало первые шаги, и значение королевской власти в нем было еще велико. Монарх мог назначать и смещать министров, распускать парламент, издавать имеющие юридическую силу документы. Политические решения принимались не только в парламенте, но и традиционным способом — путем интриг при дворе. С одной стороны, политики искали благосклонности королевской особы, с другой — сама эта особа стремилась заручиться их поддержкой, раздавая влиятельным членам парламента придворные должности и оказывая покровительство. Тот, кто это игнорировал, рано или поздно оказывался за бортом политической жизни.

Харли всегда чутко держал нос по ветру. 15 ноября 1688 года он вместе с отцом собрал конный отряд для поддержки Вильгельма III. Избранный в 1689 году в палату общин, он прим-



кнул к вигам, но скоро стал прислушиваться к тори, не одобряя вместе с ними внешнюю политику Вильгельма III. В 1701 году он был избран спикером палаты общин, а в 1704 году вошел в состав министерства Годолфина, занявшись иностранными делами. В то время он считался умеренным тори, что вполне устраивало Годолфина и Мальборо, но по мере того, как они склонялись на сторону вигов, Харли отдалялся от них и старался заручиться расположением королевы. Высокомерие герцога Мальборо, который стремился доказать, что может все знать и предусмотреть, раздражало его сверх меры.

Про сэра Роберта язвительно говорили, что он имеет пристрастие лишь к бутылке, не увлекаясь ни дамами полусвета, ни картами, ни конными состязаниями, к которым часто питали склонность британские министры. Все это, возможно, близко к истине, но в искусстве интриги ему не было равных. Современники называли его Робинотом-обманщиком. Не зря Мальборо доверил ему разведку, когда тот занимал пост государственного секретаря.

Харли понимал, сколь велика роль прессы в политической борьбе, и стремился приблизить к себе известных писателей и публицистов Британии. Он привлек на свою сторону Джонатана Свифта, Даниэля Дефо, многих других и только с Ричардом Стилем, чьи эссе служили пропаганде взглядов вигов, произошла осечка. В одном из номеров журнала «Тэтлер» Стиль так отозвался о Харли: «Он вечно заботится о том, чтобы его считали самым коварным из людей, и боится обвинения в недостатке ума». За это высказывание журналист потерял пост редактора «Лондонской газеты».

В отсутствие на Альбионе герцога Мальборо Харли при помощи торийской прессы старался вызвать возмущение его поведением: газеты обвиняли Мальборо в затягивании войны ради собственного кармана. Они кричали о том, что война ведется исключительно в интересах дуумвиров, что сила «нового Кромвеля» может стать неконтролируемой, если в стране сохранится влияние вигов». Среди авторов этих памфлетов был Свифт, что усиливало их воздействие на читателя. Порвав в 1704 году с вигами, Свифт считал, что будет теперь смотреть на борьбу партий, как «равнодушный зритель», но Харли сумел увлечь его на свою сторону. Главный мотив своей работы

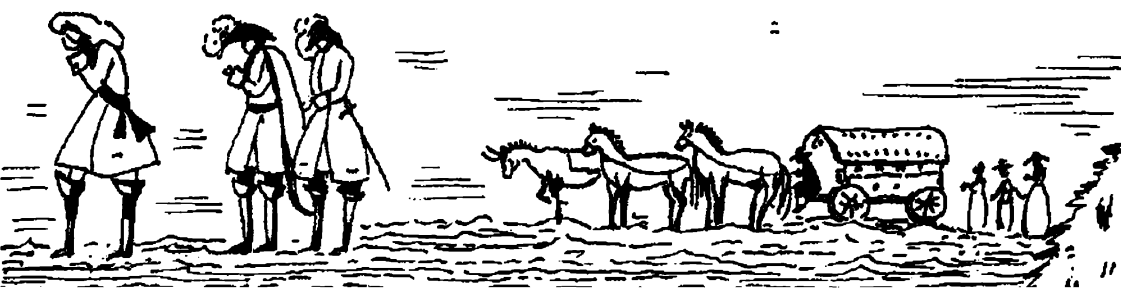
на тори Свифт выразил до наивности просто: «Тори прозрачно намекнули мне, что если я пожелаю, то смогу преуспеть». Он пожелал, и очень талантливо.

В публикациях лета 1710 года, которые потом вошли в «Историю четырех последних лет королевы», Свифт сатирически изобразил лидеров вигов и их сторонников. Годолфина он представил вельможей, благоволящего ко всем монархам, но симпатизировавшего лишь Якову II. У него, по Свифту, было два любимых занятия — царапать стишки, восхваляющие его любовниц, и карты. В любой момент он мог заплакать по команде — эту свою особенность Годолфин одинаково успешно применял в любовных и в политических интригах. Знания Сандерленда, по мнению Свифта, «оставляли желать лучшего», но он не пожелал их совершенствовать, хотя бы иногда заглядывая в свою богатую библиотеку. Военного министра Роберта Уолпола, который при Ганноверской династии будет премьер-министром, Свифт изобразил как беспринципного человека, нечистого на руку.

Но больше всего от писателя досталось Джону Мальборо. «Я не нахожу у него ни единого достоинства, кроме таланта полководца», — писал Свифт, замечая, что «недостаток образованности» герцог с лихвой компенсирует умением вести себя при дворе, а своим возвышением он обязан супруге. Главный его упрек Мальборо сводился к использованию для личного обогащения финансов, отпущенных для войны. «Он ненасытен, как сама преисподняя, и честолюбив, как ее повелитель. Он был бы не прочь сохранить за собой пост главнокомандующего до конца своих дней, и срывал все попытки заключить мир только ради того, чтобы не утратить своего положения и нажить как можно больше денег».

Мальборо, получая известия об английских делах, нервничал. «Я лучше закончу свои дни с соседями (то есть в Голландии), чем буду считаться великим при дворе, где я желаю лишь быть способным убедить королеву не вредить самой себе», — писал он Саре в марте 1710 года.

6 апреля в Кенсингтоне произошло событие, которое вошло в английскую историю под названием «историческое интервью». Вечером этого дня двери королевских покоев без стука отворились, и вошла герцогиня Мальборо. В литературе эту



сцену часто изображают в невыгодном свете для герцогини, представляя ее разбушевавшейся фурией, требовавшей неизвестно чего. На самом деле она вошла тихо. Герцогиня пришла узнать, верит ли королева в то, что о ней говорят, и хочет ли она впредь ее видеть. А говорили о Саре не только то, что она управляет Анной, — доходило до того, что она якобы «убивала собственных детей». Вот как эту встречу описала Мейнварингу сама герцогиня:

«Как только я открыла дверь, она тут же сказала, что собирается написать мне, и поэтому говорить с ней не стоит.

— О чем, мадам? — спросила я.

— Я еще не открывала ваше письмо.

— Разрешит ли Ее Величество сказать все, что я написала ей в письме, сейчас, поскольку я здесь?

— Нет, но вы можете написать мне.

— Мне трудно изложить некоторые вещи, терзающие мое сердце, на бумаге.

— Я разрешаю только написать мне.

— Ваше Величество никогда не делали столь тяжелых отказов... даже незначительной персоне.

— Обычно я предлагаю таким людям изложить их мысли письменно.

— Я ничего не скажу, мадам, о предмете, нелегком для вас, и вы не сможете упрекнуть меня во лжи.

— Вы можете сказать и о том, что вокруг меня много лжи, письменно».

Так продолжалось довольно долго, пока терпение Анны не лопнуло. Королева заявила, что уходит из комнаты, и отвернулась от герцогини. «Я следовала за ней до дверей, — продолжает Сара, — и слезы текли по моему лицу... я взывала к ней, что я неспособна говорить то, чего не думаю, что я никогда в жизни не лгала ей и жила ради ее безопасности... Она сказала, что я не могу оправдывать саму себя».

Конечно, можно представить, как Сара, это воплощение экспрессии, плакала и кричала. Но и характер королевы был нелегким: скоро она написала герцогине, прося забыть эту встречу. Сара решила не отвечать. Годолфин поддержал ее, сожалея, что и он уже не может влиять на королеву. Но больше всех подбадривал супругу Джон. Он писал ей в мае: «...Мне

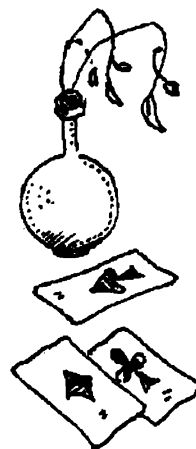
тяжело думать, что люди столь плохи. Я слышу так много неприятных новостей, что нам лучше не предпринимать никаких шагов и вести в будущем тихую жизнь. Но я не жалею, что каждый мой день в опасности (намек на войну. — *Л. И.*) приносит выгоду тем, кто хотят меня свергнуть. Бог все видит!» Поддержку самому Мальборо в это время оказывал принц Евгений. 10 июня Мальборо писал Саре: «Принц Евгений — истинный друг. Он заверил меня, что его двор сделает все, что я пожелаю...»

Скоро Евгений выполнил обещание: за герцога в посланиях к королеве вступился император Иосиф. Самому Мальборо Иосиф написал в июле: «Мой дорогой князь и возлюбленный брат! От себя лично желаю вам счастья. Вся честь лучших людей континента может уйти вместе с вами. Завоеванная для всех польза придает вашему имени особый глянец и делает его славнейшим в мире... Я надеюсь, что Ее Величество прислушается к моим увещаниям...» Джон принимал попытки защищать его с благодарностью, но не надеялся на их успех.

Отставка Сандерленда по распоряжению королевы 13 июня 1710 года стала началом конца политического господства вигов. Анна твердо решила освободиться от прежних советников. Мальборо, получив известие об отставке зятя, написал ей с континента: «Когда дела Ее величества идут так хорошо и война близится к концу... ничего не выглядит столь странным, как ваше желание изменить министерство, которое верно служит вам и работает для пользы всей Европы... Смогут ли новый министр сделать больше, чем прежний?.. Вы поступаете так, словно ваша армия проигрывает, и вы рады любому миру, который предложат французы... К чему все это может привести?»

Сара, в свою очередь, тоже отреагировала на отставку Сандерленда. Она написала королеве резкое письмо, прямо заявив, что Анна находится под пятой миссис Мэшем. Более того, если раньше герцогиня ограничивалась намеками, то теперь она открыто обвинила королеву в лесбийских отношениях с Мэшем. Эти два послания от четы Мальборо, возможно, стали последней каплей в чаше терпения Анны.

8 августа 1710 года потерял пост лорд-канцлера Годолфин, его место занял Харли, который с 24 мая 1711 года будет име-



новаться графом Оксфордом. Сент-Джон получил место государственного секретаря; в 1712 году он станет виконтом Болингброком. Граф Уортон сдал дела на посту вице-короля Ирландии герцогу Ормонду. Джордж Гренвилл был назначен военным министром вместо Роберта Уолпола. Кроме того, на выборах в октябре 1710 года тори получили две трети мест в палате общин.

То был триумф Харли — королева и страна оказались в руках тори. В правительстве не осталось ни одного прежнего министра, за исключением герцога Мальборо, который все еще командовал армией.

Кампания 1710 года складывалась для союзников удачно. 26 июня Мальборо взял Дуэ, 28 августа — Бетюн, 29 сентября — Сен-Венан и 12 ноября — Эр. Но сам Мальборо, однако, был недоволен происходящим, поскольку не смог осуществить экспедицию против Кале и Булони, откуда планировал перенести войну на собственно французскую территорию. Сандерленд, поздравляя герцогиню Мальборо с очередной победой супруга, заметил: «Она делает Милорда господином над противниками за границей, но, увы, не дома».

Перемены в английском правительстве изменили подход Англии к переговорам о мире. Согласно инструкциям лорд-канцлера, граф Джерси начал переговоры с агентом маркиза де Торси в Лондоне аббатом Готье. Харли выбрал Джерси, поскольку тот был женат на католичке и являлся якобитом — французы могли ему доверять. Чтобы подсластить начавшиеся консультации, Версаль пообещал графу пенсию в 3000 фунтов в год. Дневник главы Департамента иностранных дел Франции за 1710 год завершался следующими словами: «Идея мира и переговоров витала в воздухе в начале этого года. Она витает и сейчас, но с тем отличием, что события в Англии... позволяют ожидать еще более благоприятных условий мира».

Начиная сепаратные переговоры с Версалем, Лондон желал приобрести немалые выгоды за счет голландских и имперских союзников, но самим союзникам при этом до самого конца 1710 года демонстрировалось намерение выполнять все взятые перед ними обязательства.

Тем временем, 28 сентября 1710 года, Карл III торжественно въехал в Мадрид. Но триумф был недолгим. Позже «Мадрид-

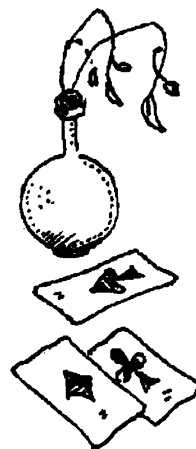
ская газета» следующим образом описывала прием, оказанный «второму» королю населением испанской столицы: «Мадрид был так мрачен, что невозможно вообразить... 1 октября состоялась церемония целования рук эрцгерцога. Она была короткой и малочисленной...» Враждебность жителей Мадрида к Карлу нарастала с каждым днем, и, когда пришло известие, что к городу движется французская армия герцога Вандома, он понял, что здесь ему не удержаться, и бежал в Барселону. 3 декабря Филипп V возвратился в Мадрид под громкие приветственные крики.

Вечером 8 декабря Вандом неожиданно появился под стенами Бриуэги, где расположился командующий английскими силами Стэнхоуп. Последовал штурм, в результате которого англичане потеряли 3000 убитыми, 300 ранеными и еще около 2000 сдалось в плен. Если бы Стэнхоуп продержался еще 12 часов, то ему, возможно, помог бы выйти из окружения австрийский командующий Штаремберг.

Но Штаремберг сориентировался слишком поздно, дав Вандому возможность расправиться с армиями союзников порознь. На следующий день после поражения англичан австрийцы были наголову разбиты близ Вильявисьосы. Потери их составили более 8000 человек. «Никогда не было для армий короля более удачного сражения, чем сражение при Вильявисьосе, которое принесло ему полную победу; эта огромная армия, которая дошла до Мадрида и создавала угрозу для оккупации всей Испании, теперь полностью разбита в двух боевых операциях», — писал в своей реляции в Версаль счастливый Вандом.

Исход сражений при Бриуэге и Вильявисьосе оставил эрцгерцогу Карлу ничтожные шансы стать испанским королем. «Сражение при Вильявисьосе, — запишет в своем дневнике маркиз де Торси, — меняло полностью развитие событий как в Испании, так и во всей Европе». 23 декабря Джерси проинформировал Готье, что англичане склоняются к тому, чтобы оставить Филиппа владеть Испанией и Индиями.

В конце 1610 года Мальборо еще имел беспрекословную поддержку и авторитет в армии и Европе, но палата общин и новый Кабинет министров всячески демонстрировали ему свою неприязнь. Дошло до того, что впервые за годы войны он



не получил после одержанных побед обычных поздравлений от парламента. Осенью из-за невыплаты парламентом денег приостановилось строительство Бленхайма, в связи с чем Мальборо заметил: «Бленхайм призван означать благодарность англичан за мои победы, так пусть же он остается таким, наполовину достроенным, чтобы показать, какова эта благодарность».

Свифт, выступая в роли проводника торийской политики, не унимался. «Продолжение войны — это большое зло для нации, — писал он зимой 1710—1711 года. — Трудно понять, что движет теми людьми, которые в интересах королевства не желают покончить с длительной и дорогостоящей войной...» Свифт во всех бедах страны винил «алчную и честолюбивую клику вигов», развязавшую войну и доведшую страну почти до разорения. И в самом деле кампании герцога Мальборо уже стоили Англии многих тысяч жизней и миллионов фунтов стерлингов.

Пропагандистским рупором Мальборо и вигов стал Хэа. В начале 1711 года он опубликовал патриотический трактат «Переговоры о заключении мирного договора...» — своего рода панегирик герцогу. Хэа писал, что «ничего нет более абсурдного, чем обвинять в желании затягивать войну человека, который лучше всех исполнял наши желания... Это неблагодарная роль для человека, который возглавил Союз, и худшее, что герцог мог сделать для себя лично». Трактат был полон яростных атак на тори — «якобитов» и «сообщников французов», не желавших понять, что «ничто так не поможет достичь хорошего мира, как добрая война». Хэа писал об угрозе результатам «Славной революции», которая стоила так дорого и которую поддержала большая часть нации.

Наступил 1711 год. В январе Готье в очередной раз доносил Торси о заинтересованности лондонских политиков в переговорах с Францией. Он сообщал, что в британской столице уже мало кто требует отречения Филиппа V от испанского трона и Лондон готов убедить Соединенные провинции возобновить переговоры с Францией на новых условиях. Но маркиз не спешил. Во-первых, Людовик XIV теперь и слышать не хотел о прелиминариях Морских держав. Во-вторых, у французов возникли вопросы: как отреагирует на переговоры Голландия? Что скажут в Мадриде, узнав, что судьбу Испании решают без

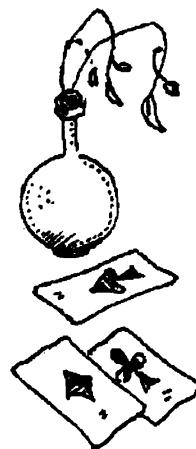
ее участия? Горси настаивал на участии в переговорах баварцев и испанцев.

Но тут произошло событие, которое внесло существенные коррективы в ход войны: 17 апреля 1711 года от оспы умер император Иосиф I, и в результате выборов его сменил на троне под именем Карла VI «второй» испанский король. Основным его соперником был прусский король Фридрих Гогенцоллерн. Возможно, никогда раньше условия для появления в Европе протестантского императора не были столь благоприятными.

Могло показаться, что Морские державы склоняются к этой идее — что стоило Британии, покупавшей для всех солдат в годы войны, купить и голоса католических курфюрстов?! Но тогда под угрозой срыва оказались бы англо-французские переговоры о мире. Францию Фридрих в качестве императора не устраивал, ибо Карл в таком случае по-прежнему оставался бы претендентом на испанскую корону. В это время политики Морских держав опасались выступления в Европу из Османской империи Карла XII: ходили слухи о франко-шведско-турецком союзе против Вены. Военные действия могли бы возобновиться с новой силой, что было на руку Мальборо и вигам. Поэтому английская дипломатия предпочла в имперские выборы не вмешиваться. Это вполне устраивало Францию, которая также предпочла наблюдать за ними со стороны.

С другой стороны, усиление и возможное расширение Империи в результате избрания императором Карла VI никак не входило в расчеты Британии. Со времени правления Вильгельма III в основе ее внешней политики была формула баланса сил. Англичане стремились играть роль арбитра в соперничестве между Габсбургами и Бурбонами, что давало им массу преимуществ. Смерть Иосифа поставила Британию в сложную ситуацию: получалось, что его преемник может получить еще и испанский трон. Мальборо замечал Годолфину: «Смерть императора повлекла за собой значительные изменения... В Испании придется многое решить заново, или мы столкнемся с еще большими трудностями».

В 1711 году борьба против Франции отошла для Британии на второй план. Непосредственная угроза протестантскому престолонаследию была снята, а вот угроза нового преобладания Габсбургов в Европе стала реальностью. Призрак



диктовавшей свою волю Европе в XVI веке империи Карла V Габсбурга, над которой «никогда не заходит солнце»¹, сблизил намерения Лондона и Версаля. Их переговоры вступили в новую фазу, а предложения англичан стали более выгодными для французов. Изменение в соотношении сил на континенте стало важным аргументом, когда дошло до оправдания сепаратного мира перед немецкими союзниками. В конце апреля 1711 года Готье прибыл в Лондон с предложениями Версаля по поводу территориальных изменений в Европе, торговых привилегий Англии и статуса Испанских Нидерландов.

Лорд Шрюсбери настоял, чтобы королева лично зачитала французские предложения перед Кабинетом и проинформировала о них Генеральные штаты. До этого переговоры велись в секрете от Кабинета министров и даже, возможно, от самой Анны. Даже Сент-Джон, второе лицо в правительстве, узнал о их существовании только в начале весны.

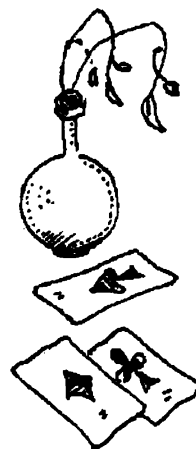
В новую фазу переговоры вступили 8 октября, когда были подписаны предварительные условия мирного договора между Англией и Францией — «Прелиминарные статьи октября». Людовик признавал курфюрста Ганновера Георга наследником английской короны, обязывался разрушить укрепления Дюнкерка, уступить англичанам Гибралтар и ряд островов в Атлантике, а также передать им торговлю в Америке рабами-неграми. Договор предполагал отказ от объединения корон Франции и Испании и восстановление голландских оборонительных крепостей. Но главное — за династией Бурбонов сохранялся испанский трон. Перемирие между двумя странами планировалось установить в июле 1712 года на два месяца во Фландрии, а затем оно должно было быть перенесено на все фронты.

Влияние Мальборо было на исходе. 17 января 1711 года он попросил аудиенции у королевы, надеясь примирить ее со своей женой, и принес с собой письмо Сары. Анна была холодна и сначала отказалась принять письмо, но затем все-таки

¹ Карл V Габсбург (1500—1558) — император Священной Римской империи и король Испании под именем Карла I. Благодаря скрещению династических линий Карл получил в наследство огромные территории в Европе, никогда не объединявшиеся ранее: Южные Нидерланды, Голландию, Бургундию, Испанию, Балеарские острова, Сардинию, Сицилию, Неаполь, территории Священной Римской империи.

прочла его на глазах у герцога. «Я не могу изменить мое решение удалить ее», — сказала она и потребовала, чтобы Сара возвратила ключ Госпожи королевского гардероба. Это означало отставку Сары. Джон унизился до того, что на коленях просил королеву не делать этого. Анна была непреклонна, а друзья уговаривали оскорбленную герцогиню не покидать двор, но Сара уехала в Виндзор.

«Женщины ничего не значат, если они не фаворитки принца или первого министра, — писала она впоследствии. — Я думаю, очень немногие женщины... обладают достаточным чувством справедливости, чтобы служить тем, кому они действительно хотят служить». В своих мемуарах и переписке герцогиня не раз упоминала о причинах, приведших к охлаждению между ней и королевой. На первый взгляд объяснение простое — многолетняя опека Сары надоела Анне, и она приблизила к себе Абигайль. Но причины разрыва были глубже, и Сара отдавала себе в этом отчет. Герцогиня оказалась приверженной вигам в большей степени, чем королеве. Леди Мальборо писала: «Я могла использовать свое преимущество и доверие, только вырвав ее (королеву. — *Л. И.*) из рук тори... У меня никогда не было с ней никаких разногласий — кроме как из-за вещей, необходимых для ее собственного благополучия, или из-за вигов, к которым она была не расположена». Сара упрекала королеву в скрытых симпатиях к брату-Претенденту, в неискренности ее заявлений о строгом соблюдении Акта о протестантском престолонаследии. Герцогиня возмущалась тем, что Анна ставила свои пристрастия выше безопасности и счастья подданных, и внушала королеве, что тори — это раздражаемые противоречиями сумасшедшие. Но как раз симпатия к брату и желание сделать его преемником при условии, что он перейдет в протестантизм, сближали Анну с тори.



С тяжелым сердцем Мальборо в марте 1711 года уехал в Гаагу. Когда он покидал Альбион, Анна назвала его «человеком необходимости, но не доверия». Герцогиня Сомерсет, а не миссис Мэшем заняла при ней место Сары, а Мэшем получила должность Хранительницы личного кошелька.

С апреля 1711 года Мальборо находился в штабе близ Турне, не зная, что для Англии война уже почти закончена. После смер-

ти Иосифа он получил письмо от Сент-Джона. Тот спрашивал, не предпримет ли герцог вместе с принцем Евгением и Генеральными штатами усилия, чтобы помешать выбору императором эрцгерцога Карла? Задача выглядела невыполнимой — Мальборо знал, что Евгений твердо стоит на стороне Карла. Не было ли это письмо провокацией, лишним поводом унижить его? В мае Евгений покинул союзную армию, чтобы поддержать эрцгерцога на выборах, а Мальборо чуть позже в осторожных выражениях дал понять Карлу об опасениях Лондона на его счет.

Он понимал, что его единственный шанс заключается в достижении военного успеха — и такого, на который нельзя не обратить внимания. В августе он вошел на территорию Франции с севера, заключил в кольцо крепость Бушен и разбил лагерь под Дененом, изолировав Валансьенн и Конде. А затем, 12 сентября, искусным маневром прорвал у Арле и Обиньи французскую укрепленную линию и взял Бушен. Это была последняя победа в полководческой биографии Мальборо.

Но радости он не ощущал, поскольку догадывался, что ему «позволили» провести кампанию 1711 года с целью сохранить давление на Францию во время переговоров. Тем не менее Мальборо предложил торийскому правительству грандиозный проект вторжения во Францию, согласно которому кампанию следовало начать раньше, чем обычно, — зимой следующего года, чтобы застать противника врасплох. Но 6 ноября 1711 года он узнал о «Прелиминарных статьях октября» и понял, что война для него закончилась. 29 ноября он вернулся в Лондон, а армия перешла под контроль парламента.

Когда подошло время готовить мирный конгресс, Лондон вдруг «вспомнил» о своих союзниках. В Гаагу срочно выехал лорд Страффорд, а в Лондон, ему навстречу, — бургомистр Амстердама Буис с протестом против переговоров за спиной голландцев; в англо-французских прелиминариях интересы Голландии были забыты. Сент-Джон невозмутимо ответил Буису, что голландцы, если хотят, могут продолжать войну, но только теперь опираясь на собственные силы. Гааге после этого не оставалось ничего, как смириться и включиться в переговоры, правда, с условием, что конгресс соберется в Утрехте.

В начале декабря от имени английской королевы членам Великого союза были разосланы приглашения участвовать в кон-

грессе, который предполагалось открыть 12 января 1712 года в Утрехте. На долю Страффорда досталось доказывать принцу Евгению и другим противникам британских предложений, что большинство целей в войне достигнуты и уже можно обсуждать условия будущего мира.

Но ни Евгений, ни император Карл так не считали. В начале января 1712 года в Вене прошла коронация Карла VI. Из иностранцев присутствовали лишь титулованные испанские эмигранты и неаполитанские авантюристы. Но даже они во время этого торжественного события выразили желание, чтобы представители Империи приняли участие в мирном Конгрессе.

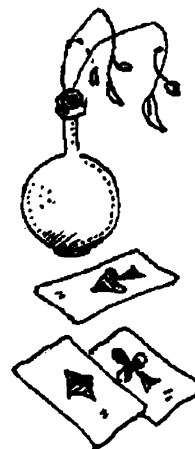
В результате длительного переговорного процесса, проходившего параллельно военным действиям в течение почти шести лет, кто наметил перспективы наилучшего решения своих проблем, кто реализовал свои честолюбивые устремления, у кого просто возникла надежда на стабилизацию обстановки, а кто получил пощечину. В любом случае, мир был не за горами. Сопротивлялись лишь те, кому досталась пощечина. Джон Мальборо считал, что самую болезненную пощечину получил именно он.

XIII. Тяжба

Побежденные часто не дают спать победителям. Лорд Мальборо, стоя во главе своей армии, трепещет при одной мысли о речи Генри Сент-Джона или о статье нашей газеты «Экзаминейтер». С ним — принц Евгений, Голландия и армия... Со мною — Свифт, Прайр и Эттербери. У него — шпага, у нас — печать! Посмотрим еще, на чьей стороне будет победа... Знаменитый и алчный маршал хочет войны, которая опустошает государственную казну и наполняет его карманы...

Э. Скриб. Стакан воды

«Этот мир воистину стал безумным. Мне непонятно, как писака, пусть даже очень способный, может низвергнуть в бездну позора и отчаяния самого знаменитого гене-



рала в Европе», — с горечью удивлялся Мальборо в послании к принцу Евгению в декабре 1711 года. Герцог мог вести победоносную войну, умел плести тонкие нити дипломатических кружев, прекрасно знал, что такое придворная игра и немилость монарха. Но перу талантливого публициста он был противостоять не в силах.

Не ложь, а полуправда — вот главное оружие политической войны. Именно полуправдой пользуются самые изворотливые политики и... публицисты, особенно если перед ними ясная цель. Свифт, когда писал в своей лондонской квартире на Нью-Пантон-стрит знаменитый памфлет «Поведение союзников», ставил целью склонить мнение общественности против войны и поддержать мирные намерения тори. Он писал о том, что война допустима либо с целью «воспрепятствования чрезмерному усилению тщеславного соседа», либо для возвращения захваченных территорий. Но нынешняя война развязана не в интересах монарха или народа, а в угоду генералу Мальборо и вигам. «Сорт людей, которых называют “денежными”, развязали войну для того, чтобы сделаться еще богаче, не заботясь о том, что их народ станет еще беднее... Мы сражаемся за то, чтобы создать славу и богатство одной семье (то есть семье Мальборо. — *Л. И.*), обогатить ростовщиков и банкиров... разорить собственников земли. Продолжая войну, мы игнорируем интересы общества и способствуем процветанию личных интересов».

Памфлет появился на свет 27 ноября 1711 года и имел шумный успех. День спустя после публикации его автор заметил: «Мой издатель забежал ко мне рано утром, чтобы сказать, что он должен немедленно печатать новое издание». За месяц было продано 11 тысяч экземпляров, памфлет прочли около 30 тысяч человек. Люди встречали Свифта на улице и, не зная, что перед ними автор, показывали ему «Поведение союзников» и говорили, что это «что-то исключительное». А Сент-Джон сообщил ему, что голландский посол планирует перевести памфлет на свой язык.

«Поведение союзников» обсуждали в кофейнях, пабах, университетах и при дворе. Когда 7 декабря собрался парламент, большинство его членов не сомневалось, что граф Оксфорд и Сент-Джон правы, начав мирные переговоры с Францией.

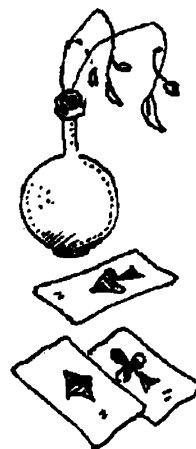
Еще недавно популярный лозунг «Нет мира без Испании!» теперь в глазах многих выглядел старомодным.

Мальборо, хоть и «низвергнутый в бездну позора и отчаяния», все еще пытался бороться. Он считал англо-французские прелиминарии предательством интересов государства и пренебрежением к своим достижениям. Роберт Уолпол, отец и сын Годолфины, Фрэнсис Хэа, Артур Мейнваринг и его жена развернули в прессе кампанию против тори, обвинив их в том, что скорый мир — часть нового якобитского заговора. Хэа писал, что двор коррумпирован и что «более оправдана война, чем скандальный и небезопасный мир». В ответ правительство подвергло ряд изданий цензуре.

7 декабря 1711 года королева Анна произнесла в парламенте гневную речь против вигов и Мальборо. «К великому разочарованию тех, кто восхищается войной, мирные переговоры должны прийти к своему завершению», — сказала она. Тут же ревностный англиканин лорд Ноттингем призвал не заключать мир, пока на испанском троне сидит «бурбонский» принц. Ему возразил лорд Энглси, заметивший, что выгодный мир можно было заключить уже после Рамильи, если бы не противодействие тех, «в чьих интересах было продолжать войну».

Наконец взял слово Мальборо: «Я обращаюсь к королеве — не я ли постоянно информировал ее и Совет обо всех мирных предложениях и не я ли желал получить ясные инструкции, как мне поступать дальше?» Дальше он говорил о своей восьмилетней службе, об успехах и рисках, которым он подвергался ради блага Англии и королевы, о том, что не может не думать о своей репутации и готов служить королеве и стране ради заключения почетного и прочного мира, но не станет принимать участие в переговорах, которые отдадут Испанию в руки Бурбонов.

Речь Мальборо произвела большой эффект на слушателей, и, когда пришло время голосования в палате лордов, тори проиграли двенадцатью голосами. За одну минуту щеки королевы стали пунцовыми. Она резко поднялась со своего места и поманила к себе герцога Сомерсета, который голосовал против политики ее правительства. Все обсуждали, что значит этот жест королевы. Может быть, она надумала сместить Оксфор-



да? И Мальборо опять вскочит в седло политической власти? Многие полагали, что именно так и будет. Свифт намеревался бежать в Ирландию — подальше от опасной сцены политической борьбы. «Вы будете обезглавлены, а меня повесят», — уныло заметил он Оксфорду.

В тревожной для тори обстановке Оксфорд и Сент-Джон оставались удивительно спокойными. Их уверенность основывалась на твердом расчете: они не сомневались, что вслед за победой в палате лордов виги потерпят поражение в палате общин. Так оно и случилось, причем за мир и переговоры было подано 232 голоса против 106, то есть поражение вигов было разгромным. Более того, чувствуя за собой силу, тори начали кампанию против Мальборо, обвинив его в стяжательстве.

От парламента требовали засвидетельствовать, что герцог самым нечестным образом обращался с общественными деньгами. Суммы были подсчитаны, документальные свидетельства разными путями добыты. Королеве Оксфорд заявил, что у нее два пути — либо признать, что ее капитан-генерал — потенциальный Кромвель, и защитить своих министров, либо разделить несчастную судьбу своего дедушки Карла I, который в свое время не смог уберечь от эшафота лорда Страффорда¹.

Дело против Мальборо готовилось на различных уровнях. Перед его обсуждением в парламенте Оксфорд настоятельно советовал королеве пополнить верхнюю палату двенадцатью новыми пэрами, преимущественно из Шотландии. В палату лордов был избран и супруг миссис Мэшем. Анна не желала безродного выскочку делать пэром, но уступила настояниям Оксфорда. Когда новые пэры прибыли на заседание палаты, известный острослов лорд Уартон спросил — будут они голосовать индивидуально или вслед за своим вождем.

29 декабря 1711 года Анна подписала отставку герцога, а 31 декабря он был официально смещен со всех своих постов.

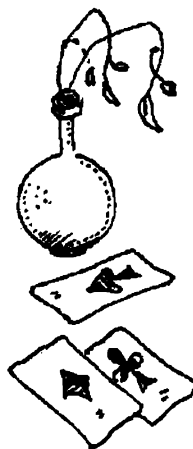
¹ Томас Уинтворт, 1-й граф Страффорд (1593—1641) — одна из главных политических фигур в Англии в период беспарламентского правления Карла I, в 1640 году — главный советник короля. Когда парламент приговорил его к казни, Карл I подписал смертный приговор, и 12 мая 1641 года Страффорд был казнен.

Параллельно тори вели массивное пропагандистское наступление на Мальборо. Анонимные памфлеты вещали: «Где наши свободы и права, если нечем платить и не на что жить? Все ушло ему на подарки...» Особенно популярным стал памфлет, где Мальборо изображался как жирный и дерзкий кот королевы Анны, которого следовало напугать парламентской собакой. В нападки на герцога включился и Даниэль Дефо, считавший, что Англия достигла своих целей и, следовательно, надо прекращать войну. Он писал Оксфорду: «Я надеюсь, Бог направит Милорда принять отставку и разоблачит человека-идола. Ведь он претендует на самое великое».



1 января 1712 года указом королевы капитан-генералом английских войск и капитаном Первой гвардии был назначен якобит герцог Ормонд, а начальником артиллерии — лорд Риверс. Свифт, немало сделавший для падения Мальборо, с тревогой отнесся к плодам своего труда: «Это лекарство слишком сильное, и я молю Бога быть терпеливым и вынести все это».

Одновременно по инициативе тори казна официально перестала выделять средства на строительство дворца Бленхайм. Рабочие, оставшиеся без оплаты, грозили прекратить строительство, а Сара, пребывавшая в прострации, только пожимала плечами. Ее былой энтузиазм к украшению дворца угас: она уже не желала ни зеленой беседки, ни дополнительной галереи, ни новых экзотических растений...



Людовик XIV воспринял новость о лишении Мальборо всех регалий в первую минуту с недоверием, а затем воскликнул: «Отставка Мальборо — это предел наших желаний!» Ведь не так давно политика Британии определялась этим человеком, который и сейчас, в первое утро января 1712 года, в письме королеве Анне упрямо твердил, что «дружба с Францией опасна для Вашего Величества». Герцог ошибался, полагая, что французы еще возьмут реванш — его военные достижения основательно сократили возможности Франции. Кроме того, он отказывался понимать, что фанатизм испанцев может обратиться и против самих французов.

Мальборо не сдавался. В парламенте у него были защитники, в прессе — тоже, а при дворе он рассчитывал на поддержку принца Евгения. Ведь настоящая дружба проверяется имен-



но во время неудач. Евгений всегда был в курсе его проблем, и сейчас принц понял, что пора включаться в дело.

Среди тех, кто желает вести себя нецивилизованно, никто не способен проделать эту работу совершенней, чем английский джентльмен. Так считал принц Евгений, который 5 января 1712 года прибыл в Лондон, чтобы уговорить англичан продолжать войну. Встретили его неприветливо. Еще в Гааге его пытался отговорить от поездки граф Страффорд. А на подходе к Лондону, в устье Темзы, Евгения стали предостерегать от общения с Мальборо, но он демонстративно остановился в доме опального друга. Английские министры избегали его, демонстрируя занятость, а иногда и просто невежливость. Ситти собирался устроить банкет в его честь, но вроде как позабыл сделать это. Разве что лорд Портленд устроил пышный обед, на котором присутствовали виги и все те, кто желал выразить свое восхищение знаменитому полководцу.

Правительство опасалось проявления народной симпатии к победителю-принцу, а вместе с ним — к Мальборо и вигам. Когда они вместе появились в опере, то привлекли внимание зрителей гораздо больше, чем актеры. Зал приветствовал знаменитых полководцев бурной овацией. Торийские публицисты немедленно начали кампанию и против Евгения. Свифт особо подчеркнул, что «величайшим желанием этого принца является война, он... видит себя только во главе армии...», жаждет славы, рискуя жизнями тысяч людей, и считает себя наследником кондотьеров эпохи Ренессанса.

Утром 17 января 1712 года принца принял Генри Сент-Джон. На следующий день аудиенцию ему дала королева, которой Евгений передал письмо императора. 16 февраля принц увидел королеву еще раз. Анна хотя и подарила ему украшенный бриллиантами меч стоимостью 4500 фунтов, была холодна. В британском тумане Евгений не нашел военного энтузиазма. «Визит принца Савойского был последней надеждой, которую потеряли враги мира...» — писали тогда английские газеты.

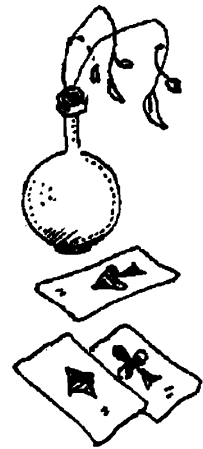
Пробыв в Англии два месяца, принц Савойский отбыл во свояси. Он не смог помочь боевому товарищу, который не только лишился своих постов, но и находился под угрозой бесчестья. Тори считали, что Мальборо должен быть повер-

жен окончательно и бесповоротно: ему нельзя было оставить никаких шансов.

Джон не был первым, кого тори обвинили в коррупции. В Тауэре уже находился способнейший из молодых вигов Роберт Уолпол, который занимал должность военного министра в 1708—1710 годах. «Я настолько унижен, что в один прекрасный день буду мстить», — сказал он во время заключения своей сестре Долли и впоследствии выполнил обещание. Но не Уолпол был главной целью тори. Нападая на него, они, по словам Свифта, «разыгрывали козырную карту в деле Мальборо».

Герцога обвинили в растрате войсковых средств, сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении взяток от союзников и противников. Было подсчитано, что он за десять лет получил взятку от поставщиков для армии на сумму 63 619 фунтов стерлингов или 664 851 гульден. Ему вменили в вину, по меньшей мере, два пункта: во-первых, Соломон де Медина платил ему за контракт по обеспечению армии хлебом 6000 фунтов в год; во-вторых, ему доставалось 2,5 процента от сумм, вотируемых парламентом для содержания иностранных войск на английской службе. Эти два источника увеличили состояние Мальборо как минимум на 170 тысяч фунтов, а некоторые называли и 250 тысяч. «Не отсюда ли происходит громадное состояние Мальборо?!» — вопрошали его политические противники. Простые сквайры были готовы поверить всему сказанному против человека, который в их умах ассоциировался с «денежным интересом».

Генеральному прокурору было приказано возбудить против Мальборо судебное дело, чтобы вернуть хоть часть денег. Герцог защищался просто. Он признал, что был единственным контролером расходования финансов на войне, и поэтому реального положения вещей, кроме него, никто не знает и не понимает. Комиссия на хлебные контракты и 2,5 процента на оплату иностранных войск были традиционным дополнительным доходом командующего в Нижних Нидерландах. Эти деньги, по утверждению Мальборо, пошли на организацию секретной службы, на что парламент выделил лишь 10 тысяч фунтов в год, тогда как во время короля Вильгельма расходы на разведку составляли куда больше — 70 тысяч фунтов.



Очевидный факт: ни одна разведка во время войны не могла сравниться с английской. А что касается хлеба, то герцог утверждал — и никто не мог это оспорить, — что британская армия дешево и в немалом количестве кормила хорошим хлебом голландских собратьев по оружию. Поставщики хлеба — сэр Соломон и его брат Мозес — подтвердили этот факт. Мальборо был уверен в своей правоте и знал, о чем говорить. Он подчеркнул, что в большинстве случаев не принимал даров, предлагаемых ему противниками, хотя среди дипломатов это было в порядке вещей. Он отклонил денежный подарок, предложенный ему Людовиком в 1706 году, не стал русским князем в 1707 году и не взял ничего от Бервика в 1708 году. А те 150 тысяч фунтов, которые он принял от французов в 1709 году, нельзя считать взяткой, поскольку он служил общественному благу и вел переговоры честно. Его защита выглядела блестящей.

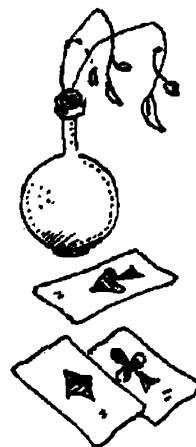
Во время разбирательства Хэа без устали писал панегирики герцогу, упирая на спартанский стиль жизни Мальборо на войне: «Какой разительный контраст по сравнению с образом жизни Великого монарха (то есть Людовика XIV) являет нам главнокомандующий! Ни любовниц, ни актеров, ни даже историков». «Исключая капеллана, доктора Хэа», — впоследствии добавит к этой фразе, практически полностью перешедшей в его сочинение о великом предке, У. Черчилль. Тот же принц Евгений только благодаря войне стал богатейшим человеком в Империи и крупнейшим землевладельцем. Его ежегодный доход составлял 100 тысяч гульденов — гораздо больше, чем у Мальборо.

Но как бы то ни было, палата общин 267 голосами против 165 вынесла обвинительный вердикт. Среди тех, кто голосовал против Мальборо, был и брат Абигаиль Мэшем Джек Хилл. Сара особенно возмущалась его поведением: «Этот честнейший Джек Хилл, маленький мальчик, кого я красиво одела и хорошо пристроила, пошел на поводу у сестры, надев более теплую одежду, чем дала ему я...» Секретарь Мальборо Адам Кардоннел был обвинен в том, что получал от сэра Соломона 500 дукатов за каждый хлебный контракт. А доверенное лицо герцога Бенджамин Свит, который вычитал в свою пользу 1 процент из войсковых сумм, был предан суду.

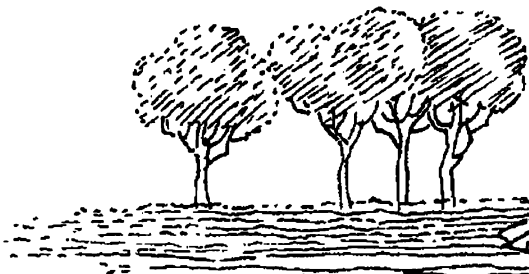
Объяснения Мальборо по поводу 2,5 процента были опубликованы со значительным опозданием. Еще больше опоздало сделанное годом позже на мирном конгрессе в Утрехте заявление союзных держав о том, что 2,5 процента брались с их одобрения. Тогда же ганноверский курфюрст, будущий король Георг I заявил: «Мы полностью убеждены и удовлетворены тем, что герцог Мальборо ежегодно направлял эти суммы на секретную службу, и его мудрое распоряжение ими способствовало успеху во многих битвах». Все это никак не могло уже повлиять на вердикт палаты общин. При этом, словно не замечая собственного цинизма, палата общин предоставила право новому капитан-генералу герцогу Ормонду брать часть суммы от хлебных контрактов и распоряжаться частью денег, идущих на шпионаж.



Остается ответить на вопрос, откуда у Мальборо, если он и в самом деле не был виновен в предъявленных обвинениях, такое богатство? Впоследствии стало известно, что его окружение — прежде всего Кадоган и Кардоннел — наживались на денежном обмене, который проходил через их руки во время движения армии. Скорее всего, командующий делал то же самое. Причем он мог оперировать куда большими суммами, чем любой из его подчиненных, благодаря помощи своего близкого друга банкира Генри Фарнезе, занимавшегося финансовыми операциями в Нижних Нидерландах. Не следует забывать и поступления от джентри, арендующих землю в его обширных владениях, громадный доход от должностей и, конечно же, выгодные инвестиции. Ведь Черчилль с молодости хорошо разбирался в коммерции и банковских вкладах, деньги на него работали не хуже, чем работал он сам, добывая их.



В течение многих месяцев до, во время и после расследования его «финансового» дела Мальборо находился в крайне нервном состоянии, что отразила его переписка с Бенджамином Свитом. «Не пишите мне, передавайте через надежные руки» (февраль 1711 года), «Кадоган даст вам знать, где вы сможете со мною тайно встретиться» (январь 1712 года). Это фразы из писем герцога Свиту. В мае 1712 года Свит заверял его: «Я скорее пожертвую собственной жизнью, чем разглашу то, что вы доверили мне». В октябре того же года Мальборо



заклучил: «Министры должны знать, что я тратил эти деньги на общественные нужды, или Бог забудет их».

Сент-Джон, обещавший французам избавиться от Мальборо, не был удовлетворен ходом событий. Постепенно стало выясняться, что многие англичане, желая мира, в то же время удивляются отставке непобедимого полководца. И тогда тори решили действовать тоньше. Сент-Джон, не желая, видимо, доводить ситуацию до того, чтобы Мальборо начал вызывать всеобщее сочувствие, выступил в палате общин против излишне строгих мер в его отношении.

В мае 1712 года Ормонд получил секретный приказ королевы не вступать в сражения на стороне союзников. В конце концов об этом приказе стало известно, и в палате общин разгорелись дебаты, в ходе которых лорд Поулетт противопоставил «мужество» герцога Ормонда поведению «одного генерала», который любил кровавые битвы, уничтожившие цвет английского офицерства. Это не сошло ему с рук — после заседания Мальборо вызвал его на дуэль. Были назначены секунданты, но дуэль не состоялась: Поулетт забрал свои слова обратно.

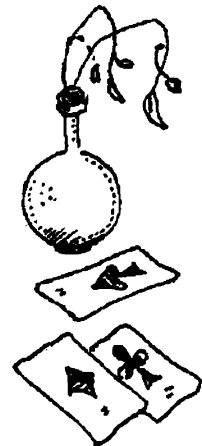
Но его выпад свидетельствовал, что кампания, развязанная против герцога, приобретает новые оттенки. Теперь его официально обвиняли в плохом командовании в битве при Мальплаке, а особенно в том, что он не обеспечил необходимую медицинскую помощь раненым, которых можно было спасти, хотя на это были выделены средства. Противникам Мальборо не казалось странным, что эти обвинения были выдвинуты столь запоздало.

На Утрехтском конгрессе ситуация с самого начала развивалась сложнее, нежели желали «архитекторы» мира Сент-Джон и Торси. Незадолго до открытия конгресса посол императора в Гааге заявил, что его государь пошлет своих представителей в Утрехт, если Версаль официально заявит, что основой будущего мира не станут англо-французские прелиминарии в неизменном виде. И только после того, как представитель Людовика XIV маршал д'Юксель по совету Торси сделал это заявление, присутствие имперской делегации на конгрессе было обеспечено.

Конгресс в Утрехте был представительным — в его работе приняло участие около 800 персон. Причем собственно делегатов конгресса, то есть дипломатов, насчитывалось 80 человек. Остальные представляли разношерстную массу путешественников, интриганов, шпионов, советников и курьеров. На долгие месяцы Утрехт стал центром западного христианского мира — не случайно духовник мадам де Ментенон аббат де Сен-Пьер в своем «Проекте создания вечного мира в Европе», опубликованном во время работы конгресса, предложил сделать Утрехт европейской столицей. Сен-Пьер призывал к созданию мирового порядка, основанного на логике и гармонии. Пожалуй, в сочинении французского аббата впервые прозвучал тезис единой Европы. Сен-Пьер не был понят большинством своих современников, которые усматривали в его «Проекте» лишь утопию, однако его мысль реализовалась спустя два столетия, в эпоху создания Лиги Наций и ООН.



Союзники были настроены против Британии, обеспечившей свои интересы сепаратными переговорами с Францией. Голландцы могли потерять заботливо выстраиваемый «барьер», Габсбурги уже потеряли Испанию, а малые страны-союзники были недовольны тем, что в пылу жарких дискуссий их вообще не принимали в расчет. Конгресс разьедали жалобы и ссоры. «Я делаю все, чтобы спасти моих союзников, дерущихся друг с другом», — писала, будто оправдываясь, Анна Стюарт королю Португалии.



Важным условием мира между Великобританией и Францией было решение вопроса о Стюартах. Английское правительство требовало, чтобы Претендент покинул пределы Франции. Людовик долго колебался, но в начале 1713 года скрепя сердце попросил Якова выехать в Лотарингию, где герцог Леопольд приготовил ему резиденцию в Баре.

17 апреля 1712 года в Утрехт прибыл принц Евгений. Он и имперский представитель Зинцендорф принялись отговаривать французскую делегацию отойти от предварительных соглашений с Англией, обещая в этом случае не продолжать войну против Франции. Вена отказывалась признавать договоренности Версаля и Лондона, которые впоследствии Уинстон Черчилль назвал «черной изменой». Но положение



французов в военном плане не было столь тяжелым, чтобы рисковать соглашением с Британией, и франко-имперские переговоры ни к чему не привели. Теперь Вене оставалось уповать на военные успехи принца Евгения.

12 июня 1712 года имперские и голландские войска овладели Ле Кенуа. Затем был осажден Ландреси. Серьезная битва стала неизбежной. Евгений был уверен в победе, но союзная армия лишилась английских солдат, и это решило исход дела. Считается, что Людовику XIV первому пришла в голову мысль атаковать Денен в семи километрах от Ландреси, но курьер с приказом короля опоздал, и Виллар сам выбрал то же место. Все хранилось в секрете — только семь офицеров знали о проекте Виллара. Главное, чего желал французский полководец, — заставить Евгения поверить, что он намерен идти на Ландреси.

Когда в 10 часов утра 24 июля принцу Савойскому сообщили о наступлении Виллара, он не поверил и спокойно сел завтракать. Тем временем французская кавалерия уже оказалась на другом берегу Шельды. Только в полдень Евгений понял, что совершил ошибку, но было слишком поздно, и его батальонам пришлось отступить. Большая часть войск была сохранена, но склады оружия, знамена и тяжелая артиллерия оказались в руках французов. Евгений Савойский снял осаду Ландреси, а Виллар пошел дальше и осенью 1712 года освободил Маршьенн, Сент-Аман, Дуэ, Ле-Кенуа и Бушен. Как отметит позднее герцог Бервик, этот успех заставил «голландцев не отказываться от мира, который предлагала Франция и который одобрила Англия».

Тем временем Сент-Джон был пожалован в пэры Англии. Правда, он надеялся получить титул графа и орден Подвязки, но стал только виконтом Болингброком. В августе 1712 года новоявленный виконт уехал в Париж выработать окончательные условия мирного договора, да и просто развеяться. Здесь он нашел прекрасный прием, завел любовницу и положил в карман 3000 фунтов от продажи паспортов. Когда Людовик XIV опасно захворал, что в последние годы случалось часто, Болингброк искренне посочувствовал больному.

— Я особенно тронут вашим вниманием, ибо вы, англичане, не любите королей, — сказал ему удивленный монарх.

— Государь, — ответил министр, — в этом мы похожи на тех мужей, которые не любят собственных жен, но стараются понравиться женам соседей.

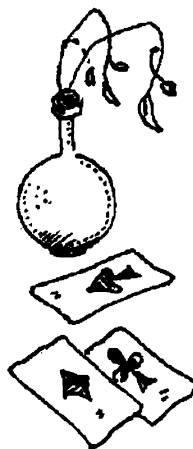
Поправившись, Людовик подарил ему бриллиант — точную копию того, что носил на шляпе герцог Бургундский.

Параллельно с обсуждением условий мирного договора в полутемной тиши покоев мадам де Ментенон Болингброк вел тайные консультации по щекотливому вопросу, кому в будущем перейдет английский трон. Ганноверская династия была не слишком популярна среди тори, и Болингброк говорил французскому королю, что осторожная королева Великобритании желает возвращения на престол Стюарта, но настроение умов в королевстве пока не позволяет заявить об этом открыто. Но если он сменит во главе правительства Оксфорда, то сумеет избавиться от Ганноверской династии и ввести в Сент-Джеймский дворец Претендента.

Пока Болингброк находился на континенте, Мальборо попросил Оксфорда дать ему паспорт для выезда за границу, и тот в пику Болингброку, с которым уже начал соперничать открыто (тот резонно полагал, что герцог менее опасен дома, нежели за границей), уговорил королеву не противиться отъезду герцога. Крайние тори были в ярости, узнав, что тот, кому они готовили Тауэр, если не эшафот, всего этого избежит.

В середине сентября Джон пережил личную трагедию: в Сент-Олбансе скончался его друг Сидней Годолфин. Месяцем позже в Лондоне произошел драматический инцидент: первый шотландский пэр герцог Гамильтон был вызван на дуэль лордом Моханом. Дуэлянты выстрелили одновременно и убили друг друга. Мальборо никак не был замешан в этом деле, но Мохан был его секундантом в несостоявшейся дуэли с лордом Поулеттом, а секундант самого Мохана был активным сторонником герцога. Все это дало повод тори утверждать, что Мальборо связан с дуэлянтами и гибель их лежит на его совести.

Это ускорило отъезд Мальборо: через девять дней после дуэли он отбыл в Дувр, предварительно распорядившись, чтобы на его нужды в Гаагу выслали 50 тысяч фунтов.



5 ноября 1712 года Филипп V официально отказался от французского трона, а в конце ноября герцог Орлеанский и герцог Беррийский заявили об отказе от претензий на испанское наследство. Эти три акта были положены в основу королевских грамот, прочитанных в парижском парламенте 15 марта 1713 года в присутствии послов. Правда, на заседании предпочли отсутствовать канцлер Поншартрен и королевский прокурор д'Агессо. А президент парламента де Мем всем своим видом показывал, что он ни в грош не ставит акты, насильно вырванные у короля и нарушавшие неписаную конституцию королевства. Дело в том, что по традиционному французскому праву после смерти короля династии Капетингов ему автоматически наследовал самый близкий представитель по мужской линии в порядке первородства. Торси писал об этом Болингброку: «Этот закон рассматривается как творение того, кто установил все монархии, и мы во Франции убеждены, что только Господь может его отменить». Но и французский, и английский министры понимали, что живут в столетии, где Господь не вмешивается в дела людей. Государственные интересы заставляли изменять старые законы, и политикам приходилось с этим считаться.

XIV. Ненастный закат

Не шагай быстрее, чем Время,
Дня грядущего едва ли
Хуже день, что скрылся, минув.
Здесь, где радость мы познали.

Гете

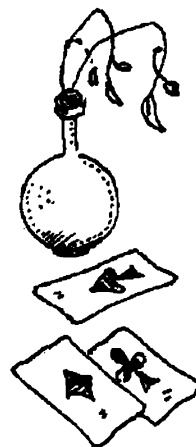
Англичане, пересекавшие в 1713 году пролив, приходили в изумление от собственной популярности: горделивая Франция с готовностью склонялась перед вчерашним противником. Мир становился реальностью, и Британия, его настойчивый двигатель, входила в моду. В Утрехте был подписан не один договор, а семь отдельных двусторонних соглашений. Англо-французский договор о мире был заключен вторым,

31 марта 1713 года, а англо-испанский — третьим, 13 июля того же года.

Утрехтский конгресс не стал единственным собранием для разрешения международных проблем. Во время его работы Вена в надежде на улучшение своих позиций продолжала воевать с Версалем. Но неутомимый Виллар с армией, превосходящей имперские силы в три раза, одерживал победу за победой и демонстрировал решимость бороться и дальше, и только 15 ноября 1713 года Евгений Савойский получил указание вести переговоры с Францией. Франко-имперский договор о мире был заключен в Раштатте 6 марта 1714 года. Всего же соглашений, венчавших Войну за испанское наследство, было четырнадцать, и все вместе их часто именуют Утрехтскими договорами.

Самых больших территорий лишилась Испания. Она потеряла Гибралтар, Менорку, Испанские Нидерланды, земли в Италии и остров Сицилию, а также передала англичанам исключительные права на работорговлю в Испанской Америке. Немалые приобретения за счет Мадрида — Испанские Нидерланды, Милан, Тоскану, Сардинию и Неаполь — получили Габсбурги, отказавшиеся от испанской короны. Филипп Бурбон, отныне признанный всеми король Испании и властитель ее американских колоний, признал право Ганноверской династии на трон Великобритании. Курфюрст Баварии Макс Эммануэль был восстановлен в прежних титулах и владениях. Французы обязались вернуть немецким князьям земли на правом берегу Рейна, но сохранили Эльзас со Страсбургом. Герцог Савойский Виктор Амадей расширил владения за счет Сицилии и повысил свой статус — стал сицилийским королем. Он также встал в очередь на получение испанского наследства; претендовать на него он мог в случае, если у Филиппа не будет детей мужского пола. Через шесть лет Карл VI выменяет у Виктора Амадея Сицилию на Сардинию, и он станет именоваться королем Сардинии и Пьемонта. Пруссия расширила свою территорию, а королевский статус Фридриха I признали все державы.

Гаага потеряла по сравнению с «договором Таунсенда», возвратив некоторые крепости своего «барьера» Версалю. Коммерческие привилегии во Франции и благоприятный тариф



в Южных Нидерландах не увеличили вес Соединенных провинций в европейских делах. Страна сильно пострадала от войны, и когда через год голландцы пожелали сопровождать Георга Ганноверского в его британское королевство, они с трудом экипировали корабли для этой миссии. Позже Фридрих II Прусский иронически выразился в адрес Голландии, что та стала лишь «шлюпкой, следующей в английском фарватере». После войны ее соперничество с Альбионом потеряло смысл. К Англии перешли Гибралтар, Менорка, Новая Шотландия, территория Гудзонова залива и «сахарный остров» — Сен-Кристофер. Разрушение Дюнкерка обеспечило ей господство в Ла-Манше. Доходнейшая торговля неграми, за счет которой англичанами будут накоплены основные капиталы для промышленного переворота, на тридцать лет перешла в руки британских компаний.

Кто же в итоге вышел победителем в войне, в которой погибло около 180 тысяч человек? Наверно, этот вопрос задавал себе солнечным апрельским днем, узнав о заключении мира, герцог Мальборо — красивый пожилой джентльмен, поправляющий свое здоровье на водах Экс-ла-Шапеля.

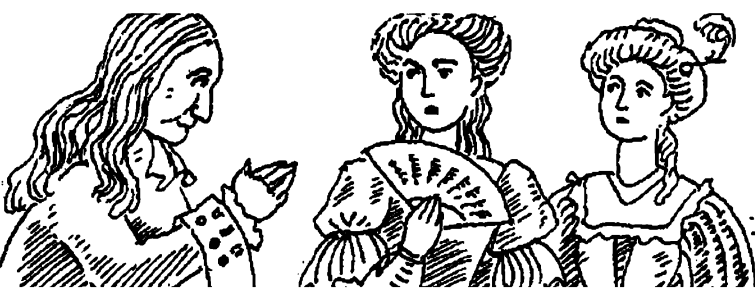
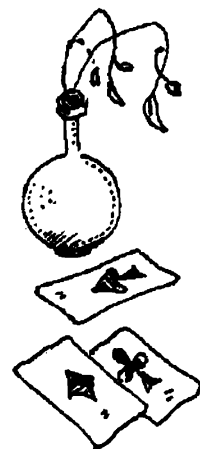
Многим современникам было ясно, что происшедшее не похоже на полную победу над Людовиком XIV, о которой долгое время грезил его враги. Косвенным свидетельством по-прежнему безоговорочного престижа Франции в Европе был тот факт, что договоры в Утрехте были написаны на французском. Как позже признался маркиз де Торси, «если сравнить Утрехтский мир с предварительными условиями... 1709 года, за которыми последовали требования еще более жесткие... если вспомнить, в каком положении находилось королевство в 1708, 1709 и 1710 годах, и роковые битвы при Бленхайме в 1704 году, при Рамильи и Турине в 1706 году, битву при Мальплаке в 1709 году... то все эти несчастья покажут, как недорого заплатила Франция за этот мир». Наверное, поэтому французский историк Ф. Массон назвал вершившие Войну за испанское наследство договоры шедевром де Торси и лебединой песней старого короля.

Конкретного победителя в Войне за испанское наследство трудно назвать. Выиграло, по большому счету, будущее Евро-

пы. Эта война стала сильнейшим стимулом для созревания политической системы, развития торговли, банковского дела, без нее не случился бы промышленный переворот в Великобритании в XVIII столетии. Она наметила начало кризиса французской монархии, который, к сожалению, не будет разрешен реформами и в итоге завершится к концу столетия грандиозной революцией. Ко времени этой войны можно отнести истоки будущего объединения Германии и национально-освободительного движения в Италии. Реакция творческой общественности на военные события ускорила развитие идей Просвещения.

Заключение мира с Францией в Лондоне отмечали фейерверком и торжественными церковными службами. Первые соглашения в Утрехте вызвали в Великобритании бурю эмоций, выразившихся в поэмах и гимнах, посвященных миру. Особенно в производстве такого рода литературы выделялись тори. К примеру, священник и поэт Джозеф Трапп свою поэму «Мир» посвятил лорду Болингброку: «Дело сделано! Великолепная работа выполнена! Британия сегодня столь мудра, сколь велика!» Радовались все, кроме вигов, многие из которых демонстративно облачились в траур.

Сара в эти дни собиралась в дорогу, чтобы присоединиться к мужу. Накануне ее отъезда Свифт с сарказмом писал: «Она делает подарки друзьям на суммы в 200 фунтов; я уверен, что она просто обязана дать мне столько же». Должность приходского священника в Ирландии, которая оставалась за ним, ежегодно приносила не более 300 фунтов. Образ жизни, который был навязан просветителю новыми друзьями-лордами, с таким доходом вести было нелегко. Когда он услышал, что герцогиня сорвала бриллианты с портрета королевы, подаренного ей в счастливые дни, то так прокомментировал этот поступок: «Какая ненависть!» И какая зависть с его стороны! Свифт был разочарован будущим, поскольку не осуществилась его надежда стать епископом (что ему обещал Оксфорд). Памфлетист чувствовал, как впиваются в него острые зубы политических перемен. Он стал настоятелем собора Св. Патрика в Дублине. То есть можно сказать, что, как и Мальборо, Свифт отправился в ссылку, причем в страну, которую не любил.



Другому журналисту и просветителю, Джозефу Аддисону, повезло больше. 14 апреля 1713 года на сцене лондонского театра состоялась премьера его драмы «Катон», выдержавшая затем тридцать пять представлений подряд. Тем не менее по Лондону ходили слухи, что «Катон» призван вызвать недовольство политикой тори, которые отказались в пользу Франции от многих преимуществ, приобретенных в военных баталиях герцогом Мальборо.

Во время премьеры театр был переполнен. В ложах с одной стороны собрались лидеры тори, с другой — вигов. В драме были сюжеты, которые каждая партия могла истолковать в свою пользу. Когда герои жаловались на упразднение свобод римлян и вспоминали о прежних героических днях, аплодировали виги. Когда Катон протестовал против диктатуры Цезаря, шумели тори, видя в Цезаре герцога Мальборо. По свидетельству присутствовавшего на премьере Александра Поупа, «Катон не был таким чудом в Риме, как в Британии в наши времена... Долгие и бурные аплодисменты вигов... были подхвачены тори; а автор в холодном поту метался за кулисами...». После представления Болингброк пригласил в свою ложу актера Бута, игравшего Катона, и вручил ему 50 гиней, публично поблагодарив за то, что он так хорошо защищал свободу от нападок «вечного диктатора» — Мальборо.

Вскоре «Катон» был переведен на французский и стал известен во всей Европе. Некоторые фразы из него стали часто употреблять в разговорах: «Мой голос тих — пусть говорит война», «Но государством правят нечестивцы. И дело чести стало частным делом!». Даже Свифт признал: «Всех лавров Европы едва хватило для автора этой удивительной пьесы». Наконец, сама королева заявила, что была бы счастлива, если бы автор посвятил свою драму ей. Заметим, что сначала Аддисон, сочувствующий вигам, думал посвятить драму герцогине Мальборо, но потом во избежание лишних для себя проблем делать этого не стал.

Предательство союзников и «подозрительные» уступки Франции грозили обернуться для тори бумерангом. Среди обиженных союзников был и курфюрст Ганновера, самый вероятный претендент на английский трон, убежденный в том, что то-

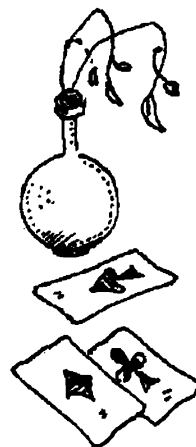
рийские министры — сплошь якобиты. Когда его холодность стала очевидной, многие министры столь же очевидно стали нервничать. Королева болела, все понимали, что ее смерть близка, и многие боялись, что их сотрудничество с французами в будущем истолкуют как предательство. Панические настроения стали сказываться на действиях многих политиков, в частности Болингброка.

Амбиции рвущегося к первенству Болингброка разрушили единство тори. На действия Болингброка Оксфорд ответил сменой ряда министерских портфелей и после сентября 1713 года не созывал парламент до февраля следующего года. Так он желал ограничить свободу действий государственного секретаря.

Джон и Сара воссоединились в Маастрихте и отправились во Франкфурт, а оттуда в Миндельхайм. По пути их тепло приветствовали местные жители и отдавали честь солдаты. В целом жизнь проходила тихо, мирно, хотя эти тишина и покой порой казались Саре с ее бурным темпераментом невыносимыми. Мальборо же все это нравилось, и Сара то и дело жаловалась на его растущую лень.

В это время Мальборо переписывался с Евгением Савойским, Георгом Ганноверским и... Претендентом. Причем ему приписываются письма, якобы написанные рукой Сары, в которых Мальборо просит Претендента использовать свое влияние на французского короля, чтобы отговорить английское правительство от возможной конфискации его обширной собственности. Но вряд ли Сара, виг по духу, стала бы такое писать, да и маловероятно, что на владения герцога могли покушаться. Политическая ситуация была уже не та. А вот частые послания в Ганновер с планами совершить интервенцию в Британию вполне отвечали тогдашним настроениям герцогской четы. Джон и Сара не сомневались, что их время скоро придет. Состояние здоровья королевы Анны уже влияло на колебания на лондонской бирже. Фунт поднимался, когда начинали поговаривать о ее скорой смерти, и падал, когда появлялся слух о ее выздоровлении.

Болингброк проводил дни в печальных размышлениях о том, как возвести Претендента на престол. Яков III отказывался



сменить религию, а парламент не примет «папистского» короля. И что в результате? Опять Претендент пойдет в Англию с военной силой. А ему будут противостоять закаленные в битвах солдаты, возглавляемые офицерами-вигами. Насколько это было в его власти, Болингброк старался отстранить таких офицеров от ключевых постов. Но удалось отправить в отставку едва ли половину из них, а новые люди, получившие посты, были не слишком хорошими командирами.

Но иного для якобитского вторжения, пока жива была королева, Болингброк предпринять не мог. Со своей стороны, и Мальборо убеждал послов ганноверского курфюрста, что будет фатальной ошибкой, если он во главе своей бывшей фландрской армии прибудет в Англию до наступления кризиса власти. Из этого видно, что герцог только казался праздным, разгуливая теперь уже по улицам Франкфурта и изучая жизнь местных обывателей. Он активно действовал через Кадогана, занимавшегося подготовкой вооружения и амуниции, подбиравшего преданных офицеров и разъяснявшего им суть предстоящих задач.

В один прекрасный день Мальборо получил известие, что по Утрехтскому миру подаренное ему Леопольдом имение Миндельхайм возвращается баварскому курфюрсту. Эти земли давали 2000 фунтов ежегодного дохода и статус князя Империи. Статус, впрочем, остался за ним. Герцог воспринял эту потерю довольно равнодушно, хотя была задета его честь и ее надо было отстаивать. Он потребовал у императора компенсации, но Вена столетиями успешно справлялась с такими жалобами. Сара, которая не имела возможности ощутить высокий статус княгини Империи, и вовсе не была поражена потерей лишнего дохода. Чего еще можно ждать от иностранного тирана, к тому же паписта?!

Она по горло насытилась Европой, ей хотелось домой. «Лучше умереть, чем жить вне Англии», — заявила она. Даже в бедности и немилости, даже при «тирании» Стюартов!

В июле 1713 года чета Мальборо встретилась в Майнце с принцем Евгением, о котором ее муж отзывался, что он «доверил бы принцу Савойскому свою жизнь тысячу раз». Это была последняя встреча двух великих полководцев, связанных узами удивительной дружбы. Евгений направлялся в Гаагу,

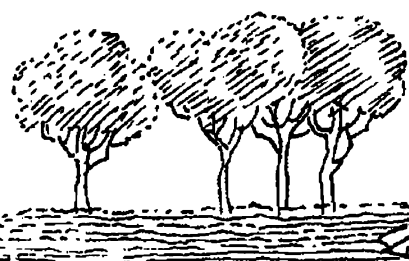
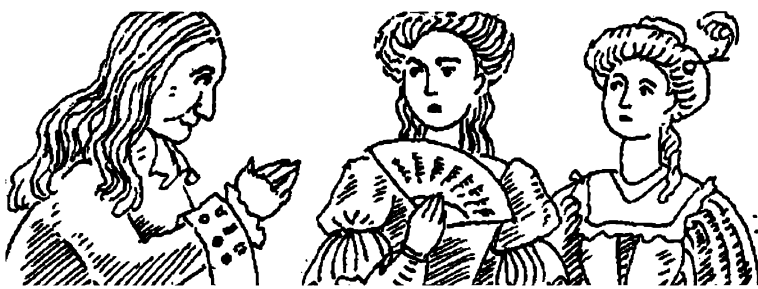
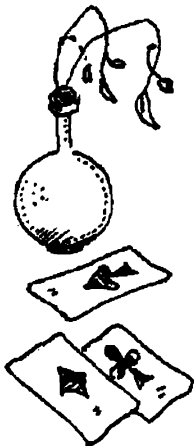
чтобы вытрясти у Генеральных штатов деньги на продолжение кампании, а Джон сокрушался, что не может ему помочь. На родине Хэ так комментировал это: «Многие сожалеют, но не могут помочь бедному императору и остальным союзникам, оставленным Англией. Это заставляет нас быть несогласными зрителями разворачивающегося действия».

Новое политическое столкновение на Альбионе было не за горами. Примерная его дата зависела от того, сколько еще проживет Анна. Оксфорд все чаще прикладывался к бутылке и порой являлся к королеве, дыша винными парами, отчего та просто перестала его слушать. Влияние графа на Абигайль тоже ослабло. Оксфорд был на грани падения, а Болингброк собирался править Великобританией, делая высокие ставки в своей рискованной игре.

Его военные планы претворялись в жизнь. Девять протестантских батальонов в Ирландии были заменены пятнадцатью якобитскими. Виконт не терял надежды, что Претендент поменяет веру, но был готов принять законного наследника и без этого.

Активизировались и виги. Хотя Мальборо официально отказался брать на себя организацию «вигского заговора», его офицеры действовали. В Лондоне военные планы разрабатывал Кадоган, в Эдинбурге — Аргайл. В случае высадки французов и якобитов они намеревались захватить Тауэр и Эдинбургский замок и держаться, пока не придет армия под руководством Мальборо и не защитит протестантское престолонаследие. Вечерами Сара, положив голову на плечо дремлющего в кресле супруга, мечтала о славных делах, в которых она будет участвовать наравне с мужчинами.

В декабре 1713 года, как раз в то время, когда королева Анна чувствовала себя особенно плохо, Джон получил известие о смерти ганноверской курфюрстины Софии, законной наследницы Анны согласно акту 1701 года. Незадолго перед этим София просила Мальборо принять командование над британскими войсками на континенте, захватить Дюнкерк и сделать его базой для «мирной» экспедиции Ганноверского дома за английский трон. Герцог, не теряя времени, послал Кадогана в Голландию, которая была связана с Англией



соглашением о помощи в такой ситуации, а сам со свитой двинулся в Антверпен, откуда мог действовать более быстро и решительно. Здесь он принял предложение ганноверцев принять верховное командование над армией протестантского наследника.

Весной 1714 года здоровье королевы немного улучшилось, но никто не обманывался насчет ее скорой смерти. В середине июля герцог прибыл в Остенде и был готов к действиям. Но новости из Англии привели его к выводу, что необходимо переждать, когда и чем закончится политическая дуэль между Оксфордом и Болингброком. 30 июля чета Мальборо все еще находилась в Остенде. Отсюда Сара написала письмо подруге, рассказывая, как ее бурно приветствовали в Генте офицеры двух английских полков.

А в Лондоне двумя днями раньше Оксфорд был отстранен от власти. Болингброк стал главой правительства и пригласил видных вигов на торжественный обед к себе домой на Голденсквер. Пришли не все. Среди гостей не было Уолпола: он, как сказали Болингброку, был «вне города». На самом деле Уолпол не желал чествовать виконта, поскольку не забыл свое пребывание в Тауэре. Атмосфера за столом была наэлектризованной. Болингброк говорил, что вряд ли стоит хранить преданность Ганноверам после смерти курфюрстины Софии, и обещал вигам посты в правительстве. Присутствующие внимали ему настороженно.

Они имели свои планы на будущее. Кадоган собирался окружить Тауэр, а Стэнхоуп — арестовать активных якобитов. Последний, выступая от общего имени, выдвинул Болингброку требования, главным из которых было вновь передать Мальборо командование армией. «Генри, у вас всего два пути. Первый — объединиться с вигами, а второй — отдаться на милость французского короля и просить у него помощи для Претендента», — завершил свою речь Стэнхоуп.

30 июля стало ясно, что королева умирает. Болингброк хотя и знал, что это вот-вот случится, выглядел растерянно. В Кенсингтонском дворце собрался Тайный совет. Сторонников Ганноверов в нем было немного. Внезапно в зал вошли члены совета, которые не были приглашены, — герцоги Сомерсет и Аргайл. Вместе с герцогом Шрюсбери они быстро взяли

инициативу в свои руки. Болингброк, пытаясь сохранить лицо, заявил, что согласен, чтобы Шрюсбери стал лорд-канцлером, хотя втайне надеялся, что умирающая Анна не согласится назначить вига и сделает лорд-канцлером его самого. Но Анна утвердила Шрюсбери.

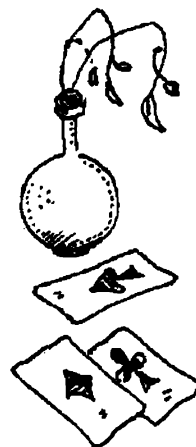
На всякий случай вокруг Лондона и на побережье были собраны войска и усилены гарнизоны, а у католиков конфискованы лошади и оружие. Анна скончалась в половине восьмого утра 1 августа. По мнению английских историков, правление этой вполне обыкновенной женщины стало более значительным, чем ее предшественников, за исключением Елизаветы I, которая, как известно, была женщиной необыкновенной. Жизнь Анны была несчастливой, ее здоровье — слабым, а ум — весьма средним. И все же, обладая упрямством и здравым смыслом, она немало сделала для создания условий, обеспечивших Англии славное будущее в новом столетии.

«Оксфорд получил отставку во вторник, а королева умерла в четверг», — написал Болингброк Свифту. «Как судьба играет с нами, — согласился Свифт, — фортуна отворачивается в тот самый момент, когда кажется, что дело уже сделано».

Официальным наследником английского престола согласно «Акту о престолонаследии» стал сын курфюрстины Софии Георг Людвиг. 1 августа 1714 года он был провозглашен английским королем Георгом I. В этот же день чета Мальборо высадилась в Дувре. Они прибыли слишком поздно, чтобы участвовать в драматических событиях в Кенсингтоне, но и без этого ветер изменился в их пользу. Изгнание закончилось.

Новый монарх Великобритании, прошедший через горнило войны под командованием Мальборо и видевший абсолютно во всех тори якобитов, уже 6 августа подписал указ о возвращении герцогу его военных постов. Когда 5 августа карета полководца в сопровождении всадников направлялась к лондонской резиденции Джона и Сары, построенной в 1709 году, — лондонцы кричали «Долгой жизни королю Георгу! Долгой жизни герцогу Мальборо!»

«Не было человека, более лишённого амбиций и тщеславия; он любил деньги, но деньги — свои, не испытывая зависти к богатству других людей... Природная порядочность его натуры в соединении с небольшими знаниями, полученными в ре-



зультате скудного образования, вынуждали воспринимать его свою коронацию как акт узурпации, который всегда смущал его» — так описывала нового короля одна из образованнейших женщин того времени Мэри Уортли Монтэгю. Ей вторил, но более жестко, виг лорд Честерфилд: «Георг I был добропорядочным тупым немцем; он и не хотел, и не мог играть роль короля, которая заключается в том, чтобы блистать и угнетать. Он был ленив и бездеятелен по своей натуре во всем, вплоть до наслаждений, сводившихся к самой грубой чувственности. Равнодушное бесстрашие сочеталось в нем с вялой доброжелательностью... Его взгляды и пристрастия ограничивались узким кругом курфюршества. Англия была для него слишком велика. Не представляя собой значительной фигуры, как король, он в то же время не был плохим человеком, и если он ничем не украсил анналов нашей страны, то ничем и не запятнал». Для вигов такой монарх был исключительно удобен.

Приняв корону и скипетр, король Георг сидел на троне в Вестминстере и выслушивал изъявления почтения и покорности от пэров. Он не знал английского языка — изъяснялись на французском.

— Кто это? — спросил он у Мальборо, который стоял рядом с ним. Как раз в этот момент не знакомый ему лично пэр делал поклон.

— Это виконт Болингброк, — невозмутимо ответил Джон.

Болингброк нечаянно услышал этот обмен репликами и опять три раза склонился до самого пола.

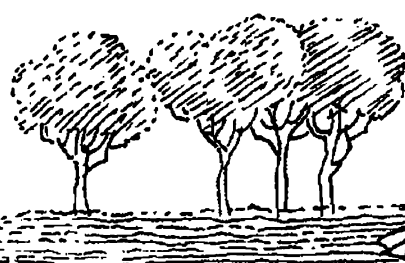
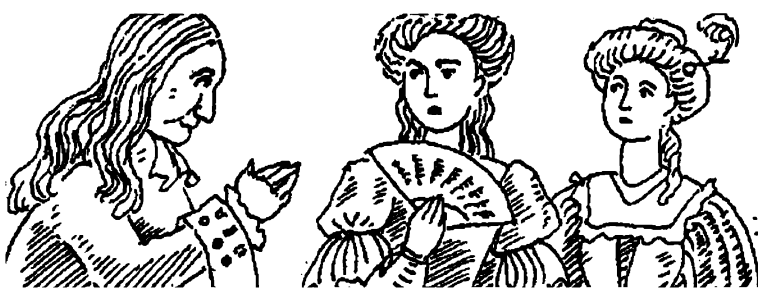
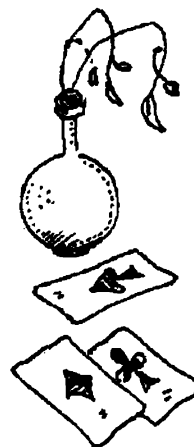
Сведения об этом эпизоде оставила потомкам графиня Купер. Она также описала поведение жен пэров-якобитов, которые «выражали свое почтение как могли. Леди Ноттингем перестаралась в своем желании показать приверженность англиканской церкви, стоя на коленях перед королем и повторяя слова литургии». Но одна из жен якобитов — леди Портмур — воспользовалась своим острым язычком, так же как и в те дни, когда она звалась Кэтрин Сэдли. Это была та самая Кэтрин, которую родители Мальборо прочили ему в жены и которая являлась метрессой Якова II. Когда на коронации архиепископ спросил, согласны ли присутствующие с их новым монархом, она не выдержала и осмелилась бросить фразу: «Неужели этот старый дурак думает, что

кто-нибудь скажет “нет”, когда в церкви так много нарисованных мечей?»

Но в целом церемония коронации прошла спокойно. Англичане, казалось, были едины, виги и тори перестали спорить, повсюду звонили колокола. Прибывшая вместе с Георгом ганноверская знать могла быть удовлетворена оказанным ей приемом.

Мальборо в тот октябрьский день стоял возле короля. Он был, к большому недовольству Сары, восстановлен на всех своих военных постах — она желала бы, чтобы ее супруг вел спокойную жизнь. Но Мальборо, похоже, знал, что уже не совершит никаких великих деяний. Былой огонь в нем погас, реальную власть он, по сути, потерял, да и не стремился к ней. Король, «немец Джордж», судя по всему, не верил в возможности своего бывшего военачальника. Его эра прошла, и на тропу войны и политики вышли новые люди. В политике это были Таунсенд, Стэнхоуп, Уолпол и его зять Сандерленд, в армии — Аргайл и Кадоган. Другие его зятя тоже устроились неплохо: лорд Годолфин был назначен ответственным за гардероб окружения короля, Бриджуотер — камергером принца Уэльского, а Монтэгю получил командование полком, в то время как его жена стала фрейлиной принцессы Уэльской.

Параллельно британским событиям на глазах своего двора, Франции и всей Европы разрушался король Людовик. Неумолимую гангрену не могли остановить никакие снадобья. В Лондоне летом 1715 года даже делали ставки, что он доживет до 1 сентября. Несмотря на желание Людовика знать все, никто не решался сообщить ему о настроениях в английской столице. Самым честным придворным из своего окружения Людовик XIV справедливо считал Торси; порой он просил маркиза после заседания Государственного совета читать вслух голландские газеты. В этот раз Торси начал чтение и внезапно наткнулся на сообщение о лондонских ставках. Он запнулся и пропустил абзац. Король почуял неладное и потребовал пояснить, в чем дело. Торси, покраснев, сказал, что нет смысла повторять наглые сплетни. Людовик настаивал, и маркизу пришлось прочитать весь текст. С этого дня король выглядел все более удрученным. Чтобы смягчить ситуацию, Торси пытался пустить слух, что в этих пари виноват один из



агентов английского посла в Париже лорда Стэра, но помогло это мало.

Лондонские ставки почти оправдались. Людовик XIV скончался в четверть девятого воскресным утром 1 сентября 1715 года. Солнце, столь угрожающе освещавшее всю Европу, зашло. Ему не пришлось долго наслаждаться миром, завершившим войну, во время которой его престиж среди подданных резко упал.

В новых обстоятельствах нельзя было игнорировать, что обиженный невыполнением Великобританией своих обязательств по Утрехтскому миру защищать его интересы в Италии Филипп V надумает вновь претендовать на французскую корону. И Яков III, или Яков VIII Шотландский (так еще именовался Претендент), решил, что настал момент вновь попытаться занять отцовский трон.

Надежды Претендента и его сторонников подогревались непопулярностью Георга I среди значительного количества англичан и поддержкой Испании и Швеции. Карл XII, разбитый Петром I и теперь хватавшийся за любую соломинку, чтобы вернуться в большую политику, признал его претензии на престол, а Мадрид выделил ему финансовые средства. В июне 1715 года Бервик, Торси и шведский посол во Франции Спарр подготовили план экспедиции.

Во главе якобитов, вторгнувшихся из Франции в Шотландию, был сам Претендент; командовал его армией герцог Бервик. Аргайл, отправленный против них, рассчитывал на быструю победу, но оказалось, что даже люди из его клана Кэмпбеллов симпатизируют Стюартам и выступают против унии Англии и Шотландии, заключенной в 1707 году. Кроме того, английская армия в Шотландии боевыми качествами не отличалась. Аргайл провел кампанию, которую трудно назвать блестящей, и свалил всю вину на Мальборо — тот, по его словам, не выслал ему достаточно солдат и денег. Герцог, как верховный командующий, заменил его Кадоганом, который выступил на север во главе 6000 голландцев и довел дело до победы. Военная помощь от шведов якобитам так и не пришла, а испанские деньги были получены слишком поздно.

При этом ходили слухи, что будто бы Мальборо шпионит на Стюартов и во время военных действий в Шотландии получил

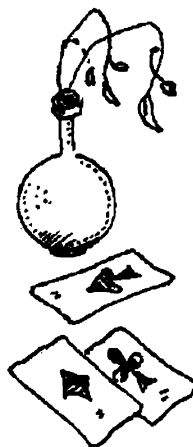
от Бервика 4000 фунтов. Дело в том, что еще в марте 1714 года он неосторожно пообещал в письме Претенденту, что через два года сделает для него все, что сможет.

Но герцог, разумеется, не шпионил на якобитов. Будучи за границей, он не посещал Францию, ибо был слишком горд, чтобы искать аудиенции в Версале после своих побед над французами. Он не брал никаких денег от своего племянника Бервика и говорил ему о том, что выступит против возведения на трон Якова, пока тот остается католиком.

Ко времени высадки якобитов в Шотландии относится последняя административная акция в долгой военной службе Мальборо. Проанализировав ход военных действий, он пришел к выводу, изменившему структуру английской армии. Пушки в этой войне так и не были задействованы, поскольку артиллерия достигла места назначения, когда все уже закончилось. И вот 10 января 1716 года Мальборо собрал Военный совет, на котором было решено создать Королевский артиллерийский полк.

Здоровье герцога с каждым месяцем ухудшалось, и он стал просить Георга снять с него обязанности главнокомандующего. Но король отказался выполнить его просьбу и более того — сделал его капитан-генералом пожизненно. Впрочем, эти обязанности были необременительными. Последний раз в своем кабинете герцог появился в 1621 году.

Последние годы жизни Мальборо — это довольно печальная история об ухудшавшемся здоровье, горьких личных потерях, нередких семейных ссорах, прерывавшихся постоянными переездами из одного владения в другое, и вместе с тем это история о супружеской преданности. Герцогу не сиделось на месте — его приютом были то Холиуэлл, то Виндзор Лодж, то Мальборо Хаус и, конечно, Бленхайм. Когда Джон и Сара посетили Бленхайм, они были шокированы, увидев свои сады в заброшенном состоянии. При этом они обнаружили там Ванбру, который поселился в Бленхайме, возможно, рассчитывая, что герцогская чета еще долго будет находиться в изгнании. Сара запретила архитектору появляться перед своими очами, и тот некоторое время мог видеть свое недостроенное творение только через стену. Но когда ответственность за до-



стройку Бленхайма опять взяло на себя правительство, герцог и герцогиня Мальборо простили его.

Сара была исключительно деловой женщиной. Когда герцог отправился в ссылку, он оставил 40 тысяч фунтов на хранение Кадогану, который ссудил эту сумму Вене под 8 процентов, рассчитывая их прибрать в свой карман. Сара, узнав об этом, при первой возможности потребовала деньги назад, да еще с процентами. Кроме того, она не только спасла капитал, вложенный в основанную Робертом Харли крупнейшую финансовую пирамиду того времени — Компанию Южных морей, но и получила немалую прибыль.

В апреле 1716 года от туберкулеза скончалась любимая дочь Мальборо Анна, графиня Сандерленд. Она единственная из детей славной пары переняла бурный темперамент своей матери. Джон переживал настолько сильно, что с ним случился удар, и он почти потерял речь. Он страдал от головных болей, а Сара заботливо ухаживала за ним. В соответствии с представлениями того времени она часто кормила его бульоном из гадюки. Змеи специально доставлялись из Франции. Почувствовав себя лучше, герцог пренебрег советами докторов и уехал на воды в Бат. Сара же считала Бат самым неудобным местом на земле. Она словно предчувствовала, что супругу нельзя уезжать — второй удар последовал в ноябре того же года. Доктора полагали, что их пациент не выживет. Но Мальборо не только стал подниматься с постели, но и проявил интерес к общественным делам. И все же он быстро уставал, говорил с трудом и порой бессвязно, и сам этого очень стеснялся.

В 1719 году герцог поселился во дворце, названном в честь его самой великой победы. Незадолго до этого он восторженно принял известие о том, что Евгений Савойский разбил турков под Белградом. «Никто не оказывал мне столько дружбы, чести и доверия, как вы», — писал принц Евгений своему другу в 1715 году. Активная переписка между ними продолжалась до ноября 1716 года. Затем, из-за болезни Мальборо, письма стали редкими.

Парадоксально, но факт: Джон Мальборо и Евгений Савойский были не только друзьями, но и — в глазах многих людей — соперниками, ибо могли оспаривать друг у друга звание лучшего европейского полководца. Могли, но не делали этого.

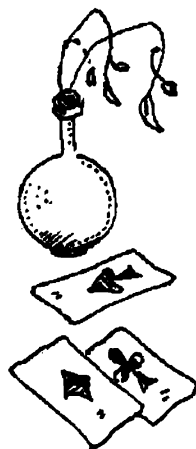
Их отношения вполне можно отнести к довольно редкому в мире «дворов и альянсов» проявлению рыцарской дружбы.

Но вернемся в Бленхайм, который присутствовал в письмах Мальборо все военные годы. Это грандиозное здание имело в окружности около 250 метров, его северный фасад — 100 метров в длину. Оно продувалось сквозняками, а сейчас в нем обитает только ветер. Но этот дворец был таким, каким изначально его представлял себе Мальборо — Ванбру на этот счет проявил исключительную интуицию. К главному зданию дворца примыкали справа и слева два других, окруженные службами. Со стороны двора в центре здания выступал портик, к которому вела широкая открытая лестница. Изящнее выглядел садовый фасад с многоугольными башнями без крыш на четырех углах здания. Несмотря на массивность, Бленхайм поражал гармонией частей и спокойствием очертаний на фоне парка. Он был призван производить впечатление величественности и торжественности, и поэтому его внешняя отделка была пышнее, чем внутренняя. Похожим образом принц Евгений увековечил свои победы постройкой дворца Бельведер в Вене.

Был ли Бленхайм домом? Как однажды выразился сам Ванбру, «можно найти большое удовольствие в возведении дворца, лишь относительно пригодного для проживания, для другого человека». А Сара сочинила по этому поводу четверостишие:

Благодарю вас, сэр, какая красота!
Но где же все-таки мне спать и есть?
Я плачу, сэр, и это неспроста,
Жилищем это здание никак не счесть.

Но герцог гордился этим местом. И пусть величественный монумент славы Мальборо не стал уютным обиталищем, зато вокруг него впоследствии, в 1760-х годах, вырос изумительный парк, созданный Ланселотом Брауном — по мнению многих, лучшим ландшафтным дизайнером Англии. Брауна прозвали Капабилити за то, что говорил каждому своему клиенту — владельцу богатого поместья, что ландшафт в его владениях имеет огромные возможности (capability) для улучшения. Надо было быть не только превосходным садовником, но и предвидеть,



как посадки будут выглядеть через сотню лет — только тогда парк начинал полностью соответствовать замыслу создателя. В наше время парк в Бленхайме достиг своего расцвета. В нем растут редкие деревья с необычными кронами и раскраской. Недалеко от водной террасы находится Розовый сад, а дальше к озеру — ров, усыпанный весной колокольчиками. Ниже расположен большой каскад и озеро. В 1987 году Бленхайм был включен в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

В начале лета 1722 года Мальборо приехал в Виндзор Лодж, который в свое время королева Анна подарила Саре. До ноября 1721 года он еще изредка посещал палату общин, но в последние месяцы окончательно потерял речь и проводил время почти затворником, вдали от друзей и всего мира. К середине июня ему стало совсем худо, и он слег в постель. Дочери, герцогиня Монтегю и леди Годолфин, обеспокоенные состоянием отца, почти не отходили от него. Сара чувствовала, что это конец. 15 июня герцогиня позвала священников. Когда жена спросила, желает ли Джон чего-нибудь, то едва разобрала ответ: «Да, я согласен с ними». Кого он имел в виду? Священников? Или кого-то еще? Узнать уже было нельзя: Мальборо впал в кому. Его дыхание прекратилось на рассвете 16 июня. Когда эта новость достигла Лондона, кто-то сказал, что «герцог нашел в смерти своего единственного победителя».

В свое время Ванбру предлагал Мальборо построить в саду Бленхайма семейную усыпальницу. Но герцог эту идею отверг. Он не мог знать, что в конце концов и он сам, и многие его потомки найдут успокоение именно там. Сара настояла на том, что расходы по погребению мужа будет нести сама.

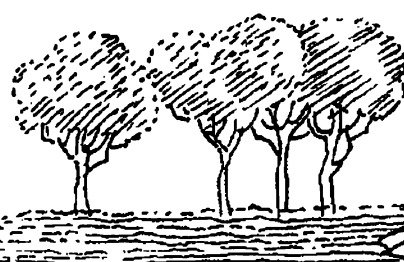
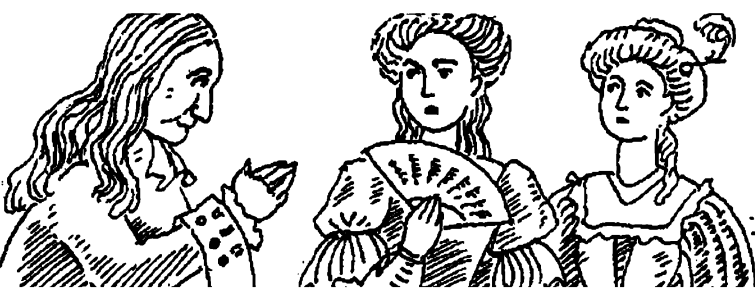
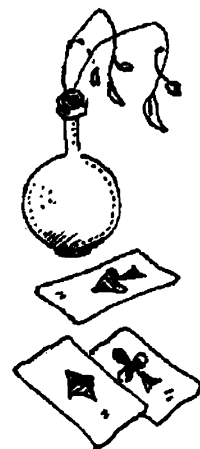
На похороны прибыли представители 24 знатных фамилий Англии. Присутствовал и король Георг, прибывший с пышным кортежем. Он сказал речь по-английски, но его английский мало кто понял. Траурную процессию в Вестминстерское аббатство составляли пэры, гвардия, девять генералов, в том числе и лорд Кадоган, уже одетый в униформу главнокомандующего. Палили пушки, Кинг-стрит и само аббатство покрывало черное полотно. «Сам Бог говорит “спасибо” своему самому выдающемуся, могущественному и знатному сыну — Джону, герцогу Мальборо...» — сказал в надгробной речи декан Вестминстера. В память о славном полководце и политике

было отчеканено 4000 памятных медалей. По иронии судьбы, герцог Мальборо был похоронен в часовне короля Генриха VII Тюдора, рядом с человеком, с которым его любили сравнивать политические противники — с Оливером Кромвелем. В Бленхайм его останки перенесли в 1744 году, ибо герцогиня не могла допустить мысль, что в смерти будет разделена с человеком, любившим ее так пылко и преданно.

По завещанию мужа Сара получила 2 миллиона фунтов. Началась вдовья жизнь. В свои 62 года герцогиня сохранила обаяние, и скоро ее руки стали искать лорд Кониингсби и герцог Сомерсет. Обоим она отказала. Как можно было вдове знаменитого полководца и политика выйти замуж за обыкновенного человека? Джон Мальборо был единственным мужчиной на свете, кого она любила.

Ко двору и в политику герцогиня Мальборо не вернулась. Она не могла простить Уолполу, ставшему первым министром в 1721 году, и некоторым другим лидерам вигов временной благосклонности к Абигаиль Мэшэм. С годами темперамент Сары не стал холодней. Она всегда считала себя правой, не нуждалась в советниках и по-прежнему полагала, что атака — лучший способ защиты. Она диктовала свою волю дочерям и их мужьям. В письме к епископу Эксетера она как-то призналась, что герцог Монтегю не сказал ей «и пятидесяти слов с того момента, как стал ее зятем». И кстати, ее дочь Мэри, герцогиня Монтегю, внешне не похожая на мать, переняла все слабости ее характера — противоречивость, вспыльчивость, желание всем давать советы и всеми руководить... Мэри обожала отца и после его смерти не общалась с матерью, которую называла «мадам». Другие дети называли Сару «дорогой ангел мама». Любимыми внуками герцогини-вдовы были дети Анны, леди Сандерленд, — Джек Спенсер и леди Ди (Диана Спенсер).

Сара ссорилась не только с членами семьи. Она умудрилась устроить полемику с Уолполом, от которого зависело финансирование Бленхайма, решив, что за счет государства можно еще отреставрировать и Виндзор Лодж. Уолпол распорядился выделять на Бленхайм 5000 фунтов ежегодно, а вот оплачивать ремонт Виндзора решительно отказался. Известно, что он часто жаловался коллегам-вигам на герцогиню.



В 1627 году ее посетил в Бленхайме Вольтер. Осмотрев дворец, французский просветитель заметил: «Если бы только комнаты были так широки, как толсты стены, это был бы очень уютный замок». Вольтер попросил герцогиню дать почитать ее мемуары, о которых ходило много слухов за проливами. Сара ответила: «Подождите немного. Там еще многое надо поправить. Сейчас я свожу счеты с королевой Анной, но замечаю за собой, что на фоне сегодняшних наших правителей опять начинаю любить ее». На стенах Бленхайма она приказала выгравировать надпись: «В память королевы Анны, под чьим крылом Джон, герцог Мальборо, завоевал могущество и процветание...» Такова была воля супруга, но, может быть, герцогиня следовала и своему желанию?

Сара благополучно пережила правление Георга I и видела коронацию Георга II. В последние годы жизни она больше говорила о военных и дипломатических победах герцога Мальборо. Она пережила мужа на 22 года и умерла в Мальборо-Хаусе 18 октября 1744 года в возрасте 84 лет. После нее осталось огромное наследство: 22 (по другим данным 27) земельных владения, включая Бленхайм, Мальборо-Хаус, Виндзор Лодж, Уимблдон... Единственная оставшаяся к тому времени в живых дочь, герцогиня Монтегю, была прощена и получила золотой сундук с двумя изображениями молодого Джона Черчилля. Ни один бедный в Вудстоке не был забыт богатейшей женщиной Англии — на это было выделено 300 фунтов. В ее завещании упомянуты и политики-виги, к которым пожилая леди в пике Уолполу благоволила — по 10 тысяч фунтов получили Уильям Питт, граф Грэхэм, и Филипп Стэнхоуп, граф Честерфилд. Титул и основные земельные владения четы Мальборо достались их внуку Чарльзу Спенсеру, от которого по прямой мужской линии происходят Уинстон Черчилль и принцесса Диана.

Герцогиня Мальборо не боялась смерти и ушла из этого мира легко и спокойно. Она была уверена, что имя ее супруга навечно останется в анналах истории и что его слава, к которой причастна и она сама, как бы ее ни пытались очернить, никогда не померкнет.

Итак, повествование завершилось, и читатель имеет полное право составить свое мнение о герое книги, отличное от точки зрения автора. В анналах британской и европейской истории Джон Мальборо оставил весьма заметный след как великий полководец, незаурядный политик и человек. Он не был идеален. Характеризуя его личные качества, надо помнить, что носители ярких талантов всегда люди сложные, противоречивые и чаще всего эгоцентричные — возможно, их психологические особенности были стимулами их деятельности. Бесспорно одно: знаменитый англичанин был выдающимся полководцем, возглавившим силы, сокрушившие геополитические амбиции Людовика XIV, и политиком, утверждавшим новые реалии в международных отношениях в Европе.

Его карьера поражает воображение. Он знал, когда следует выждать, а когда бороться, он проявлял отчаянную храбрость и умел носить непроницаемую маску придворного. Родившись в семье разоренного гражданскими войнами джентльмена, он стал герцогом и пэром Англии, фигурой европейского масштаба, чей статус почти равнялся статусу королей.

Война за испанское наследство выдвинула на европейскую арену целую плеяду талантливых полководцев. Среди них никого не было удачливее герцога Мальборо, который, по сути, не потерпел ни одного серьезного поражения и одержал немало славных побед. Именно ему удалось опровергнуть

известное выражение об английских войсках: «Армия львов, которую возглавляют ослы».

Успехи Мальборо были следствием не только полководческого дара, редкого хладнокровия, предприимчивости, способности создавать и применять оригинальную стратегию, иногда противоречащую общепринятым правилам военного искусства. Таланты полководца сочетались в нем с качествами дипломата. Мальборо не раз разрешал разногласия и прекращал раздоры между участниками антифранцузской коалиции. Герцог был достойным противником главы Департамента иностранных дел Франции маркиза де Торси. Он проявлял исключительную изворотливость и умение, когда необходимо было привлечь на свою сторону нужных союзников и добиться успеха на самых трудных переговорах. Он умел льстить бездарным союзным генералам, улаживать несговорчивые и подозрительные Генеральные штаты Голландии, как ловкий придворный обхаживал тщеславных германских князей, терпеливо сносил их капризы, приписывал шестидесятилетним матронам прелести Венеры, а их не видевшим поле боя мужьям — таланты Александра Македонского. Он обладал способностью исключительно быстро перемещаться и находиться в той точке континента, которую в наше время назвали бы «горячей».

Оставаясь всю жизнь конформистом, умеренным тори в политике и приверженцем англиканской церкви, Мальборо лучше многих своих современников разобрался в сути происходивших в Англии перемен, открыв двери новому столетию коммерческих авантюр и колониальной экспансии. Он принадлежит к сонму государственных деятелей, закрепивших в Британии принципы «Славной революции» и протестантского престолонаследия и внесших свою лепту в превращение Альбиона в «мастерскую мира». В большинстве случаев ему удавалось в меняющихся условиях корректировать свои позиции. Но многое было не в его силах. Он не смог до конца понять развивавшуюся парламентскую систему в Англии, не смог сделать Францию Людовика XIV второразрядной державой Европы. Тем не менее Мальборо стал самым могущественным министром на континенте со времен кардинала Мазарини и самым знаменитым полководцем своего времени.

В его системе ценностей значительную роль играли деньги. Но страстью к золотому тельцу болели и болеют многие государственные деятели. Вместе с тем эта страсть отходила у него на задний план, когда дело касалось сохранения чести, стремления к власти и жажды славы.

Наконец, если карьеру герцога Мальборо можно назвать эпической, то его жизнь — романтической. Он жил полной жизнью и дышал полной грудью: провел бурную молодость и испытал всепоглощающую любовь к выдающейся женщине Саре Дженнингс, ставшей его супругой; познал, что такое преданность друзей и ненависть врагов. Он был относительно беден и стал исключительно богат, он пережил высочайший взлет и унижительное падение, он умирал от счастья и был безмерно несчастлив. Мальборо находился в постоянном движении, яркая палитра самых разных эмоций переполняла его.

Не это ли и есть настоящая жизнь?

Источники

Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987.

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

Наполеон. Избранные произведения. М., 1956.

Свифт Дж. Памфлеты. М., 1955.

Archives ou correspondance inedite de la Maison d'Orange-Nassau / Par F.G. L. Kramer. Leyde, 1909. 1697–1700.

Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents / Trans and ed. by S. Dixon. L., 1998.

British Diplomatic Instructions 1689–1789. Vol. II. France / Ed. By L.G. Wickham Legg. L., 1925.

Burnet G. The History of His Own Times. L., 1903.

Cobbet's Parliamentary History of England. Vol.V. L., 1809.

The correspondence 1701–1711 of John Churchill 1st Duke of Marlborough and Anthonie Heinsius Grand Pensionary of Holland. Ed. by Van'Hoff. The Hague, 1951.

Corps Universelle diplomatique / Par J. Du Mont. T. VII. Pt. II. Amsterdam, 1728.

Die eigenhändigen Briefe König Karls XII / Hrsg. Von E. Carson. Berlin, 1894.

Hare F. The Negotiations for a Treaty of Peace, from the breaking off of the Conference at the Hague, to the end of those at Gertrudenberg, considered in a fourth letter to a Tory Member. L., 1711.

Hare F. La conduite de son altesse le prince et duc de Marlborough, dans la présente guerre, avec plusieurs pieces originales: Trad. de l'angl. Amsterdam, 1712.

The illustrated Pepys: extracts from the diary / Ed. by R. Latham. L., 1978.

Journal inedit de Jean Baptist Colbert Marquis de Torcy. P., 1884.

Leibniz G.W. Politische Schriften. Berlin, 1983. Bd. 1–2.

The letters and diplomatic instructions of Queen Anne / Ed. by B.C. Brown. L., 1935.

Lettres de Princesse Palatine. P., 1981.

The Marlborough-Godolphin Correspondence / Ed. by H.L. Snyder. Vol.I. Oxford, 1975.

Memoires de Louis XIV / Par A. Longnon. P., 1884.

Memoirs of the Duke of Marlborough with his original correspondence: collected from the family records at Blenheim, and other authentic sources / by W. Coxe. In three volumes. L., 1848.

Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen / Hrsg. von F. Heller. Wien, 1848.

Murray G. The letters and dispatches of J. Churchill, first Duke of Marlborough from 1702 to 1712. L., 1845. Vol. I – II.

Private correspondence of Sarah, Duchess of Marlborough. Vol. I, II. L., 1838.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. T. VII / Par A. Levon, P., 1889.

Saint-Pierre, abbé de. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe / Par S. Gyard-Fabre. P., 1981.

Spain under the Bourbons 1700–1833. A collection of documents / Ed. and trans. by W.N. Hargreaves-Mawdsley. Macmillan, 1973.

Swift J. The Examiner and Other Pieces Written in 1710–1711. Oxford, 1940.

Библиография

- Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.
- Григорьев Б. Карл XII. М., 2006.
- Дельбрюк Г. История военного искусства. Средневековье. Новое время. Смоленск, 2003.
- Ивонин Ю.Е., Иволина Л.И. Полководцы-миротворцы: Евгений Савойский и Клод Виллар. М., 2009.
- Иволина Л.И. Война за испанское наследство. М., 2009.
- Испанские короли. Ростов-на-Дону, 1998.
- Клаузевиц К. О войне. М., 1999.
- Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689—1714). М., 1994.
- Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
- Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб., 2001.
- Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002.
- Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991.
- Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI — XVIII вв. Ярославль, 1992.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968.
- Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М., 1985.
- Шандернагор Ф. Королевская аллея. Воспоминания Франсуазы д'Обинье, маркизы де Ментенон, супруги короля Франции. М., 1999.
- Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону, 1997.
- Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.
- Anderson M. War and society in Eighteenth century Europe. L., 1999.
- Black J. Eighteenth Century Europe. 1700—1789. L., 1990.
- Bely L. Les relations internationales en Europe — XVIIe — XVIIIe siecles. P., 1992.
- Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd.I. Wien, 1963.

- Burton I.F. *The Captain-General. The Career of John Churchill, Duke of Marlborough from 1702 to 1711.* L., 1972.
- Butterfield H. *The Whig interpretation of History.* L., 1931.
- Chandler D. *Marlborough as Military Commander.* L., 1989.
- Cowles V. *The Great Marlborough and His Duchess.* L., 1983.
- Dobree B. *Three Eighteenth Century Figures: Sarah Churchill, John Wesley, Giacomo Casanova.* L., 1962.
- Winston S. Churchill. *Marlborough, sa Vie et son Temps. T. I — III.* P., 1967.
- Frey L. and M. *A Question of Empire: Leopold I and the war of Spanish Sucession 1701–1705.* N. Y., 1983.
- Frost R.I. *The Northern Wars 1558–1721.* L., N. Y., 2000.
- Ingrao Ch.W. *In Quest and Crisis: Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy.* Indiana, 1979.
- Hatton R. *Georg I. Ein deutscher Kurfürst auf Englands Thron.* Frankfurt a/M., 1982.
- Hochedlinger M. *Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797.* L.; N. Y. 2003.
- Jones J.R. *Marlborough.* Cambridge, 1993.
- Junkelmann M. *Feldzug und Schlacht von Höchstädt // Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim / Hrsg. von J. Erichsen und K. Heinemann.* Ulm, 2004.
- Kamen H. *The War of Succession in Spain. 1700–1715.* L., 1969.
- Kennedy P. *Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000.* L., Sydney, Wellington, 1998.
- Kishlansky M. *A Monarchy Transformed. Britain 1603–1714.* L., 1997.
- Klaits J. *Printed propaganda under Louis XIV. Absolute Monarchy and Public Opinon.* Princeton, 1976.
- Lossky A. *Louis XIV and the French Monarchy.* Princeton, 1994.
- Lynn J.A. *Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715.* Cambridge, 1997.
- McKay D. *Prince Eugene of Savoy.* L., 1977.
- Metzdorf J. *Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg.* Mainz, 2000.

- Molloy F. *The Queen's Comrade. The life and times of Sarah Duchess of Marlborough. Vol. I — II.* L., 1901.
- Mullenbrock H.J. *The Culture of Contention. A Rhetorical Analysis of the Public Controversy about the Ending of the War of the Spanish Succession, 1710–1713.* München, 1997.
- Otruba G. *Prinz Eugen und Marlborough.* Wien, 1961.
- Parker G. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century.* New Haven: Yale University Press, 2013.
- Reid S.J. *John and Sarah. Duke and Duchess of Marlborough, 1660–1744.* N. Y., 1914.
- Rothstein A. *Peter the Great and Marlborough. Politics and Diplomacy in Converging Wars.* N. Y., 1986.
- Taylor Fr. *The Wars of Marlborough, 1702–1709.* Oxford, 1921.
- Thomson G.M. *The First Churchill. The Life of John, 1st Duke of Marlborough.* L., 1979.
- Tischer A. *Ludwig XIV.* Stuttgart, 2017.
- Schmidt H. *Prinz Eugen und Marlborough. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit.* Hrsg. von J. Kunisch. Freiburg, Würzburg, 1986.
- Vocelka K. *Österreichische Geschichte: 1699–1815: Glanz und Untergang der höfischen Welt: Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat.* Wien, 2001.

Содержание

«Мальбрук в поход собрался...»	5
I. Эпоха перемен	12
II. Наследие предков и фактор женщины	21
III. Фактор любви	38
IV. Провидение и размышления	58
V. Фактор падения	81
VI. Флореаль, или Фактор войны	101
VII. Радости и печали высокого полета	114
VIII. Лето жизни: Бленхайм	132
IX. Первый человек в Европе	147
X. Восточные горизонты	166
XI. Осень жизни: дипломатия и Мальплаке	183
XII. Дела Туманного Альбиона и последний раунд войны ...	201
XIII. Тяжба	213
XIV. Ненастный закат	226
Итоги	245
<i>Литература</i>	248

- Ивонина Л.**
И25 Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик / Людмила Ивонина. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 264 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-510-4

Герой этой книги — прославленный английский полководец и политик герцог Джон Мальборо. Он был едва ли не самым известным человеком в Европе начала века Просвещения, а его мнение — едва ли не самым влиятельным. Таланты военачальника сочетались в нем с изворотливостью дипломата и ловкостью придворного. С Мальборо считались европейские монархи, а некоторые из них вынуждены были ему подчиняться. За виражами его политики пристально следил Петр Великий. Бурная жизнь Мальборо была полна приключений, которые послужили мифологизации его образа и стали основой противоречивых мнений о нем. Особый отсвет на его личность бросает то, что среди его прямых потомков Уинстон Черчилль и принцесса Диана. Людмила Ивонина сделала попытку разобраться в мотивах, которыми руководствовался всесильный герцог, шаг за шагом следуя за ним по его жизни и встречая на этом пути многих выдающихся людей.

Людмила Ивонина — доктор исторических наук, профессор Смоленского университета. В издательстве «Ломоносовъ» вышла ее книга «Драма династии Стюартов» (2016).

УДК 94(420).06-07
ББК 63.3(0)51

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Людмила Ивонина

Герцог Мальборо

Человек, полководец, политик



Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 11.01.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87